

Е.А.РЫБИНА

**ИНОЗЕМНЫЕ
ДВОРЫ
В НОВГОРОДЕ
XII-XVII вв.**



ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1986

В монографии впервые в полном объеме представлена история всех иноземных торговых факторий XII—XVII вв. в Новгороде — ведущем торговом центре древней Руси; определены время возникновения и местоположение Готского, Немецкого и Шведского дворов; предложена строго аргументированная периодизация истории иноземных дворов, рассматриваемая на фоне политической истории стран балтийского региона и торговых взаимоотношений Руси с Северо-Западной Европой.

В приложении публикуются впервые переведенные на русский язык ганзейские документы.

Для специалистов — историков, преподавателей, научных работников и читателей, интересующихся историей нашей Родины.

Рецензенты:

доктор исторических наук А. Л. Хорошкевич,

кандидат исторических наук **А. Ф. Медведев**

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

Елена Александровна Рыбина
ИНОЗЕМНЫЕ ДВОРЫ
В НОВГОРОДЕ
XII—XVII вв.

Зав. редакцией Н. М. Сидорова

Редактор О. Н. Трифонова

Художественный редактор М. Ф. Евстафиева

Обложка художника В. А. Чернецова

Технический редактор Г. Д. Колоскова

Корректоры Л. А. Айдарбекова, Л. А. Кузнецова

ИБ № 2167

Сдано в набор 15.08.85. Подписано в печать 24.02.86.

Л1-67085 Формат 60×90⁹⁰/₁₆ Бумага офс. № 1.

Офсетная печать Усл. печ. л. 11,0 Уч.-изд. л. 12,8

Тираж 7000 экз. Заказ 1302 Цена 90 коп. Изд. № 3206

Орден «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Отпечатано с диапозитивов 12 ЦТ МО в типографии
ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ. 119899 Москва, Ленинские горы

На обложке: Новгород. Вид на бывший Торг.

Р 0505010000—098
077(02)—86 89—86

© Издательство Московского
университета, 1986 г.



Светлой памяти
Натальи Александровны
КАЗАКОВОЙ

ВВЕДЕНИЕ

Средневековая торговля имела ярко выраженный корпоративный характер, которым были проникнуты все виды экономических связей, как внутренних, так и внешних. Купец средневековья не был индивидуалистом; как все его современники он был по существу коллективистом. Торговые поездки в чужие земли, особенно морские, были трудны и опасны, путешественникам предстояло бороться и со стихией, и с разбойными нападениями. Поэтому уже в раннем средневековье складывались своеобразные объединения купцов, занимавшихся иноземной торговлей¹. Самой простой формой таких объединений было совместное пользование одним кораблем. Со временем на основе этих простых товариществ стали образовываться союзы купцов, называющиеся гильдиями. Об их существовании известно из двух рунических камней XI в. из Сигтуны, установленных купеческими гильдиями в память их умерших членов.

Большинство историков видят в этих гильдиях предшественников будущей городской Ганзы². Как свидетельствуют источники, такие купеческие гильдии занимались не только обеспечением торговых поездок, но гарантировали своим членам определенные привилегии в торгующей стране, строили собственные церкви, служившие одновременно надежным хранилищем товаров. Заботились гильдии также и об устройстве жилых и складских помещений в тех местах, где купцы вели торговлю.

Купеческие гильдии являлись, по существу, частными организациями без поддержки и покровительства властей. Их действия были ограничены собственной инициативой, что отнюдь не способствовало развитию торговых связей. Со временем на основе

¹ Подробно об этом см.: Stein W. Zur Geschichte älterer Kaufmannsgesellschaften.— Hansische Geschichtsblätter. Bd. 16, Heft 2. Leipzig, 1910; Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse. Berlin, 1975.

² Термин «Ганза», по мнению исследователей, восходит к слову «Schaff» и означает не что иное, как «сообщество, товарищество». Подробно о значении слова «hansa» см.: Stein W. Hansa. HGBII. Bd. 15, Heft 1, 1909; Feit P. Alte und neue Deutungen des Wortes hansa. HGBII, Bd. 13, 1907.

этих гильдий стали складываться городские купеческие объединения, включавшие купцов одного города или одной национальности. Эти объединения получали льготные грамоты для ведения торговли от правителей той страны, где они торговали. Существование подобных корпораций в виде городских купеческих объединений характерно для всего XII в.

Центром международной торговли в средневековой Европе была Балтика — область взаимодействия различных народов, населявших прибалтийские земли. Долгое время ведущее положение в торговых связях Балтики занимал остров Готланд, находившийся почти в центре Балтийского моря и в политическом отношении практически независимый ни от одной из Прибалтийских стран. На протяжении X—XII вв. он был промежуточной «станцией» на торговых путях Балтийского и Северного морей, где непременно останавливались все купцы, ведущие торговлю в балтийском регионе. Тесные торговые отношения связывали в XI—XII вв. Готланд с Новгородом, что привело к образованию торговой фактории готландцев в Новгороде и гостиного двора новгородцев на острове.

Со второй половины XII в. важным торговым центром на побережье Балтийского моря становится город Любек, удобно расположенный в устье реки Траве и связанный, таким образом, как с внутренней частью Германии, так и со всем морским побережьем. Это обстоятельство предопределило в дальнейшем ведущую роль Любека в союзе немецких городов. А пока, начиная со второй половины XII в., купцы из Любека и других немецких городов стали активно посещать Готланд, избрав для поселения главный город острова — Висбю³. Отсюда им было удобно совершать поездки в земли Восточной и Северо-Восточной Европы. Объединение немецких купцов на Готланде известно под названием «Товарищество купцов Римской империи, посещающих Готланд», под которым они вели торговлю, заключали договоры с иноземными правителями, получали от них льготные грамоты.

Однако в силу неустойчивой политической обстановки, сложившейся в сфере влияния Римской империи в конце XII — первой половине XIII вв., отдельные города и купеческие объединения были не в состоянии обеспечивать безопасность торговых поездок, гарантировать свободную торговлю в других землях, получать привилегии от своих правителей и от властей стран — партнеров по торговле. В связи с этим возникла необходимость в создании межгородских союзов.

Первые такие союзы образовали в 1246 г. вестфальские города во главе с Дортмундом (Мюнстер, Оснабрюк, Минден, Зёст, Херфорд, Косфельд, Липпштадт) и нижнесаксонские во главе с Брауншвейгом (Ганновер, Гельмштадт, Кведлинбург, Гельберштадт, Гильдесхайм, Гослар, Вернигорде, Магдебург;

³ Schlüter W. Zur Geschichte der Deutschen auf Gotland.— HGBll. 15, Heft 2, 1909.

иногда — Люнебург, Гамбург, Штаде, Бремен). Хотя это были региональные союзы, их конечная цель заключалась в обеспечении безопасности торговых путей как внутри страны, так и защите купцов и их товаров за рубежом. Самым крупным городским союзом этого времени было объединение рейнских городов в 1254 г.⁴

Специалисты считают образование и существование перечисленных городских союзов важнейшим толчком к возникновению союза морских городов на юго-западном побережье Балтийского моря. Процесс сближения этих городов, называемых вендскими, шел в течение всего XIII в., поскольку расположенные на южном побережье Балтики Любек, Росток, Висмар, Штральзунд являлись конкурентами в торговле. Однако развитие торговых связей, постоянные и вместе с тем опасные морские поездки делали необходимым объединение морских городов. Первый договор между Любеком, Висмаром и Ростокм был заключен в 1259 г. для борьбы с пиратами, а договоры 1264—1265 гг. между этими городами существенно расширили сферу их совместных действий. Особенно важна была договоренность о взаимопомощи во время войны того или другого города против своего сюзерена.

С середины XIII в. немецкие купцы, организованные в товарищества, прочно обосновались не только на Балтийском и Северном морях, но и на их побережьях, создавая там немецкие городские поселения или торговые фактории. Уже на рубеже XII—XIII вв. были образованы торговые немецкие дворы в Брюгге, Лондоне, Новгороде.

В течение второй половины XIII в. региональные городские союзы то распадались, то снова периодически создавались ввиду общей опасности. В конце этого столетия в Любеке состоялся съезд вендских городов, на котором было принято решение, лишившее немецкую общину на Готланде права владения печатью всего немецкого купечества. Тогда же был совершен перенос высшей апелляционной инстанции из Висбю в Любек. Тем самым существовавшая до тех пор купеческая Ганза превратилась в городскую Ганзу; теперь интересы немецких купцов защищали и представляли города, а не община немецких купцов на Готланде.

Таким образом в конце XIII в. создавались реальные предпосылки для образования общенемецкого союза городов. Но поскольку в первой половине XIV столетия города и особенно группа вендских городов во главе с Любеком были отвлечены на борьбу с Данией и другими сюзеренами земель, на которых находились города, готландская община немецких купцов продолжала самостоятельную, независимую от городов политику в отношениях с торговыми партнерами, принимала необходимые постановления в торговых факториях, руководствуясь при этом своими интересами.

⁴ Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Op. cit., S. 76—77.

Наконец, в 1356 г. состоялся первый общеганзейский съезд городов, а в 1370 г. в результате победы объединенных немецких городов над Данией произошло окончательное оформление Ганзейского союза, в который вошло более 70 городов вендской, вестфальской, нижнесаксонской, прусской, ливонской групп.

На протяжении XIV—XV вв. Ганза держала в своих руках все нити западноевропейской торговли, будучи главным посредником в торговых связях между отдельными областями Центральной, Восточной и Северной Европы. Ганзейские города во главе с Любеком всячески препятствовали проникновению в торговлю купцов неганзейских городов, всеми силами стремились к сохранению монополии в европейской торговле того времени.

Средневековый Новгород был крупнейшим центром в системе как внутрирусской, так и международной торговли и естественным образом был включен в орбиту ганзейской торговли. В Новгороде, как уже отмечено, в разное время были устроены Готский и Немецкий торговые дворы, которые с образованием городской Ганзы превратились в единую ганзейскую контору, известную в источниках под названием «двор св. Петра», просуществовавшую в Новгороде вплоть до конца XVII в.

Несомненно, история иноземных дворов в Новгороде тесно связана с вопросами торговой политики Новгорода, а позднее Русского государства, их отношений с западными странами. Поскольку эта проблематика хорошо разработана в советской исторической литературе, в данной работе указанные вопросы специально не рассматриваются. Только в некоторых случаях, когда отдельные хронологические периоды оказались вне поля зрения исследователей, внешнеторговая политика Новгорода подвергается более подробному анализу. Особенно это касается времени становления и первоначального развития иноземных дворов, т. е. периода XII—XIII и отчасти XIV вв., практически не нашедших отражения в исторических исследованиях.

История ганзейской конторы в Новгороде является как будто одной из наиболее разработанных тем в научной литературе по истории новгородской торговли. Однако несмотря на обилие источников и литературы по данному вопросу в большинстве исследований история торговой фактории ганзейских купцов излагается статично, в виде как бы заданной раз и навсегда модели, т. е. описываются устройство конторы, права и обязанности иноземных купцов, регламентированные специальными постановлениями, обсуждаются правила ведения торговли. В многочисленных монографиях и статьях рассматриваются лишь отдельные периоды существования новгородской конторы или конкретные случаи пребывания иностранных купцов в Новгороде. В литературе существуют также неточности и путаница в определении количества, времени возникновения и местоположения иноземных дворов в средневековом Новгороде. До сих пор нет работы, рассматривающей историю ганзейской конторы в полном объеме и хронологическом аспекте. К тому же подавляющее число авторов доводит

историю этого объединения до 1494 г., времени закрытия конторы Иваном III, в то время как она вновь была открыта в 1514 г. и окончательно прекратила свое существование только в конце XVII в.

Наряду с ганзейской конторой в XVII в. в Новгороде существовал Шведский двор и велись переговоры об устройстве Датского двора. Кроме того, еще в XVI в. здесь были устроены русские гостиные дворы — Псковский и Тверской.

Предлагаемая работа посвящена главным образом истории ганзейской конторы в XII—XVII вв. (Готский и Немецкий дворы), как наиболее полно обеспеченной источниками. История других иноземных дворов, существовавших в Новгороде в XVI—XVII вв., рассматривается в отдельной главе.

Переводы большинства использованных в работе ганзейских источников осуществлены И. Э. Клейненбергом, которому автор выражает сердечную благодарность за неоценимую помощь и участие в работе. Отдельные разделы исследования обсуждались на новгородском научном семинаре кафедры археологии МГУ, руководителю которого профессору В. Л. Янину и участникам семинара чрезвычайно признательна за дружеские советы и замечания.



ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Среди документов, иллюстрирующих историю ганзейской конторы в Новгороде, большую часть составляют иностранные источники, сохранившиеся в архивах Любека, Гданьска, Риги, Таллина, Тарту и других городов. К ним относится многообразная переписка между немецкими купцами, торговавшими в Новгороде, и городскими советами Любека, Висбю, Риги, Ревеля (Таллина), Дерпта (Тарту), руководившими ганзейской конторой. Публикация этих материалов началась в середине прошлого века в многотомном издании прибалтийских документов, предпринятом Ф. Г. фон Бунге и продолженном в дальнейшем другими исследователями¹. Это издание, состоящее из 15 томов, содержит массу документов, главным образом XIV—XV вв. и отчасти XVI в., относящихся к переписке немецких купцов из Новгорода с ливонскими городами. В них мы находим самые разнообразные сведения из жизни купцов в чужом городе, устройстве их быта, о взаимоотношениях с новгородскими властями и жителями города, узнаем о положении и состоянии иноземных дворов в периоды ухудшения или полного разрыва торговых отношений. Письма купцов, как любая частная переписка, сохранили живые подробности эпохи и интересные факты из жизни конторы.

В 70-е годы прошлого века сначала Исторической комиссией при Мюнхенской Академии наук, потом созданным в 1870 г. Ганзейским историческим обществом было предпринято также много-

¹ Liv-, Est-, und Curländisches Urkundenbuch. Erste Abteilung, Bd. 1 (1030—1300). Reval, 1853; Bd. 2 (1301—1367), 1855; Bd. 3 (Nachträge zum 1. und 2. Bände und Fortsetzung bis 1393), 1857; Bd. 4 (1394—1414), 1859; Bd. 5 (1414—1423). Riga, 1867; Bd. 6 (Nachträge, Schluss), 1873; Bd. 7 (1423—1429). Riga—Moskau, 1881; Bd. 8 (1429—1435), 1884; Bd. 9 (1435—1443), 1889; Bd. 10 (1444—1449), 1896; Bd. 11 (1450—1459), 1905; Bd. 12 (1460—1471), 1910; Zweite Abteilung, Bd. 1 (1494—1500). Riga—Moskau, 1900; Bd. 2 (1501—1505), 1905; Bd. 3 (1506—1510), 1914 (далее — LUB. Для первой части LUB ссылка дается только на номер тома, для второй — римской цифрой обозначается часть, арабской — том).

томное издание постановлений ганзейских съездов и всей переписки, связанной с их подготовкой и проведением². Оно состоит из четырех частей (три из которых вышли до первой мировой войны); каждая включает 7—8 томов, в которых соблюдался строгий хронологический порядок публикации источников. Последний том третьей части, включающий материалы 1521 г., вышел в 1905 г. Два тома четвертой части, содержащие документы 30-х годов XVI столетия, появились спустя много лет: 1-й том в 1937 г., 2-й — в 1970 г. Это издание — наиболее полная публикация ганзейских документов, которые освещают в основном вопросы запретов по тем или иным причинам торговли с Новгородом, ведения с ним переговоров и заключения торговых договоров, рассмотрения различных конфликтных ситуаций, т. е. всего того, что входит в сферу торговой политики. Вместе с тем среди материалов съездов нередко встречаются документы, непосредственно касающиеся судебных ганзейской конторы в Новгороде, дела которой постоянно обсуждались на съездах. В 70-е годы XIX в. Ганзейское историческое общество начало публикацию различных ганзейских грамот, последний, одиннадцатый, том которых вышел в 1916 г.³

Все перечисленные издания, прерванные первой мировой войной, практически не возобновились впоследствии, за исключением двух указанных томов четвертой части «Hanserecesse». Таким образом, почти все события XVI—XVII вв., связанные с историей ганзейской конторы в Новгороде, в изданных источниках освещены недостаточно полно.

² Die Recesses und andere Akten der Hansetage von 1256—1430. Erste Abteilung. Herg. durch die Historische Kommission bei der königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 1 (1256—1369), München, 1870; Bd. 2 (1380—1387), 1872; Bd. 3 (1387—1390), (Nachträge zu Bd. 1—2, 1256—1387), 1875; Bd. 4 (1390—1400), 1877; Bd. 5 (1401—1410), 1880; Bd. 6 (1411—1418), 1889; Bd. 7 (1419—1425), 1893; Bd. 8 (1426—1430). (Nachträge und Berichtigungen 1360—1430), 1897. Zweite Abteilung. Herg. vom Verein für Hansische Geschichte. Hanserecesse von 1431 bis 1476. Leipzig, Bd. 1 (1431—1436), 1876; Bd. 2 (1436—1443), 1878; Bd. 3 (1443—1451), 1881; Bd. 4 (1451—1460), 1883; Bd. 5 (1460—1466), 1888; Bd. 6 (1467—1473), 1890; Bd. 7 (1473—1476), 1892; Dritte Abteilung, Herg. vom Verein für Hansische Geschichte. Hanserecesse von 1477 bis 1521, Leipzig, Bd. 1 (1477—1485), 1881; Bd. 2 (1485—1491), 1883; Bd. 3 (1491—1497), 1888; Bd. 4 (1497—1504), 1890; Bd. 5 (1504—1510), 1894; Bd. 6 (1510—1516), 1899; Bd. 7 (1516—1521), 1905. Vierte Abteilung. Bd. 1 (1531—1535). Weimar, 1937; Bd. 2 (1535—1537). Köln—Wein. 1970 (далее HR. При ссылках римской цифрой обозначается часть, арабской — номер тома).

³ Hansisches Urkundenbuch. Herg. vom Verein für Hansische Geschichte, Bd. 1 (975—1300). Halle am Salle, 1876; Bd. 2 (1300—1341), 1879; Bd. 3 (1343—1357). Erster Halbband, 1882. Zweiter Halbband (1358—1360), 1886; Bd. 4 (1361—1391), 1896; Bd. 5 (1392—1414), 1899; Bd. 6 (1415—1433), 1905; Bd. 7 (1434—1450); Bd. 8 (1451—1463), 1899; Bd. 9 (1463—1470), 1903; Bd. 10 (1471—1486), 1907; Bd. 11 (1486—1500), 1916 (далее — HUB).

Поскольку некоторые документы публиковались параллельно во всех упомянутых изданиях, то ссылки на них даются на «Hanserecesse», в остальных случаях — на то издание, в котором документ опубликован.

Важнейшим источником по истории ганзейской конторы в Новгороде стала скра — устав Немецкого двора, — известная в семи редакциях⁴. Образование торговых дворов в чужих землях, несомненно, потребовало составления определенных правил поведения и торговли немецких купцов, для чего и была создана скра («Scra», «Schra», «Schrage»), что означает «книга законов» или «судебник»⁵. Этот многоплановый источник наиболее полно характеризует устройство дворов, быт купцов, живущих в Новгороде, правила ведения торговли и многое другое.

Первая дошедшая до нас скра относится к первой половине XIII в. С изменением условий торговли, политической обстановки, торговых взаимоотношений между Новгородом и его западными партнерами, расстановки сил внутри самого Ганзейского союза менялась и новгородская скра. За три с половиной столетия было создано семь редакций этого документа, из которых последняя относится к 1603 г.⁶ Все эти редакции можно разделить на две части, одну из которых составляют три первые скры, содержащие древнейшее право Немецкого двора в Новгороде, каждый раз дополняемое новыми статьями уголовно-юридического и процессуального характера. Ко второй части относятся IV—VII редакции скры, совершенно отличные от трех первых и состоящие главным образом из постановлений, касающихся внешнего распорядка двора и различных решений торгового и правового характера.

Скра неоднократно издавалась разными авторами, но самое полное издание ее редакций с учетом всех имеющихся списков, заново сверенное с оригиналами, было осуществлено В. Шлютером в 1911 г. и предназначено им в качестве подарка XV Археологическому съезду, состоявшемуся в Новгороде в 1911 г.

На русский язык скра впервые была переведена в издании И. Андреевского⁷. Однако автор опубликовал подряд первые три скры, не выделив разные редакции; кроме того, деление на отдельные статьи у него произвольное и не отражает действительного содержания трех первых редакций. В 1905 г. на русском языке появилась публикация III редакции скры⁸. Отметим, что оба русских издания скры грешат неточностями перевода и при работе требуют критического отношения и обязательного сопоставления с оригиналами.

Поскольку первые три редакции так или иначе переведены на русский язык, в настоящем издании был предпринят перевод IV скры, послужившей основой для всех последующих редакций (см. Приложение).

⁴ Schlüter W. Die nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Dorpat. 1911.

⁵ Frensdorf F. Das statutarische Recht der deutschen Kaufleute in Nowgorod. Göttingen, 1887, s. 2—3.

⁶ Подробнее о содержании скры см. в соответствующих разделах главы III.

⁷ См.: Андреевский И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855, с. 39—94.

⁸ См.: Таль П. Третья Новгородская скра (ок. 1325 г.). М., 1905.

Некоторые сведения, касающиеся устройства иноземных гостиных дворов в Новгороде, обязанностей купцов, их взаимоотношений с новгородцами содержатся в торговых договорах, заключенных между Новгородом и ганзейскими городами⁹. Среди русских источников назовем материалы лавочных и писцовых книг по Новгороду, в которых находятся сведения о местоположении Немецкого двора и его постройках, а также сообщения новгородских летописей о пожарах варяжской и немецкой церквей¹⁰. Легенда о посаднике Добрыне, сохранившаяся в трех списках, позволила уточнить время возникновения Готского и Немецкого дворов в Новгороде¹¹. Отдельные, иногда косвенные, сведения об иноземных дворах в Новгороде можно найти в некоторых актовых материалах XVI—XVII вв.¹² Новые материалы, характеризующие быт и устройство немецких купцов в Новгороде, были получены при раскопках Готского двора¹³.

Выход в 1801—1808 гг. двух томов ганзейских документов, в основном разных редакций скры (но не в полном объеме), подготовленных и прокомментированных Г. Сарториусом, послужил началом публикаций ганзейских источников и обусловил интерес историков к проблемам новгородско-ганзейских отношений вообще и к существованию и устройству ганзейской конторы в Новгороде в частности. Этот труд, а также значительно дополненное его второе издание, подготовленное к печати С. Н. Лаппенбергом и вышедшее в 1830 г., уже после смерти Сарториуса, стали одновременно с публикацией источников первыми исследованиями по истории взаимоотношений Новгорода и Ганзы¹⁴.

На протяжении XIX—XX вв. вышло немало специальных работ по истории иноземных дворов в Новгороде. Первым исследователем истории Немецкого двора стал Г. Ризенкампф, добросовестно изложивший историю торговой фактории немецких куп-

⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949; Goetz L. K. *Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters*. Hamburg, 1916.

¹⁰ См.: Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911; Греков Б. Д. *Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому XVI в.* СПб., 1912; Лавочные книги Великого Новгорода 1583 г. Предисл. и ред. С. В. Бахрушина. М., 1930; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 29, 37, 57, 93, 215, 226, 258 (далее — НПЛ).

¹¹ См.: Рыбина Е. А. Повесть о новгородском посаднике Добрыне. — Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978, с. 79—85.

¹² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедицией Академии наук, т. I (1294—1598). СПб., 1836; Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских, кн. 3. Разрядная книга 1617 г. М., 1849; Русские акты Ревельского городского архива. — Русская историческая библиотека, т. 15. СПб., 1894 (далее — РИБ); и др.

¹³ См.: Рыбина Е. А. Готский раскоп. — В сб.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 197—226.

¹⁴ Sartorius G. F. *Geschichte des hanseatischen Bundes*. 1801—1808; *Ibid.* *Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse*. Hrsg. von S. N. Lap-penberg. Bd. 1—2. Hamburg, 1830.

цов в Новгороде¹⁵. В двух небольших книжечках В. Бука особенно подробно рассмотрена история ганзейской конторы в первое столетие ее существования¹⁶. Для последнего периода истории немецкого двора в Новгороде представляет интерес статья Х. Гильдебранда о закрытии конторы в 1494 г., написанная автором на основе изданных им отчетов ревельского и дерптского послов об их посольстве в Москву¹⁷. Р. Хаусманн и П. Остен-Сакен в своих статьях также обращают внимание на последний период в истории ганзейской конторы, когда руководство ею полностью переходит к ливонским городам Риге, Ревелю, Дерпту¹⁸. Новое открытие конторы в Новгороде в начале XVI в., порядки, царившие в ней в это время, освещены В. Шлютером в предисловии к изданию семи редакций скры¹⁹. О правовом положении Немецкого двора и купцов в Новгороде говорится в специальных исследованиях Х. Бермана и Ф. Френсдорфа²⁰. Для хронологии этапов и общей схемы развития торговой фактории ганзейцев важна работа М. Гурланда, создавшего периодизацию истории ганзейской конторы²¹.

Среди современных работ выделяются статьи П. Йохансена, одного из крупнейших специалистов послевоенного времени в области новгородско-ганзейских отношений. В своих исследованиях он оценивает характер этих отношений, ставит задачи их дальнейшего изучения, дает подробное описание конторы св. Петра в Новгороде²².

Из работ последних десятилетий следует отметить статью Г. Свенстрёма о значении и истории Готского и Немецкого дворов

¹⁵ Riesenkampf N. G. Der deutsche Hof zu Nowgorod bis zu seiner Schliessung durch Iwan Wassiljewitsch III. im Jahre 1494. Dorpat, 1854.

¹⁶ Buck W. Der deutsche Kaufmann in Nowgorod bis zur Mitte des 14. Jahrhunderts. Berlin, 1891; Ibid. Der deutsche Handel in Nowgorod bis zur Mitte des 14. Jahrhunderts. Petersburg, 1895.

¹⁷ Hildebrand H. Die hansisch-livländische Gesandtschaft des Jahres 1494 nach Moskau und die Schließung des deutschen Hofes zu Nowgorod. — Baltische Monatschrift, Bd. 20; N. F., Bd. 2. Riga, 1871, s. 115—136.

¹⁸ Hausmann R. Zur Geschichte des Hofes von St. Peter in Nowgorod. — Baltische Monatschrift, Bd. 46, H. 10—11. Riga, 1904; Osten-Saken P. Der Kampf der livländischen Städte um die Vorherrschaft im Hansekontor zu Nowgorod bis 1442. — Beiträge zur Kunde Est-, Liv-, und Kurlands, Bd. 7, H. 3—4, 1912.

¹⁹ Schlüter W. Op. cit.

²⁰ Bermann H. De Skra van Nougarden. Die Handel, — Gerichte und Polizeyordnung des Deutschen Handelshofen zu Nowgorod. Kopenhagen, 1828; Frensdorf F. Op. cit.

²¹ Gurland M. Der St. Petershof zu Nowgorod. Innere Hofverhältnisse. Göttingen, 1913.

²² Johansen P. Nowgorod und Hanse. — In: Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte. Gedächtnisschrift für Fritz Rörig. Lübeck, 1953; Ibid. Umriss und Aufgaben der hansischen Siedlungsgeschichte und Kartografie. HGBII, 73, 1955; Ibid. Die Kaufmannskirche im Ostseegebiet. — In: Studien zu den Anfängen des europäischen Städtewesens. Vorträge und Forschungen, Bd. IV. Lindau-Konstanz, 1958.

в Новгороде, заметку Н. Ангерманна о Любекском дворе XVII в., содержащую ценные сведения из городского архива Любека²³. Общий обзор купеческих церквей в Западной Европе и описание двора св. Петра в Новгороде содержатся в статье О. Халаги²⁴. Краткая история иноземных дворов в Новгороде изложена в вышедшей недавно в ГДР статье автора этой книги²⁵. Кроме названных специальных исследований образование и развитие торговых факторий в Новгороде нашло отражение в общих работах по истории Ганзы и новгородско-ганзейских отношений²⁶.

Почти во всех трудах русских авторов по новгородской истории, особенно касающихся экономического развития и торговых связей города, содержатся очерки об устройстве иноземных дворов в Новгороде, истории, организации быта иностранных купцов, их правах и обязанностях. Первое описание двора св. Петра в Новгороде находим в «Исторических разговорах о древностях Новгорода Великого», вышедших в 1808 г.²⁷ Напомним, что тогда же вышел первый том документов, подготовленный Г. Сарториусом, где содержались сведения о ганзейской конторе в Новгороде. Несомненно, автор «Разговоров» знал эту книгу и пользовался ею при описании торговых немецких дворов.

Вскоре после выхода второго издания труда Сарториуса отдельные части, касающиеся Немецкого двора в Новгороде, были переведены и изложены в статьях С. Строева²⁸. В обобщающей работе середины XIX в. М. Славянского также подробно описывается ганзейская контора в Новгороде и даются извлечения из скры²⁹. Специально о местоположении иноземных дворов писали в прошлом веке И. Красов и В. С. Передольский³⁰.

Самые подробные и содержательные обзоры истории Готского и Немецкого дворов в русской историографии принадлежат

²³ Svahnström G. Gutagard och Peterhof. Tva handelagarder i det medeltida Nowgoroder. — In: Götlandskt arkiv. Lund, 1970; Angermann N. Der Lübecker Hof in Nowgorod. — In: Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde, 54, 1974.

²⁴ Halaga O. R. Typy kupeckých domov a novgorodský Peterhof. Slovanský přehled, 1975, № 6, s. 467—481.

²⁵ Rybina E. Ausländische Höfe in Nowgorod vom 12. bis 17. Jahrhundert. — In: Hansische Studien, VI. Weimar, 1984.

²⁶ Winkler A. Die deutsche Hansa in Rußland. Berlin, 1886; Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922; Pagel K. Die Hanse. 4. Auflage. Braunschweig, 1965; Dollinger Ph. Die Hanse, Stuttgart, 1968; Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse. Berlin, 1975; и др.

²⁷ [Болховитинов Е.] Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. Спб., 1808.

²⁸ См.: Строев С. Первоначальное образование и распространение Немецкого двора в Новгороде. — ЖМНП, 1838, № 3; Он же. О торговле немецких купцов с Россией до конца XIV в. — ЖМНП, 1839, № 6.

²⁹ См.: Славянский М. Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком. Спб., 1847.

³⁰ См.: Красов И. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851; Передольский В. С. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898.

М. Н. Бережкову и А. И. Никитскому³¹. Основываясь на опубликованных к тому времени источниках, авторы дали полное описание устройства торговых дворов немцев, установили их количество и местонахождение на Торговой стороне Новгорода, перечислили обязанности купцов по охране и содержанию дворов, все возможные случаи нарушения порядка, за которые полагался определенный штраф.

Во многих исторических исследованиях второй половины XIX и начала XX в., отражающих историю Новгородской республики, обязательным является рассказ об устройстве в Новгороде иноземных дворов. Среди них работы, специально посвященные истории Новгорода, а также обобщающие труды по истории древней Руси. Назовем работы И. Д. Беляева, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, М. В. Довнар-Запольского³². Одной из последних работ отечественной историографии, в которой содержится описание новгородской ганзейской конторы, является книга И. М. Кулишера³³. Упоминания об иноземных дворах встречаются в работах советских историков Н. А. Казаковой и А. Л. Хорошкевич³⁴.

³¹ См.: Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. Спб., 1879; Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. Спб., 1893.

³² См.: Беляев И. Д. История Новгорода Великого с древнейших времен до его падения. М., 1864; Ключевский В. О. Курс русской истории. Лекция VIII. — Сочинения в восьми томах, т. I. М., 1956; Костомаров Н. И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого периода (история Новгорода, Пскова, Вятки), т. I. Спб., 1886; Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства. Киев, 1911.

³³ См.: Кулишер И. М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. Пб., 1923.

³⁴ См.: Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв. М., 1963; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Л., 1975.





ВОЗНИКНОВЕНИЕ И МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ГОТСКОГО И НЕМЕЦКОГО ДВОРОВ

О времени возникновения и местоположении, а также о количестве ганзейских дворов в Новгороде до сих пор нет единого мнения. Большинство авторов, основываясь на косвенных сведениях, так как прямых указаний источники по этому поводу не содержат, относят устройство Готского двора к началу XII в., Немецкого — к последним десятилетиям этого столетия, что полностью согласуется с историей балтийской торговли в целом и развитием торговых связей Новгорода с Западной Европой¹.

Известный исследователь новгородско-ганзейской торговли П. Йохансен считал, что церковь св. Олафа на Готском дворе в Новгороде была построена в 1029—1030 гг., а упоминается впервые в рунической надписи 1090 г., при этом он никак не аргументирует свое мнение². Что касается рунической надписи, то действительно на одном из крестов в Скандинавии есть запись, гласящая, что этот крест поставлен в память человека, умершего в Новгороде в церкви св. Олафа (вероятно, имеется в виду его захоронение возле церкви). Е. А. Мельникова датирует этот текст концом XI в.³, но не исключает и первые десятилетия XII столетия.

Что касается Немецкого двора и церкви св. Петра на нем, то в некоторых работах указывается точная или приблизительная дата их постройки. В частности, А. Винклер, Б. А. Рыбаков называют 1184 г., Й. Шильдхауэр и его соавторы считают, что немецкие церковь и двор были построены до 1184 г., П. Йохансен ут-

¹ См.: введение и главу III, этап I.

² Johansen P. Nowgorod und Hanse. — In: Städtewesen und Bürgertum als geschichtliche Kräfte... Lübeck, 1953, s. 235.

³ См.: Мельникова Е. А. Сведения о древней Руси в двух скандинавских рунических надписях. — История СССР, 1974, № 6, с. 177.

верждает, что в 1189 г. церковь св. Петра уже существовала, не упоминая о времени ее возникновения⁴.

Между тем существует один литературный памятник, позволяющий уточнить время возникновения иноземных дворов в Новгороде в XII в. и католических церквей, стоящих на них. Речь идет о легенде о посаднике Добрыне, с которым связывается строительство Немецкого двора и церкви св. Петра в Новгороде. Сообщение об этом содержится в Новгородской третьей летописи под 1184 г.: «В лето 6692 заложиша церковь древяну Иоанн архиепископ Собор святого Иоанна Предтечи, и в лето 6700 (1192 г. — *Е. Р.*) пренесли церковь древяну святого Иоанна Предтечи на иное место, а на том месте поставиша Немецкую ропату и о том бысть чудо о посаднике Добрыни»⁵.

Что же скрывается за этим летописным сообщением? Прежде всего отметим, что при составлении НПЛ в XVII в. наряду с разнообразными документами были использованы многочисленные повести легендарного и полуполюгендарного характера, к которым относится и повесть о посаднике Добрыне, упомянутая летописью. Суть этой повести, сохранившейся в нескольких редакциях, состоит в том, что немцы, прибывшие торговать в Новгород, просили у новгородцев место для строительства своей церкви, в чем им сначала было отказано. Но потом при содействии посадника Добрыни, тайно получившего от них денежное вознаграждение, немецкие купцы добились разрешения на постройку своей церкви и выбрали для нее место близ торгового, где стояла православная церковь Иоанна Предтечи. Посадник Добрыня, получивший «мзду», «ослепи очи свои и сердце омрачи златоприятием и забыв день судный, не имея страха Божьего», велел перенести православную церковь, а на ее месте поставить немецкую ропату. За это он был сурово наказан: при возвращении домой через Волхов его насад был поднят в воздух и упал в воду. Тело посадника с трудом выловили, а за свое «лихоимство» Добрыня был погребен без христианского обряда⁶.

Несомненно, эта повесть, несмотря на свой легендарный характер, основывается на реальных исторических событиях. Она относится к числу тех повествований, которые, по словам Ф. И. Буслаева, «проходят через три эпохи: во-первых, эпоху самого события или лица, послуживших предметом повествования, во-вторых, время, когда составились народные предания, и, наконец, эпоху литературной обработки предания»⁷. Достоверным представляется сообщение легенды о переносе при посаднике Добрыне

⁴ См.: Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. — В кн.: История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1951, с. 348; Winkler A. Die deutsche Hansa in Rußland. Berlin, 1886, s. 8; Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse. Berlin, 1975, S. 49; Johansen P. Op. cit., S. 135.

⁵ Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 194.

⁶ Памятники старинной русской литературы, вып. I. СПб., 1860, с. 252.

⁷ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 2. СПб., 1861, с. 170.

православной церкви Иоанна Предтечи и строительстве на ее месте католической божницы. Косвенным образом на это указывает традиционное существование впоследствии церкви Иоанна Крестителя рядом с Немецким двором.

Однако в самом летописном рассказе имеется алогизм: строительство немецкой ропаты в 1192 г. связывается с именем посадника Добрыни, умершего в 1117 г.⁸ Н. М. Карамзин, впервые опубликовавший текст легенды, а позже и Д. И. Прозоровский, отметив указанное несоответствие, отнесли даже легенду о Добрыне к числу вымыслов, не имеющих реальной основы⁹.

Тем не менее источниковедческий анализ различных списков легенды, обращение к истории взаимоотношений Новгорода с его западными партнерами позволяют разобраться в несоответствиях летописного рассказа и определить с большей степенью точности время возникновения Готского и Немецкого дворов.

До недавнего времени исследователи пользовались двумя списками легенды. Первый, назовем его Волоколамским, не раз издавался в прошлом веке по тексту рукописного сборника, составленного в XVI в. при Иосифо-Волоколамском монастыре. Второй список, входящий в сборник, составленный в Новгороде в третьей четверти XVI в., обнаружен в коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области и назван поэтому Ярославским¹⁰. Оба списка практически идентичны и, вероятно, восходят к одному оригиналу. При сличении их текстов обнаруживаются лишь незначительные разночтения, которые легко можно объяснить ошибками или описками переписчиков¹¹. В то же время очевидно, что оформление текста легенды было тесно связано с летописанием. Возможно, что в одном из ранних списков НПЛ имелся и текст легенды, замененный в дальнейшем глухой ссылкой на него.

Оба списка — Волоколамский и Ярославский — могут быть отнесены к одной редакции. Кроме них существует еще один список легенды, введенный в научный оборот в начале нынешнего столетия А. И. Никольским¹², но совершенно забытый в последующие годы. Во всяком случае ни в одной работе, так или иначе использующей эту легенду, он не упомянут. Вместе с тем его текст существенно отличается от названных выше списков.

Указанный памятник является частью рукописного жития Иоанна Предтечи, написанного полууставом конца XVII в., хра-

⁸ НПЛ, с. 20.

⁹ См.: Карамзин Н. М. История Государства Российского, т. 3. Спб., 1818, с. 54—55, прим. 244; Прозоровский Д. И. Новые разыскания о новгородских посадниках. — Вестник археологии и истории, вып. IX. Спб., 1892, с. 104—105.

¹⁰ См.: Шмидт С. О. Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты. — Историко-археологический сборник. М., 1962.

¹¹ См.: Рыбина Е. А. Повесть о посаднике Добрыне. — Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978.

¹² См.: Никольский А. И. Сказание о двух новгородских чудесах из жития Иоанна Предтечи и Крестителя Господня. — ИОРЯС, 1907, т. 12, кн. 3. В приложении публикуются оба варианта легенды.

нившегося в рукописном отделе архива Синода (поэтому список в дальнейшем именуется Синодским). Житие включает восемь сказаний о чудесах Иоанна Предтечи, из которых два последних связаны с постройкой в Новгороде католической церкви.

При издании этих сказаний А. И. Никольский отметил, что по сравнению с известным в то время Волоколамским списком легенды Синодский представляет «редакцию совершенно особую». В самом деле, события, связанные с постройкой в Новгороде немецкой церкви, описаны в нем более подробно, эмоционально и с определенной тенденцией. Весь текст легенды носит обличительный характер с нравоучением в конце. В заключительной части сказания сообщается, что оно читалось в один из праздников Иоанна Предтечи, вероятно в посвященном ему храме. А. И. Никольский при издании данного списка легенды обратил особое внимание на его стилистические отличия. Более подробное и детальное сравнение разных списков легенды выявляет не только особенности стиля и языка Синодского списка, но и его некоторые принципиальные отличия, что позволяет определить старшинство редакций легенды и установить время ее составления.

Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие в Синодском списке терминов «степенный посадник» и «старосты купеческие». Возникновение института степенных посадников связано с реформой Онцифора Лукинича и относится, следовательно, к середине XIV в.¹³ Когда возник институт купеческих старост, неизвестно, но впервые они упоминаются в немецком проекте договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готландом, относящемся к 1268 г.¹⁴ В русских документах термин «староста» впервые встречается в грамоте 1301 г., а «старосты купеческие» — в грамоте 1342 г.¹⁵ Таким образом, Синодский список, несомненно, возник ранее XIV в. и является первоначальным относительно двух других списков. Некоторые особенности текста Синодского списка позволяют уточнить дату его составления. В заключительной части сказания сообщается, что рассказанную легенду «отцы наши поведаша нам не утаися от нас, чад их», т. е. очевидно, что легенда была создана вскоре после действительных событий, связанных с постройкой в Новгороде католического храма, а именно в XII в., и рассказана впервые очевидцами этой постройки¹⁶. Присутствие термина «епископ» в тексте списка также свидетельствует, что он появился в XII в., так как титулование новгородских владык епископами характерно лишь для XI—XII вв. С начала XIII в. оно уже не употребляется, поскольку новгородская епископия была преобразована в архиепископию.

¹³ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 369.

¹⁴ Памятники истории Великого Новгорода, с. 64—68.

¹⁵ ГВНП, № 33, с. 62; № 41, с. 73.

¹⁶ Лишь один анахронизм проник в текст Синодской редакции — упоминание «70 городов немецких», в то время как союз немецких городов оформился только в 1370 г. Вероятно, оно было включено в Синодский список при последующих переписках.

Устный рассказ о чудесах, случившихся при постройке в Новгороде католической церкви, был впоследствии записан и включен в житие Иоанна Предтечи. В дальнейшем легенда, видимо, неоднократно переписывалась и дошла до нас в рукописи XVII в., сохранив при этом некоторые характерные особенности, позволяющие считать этот вариант легенды (Синодский список) самой ранней редакцией, составленной в XII в.¹⁷

Анализ разных списков легенды и знание истории развития торговых взаимоотношений Новгорода с западными партнерами делают очевидным тот факт, что речь в легенде о посаднике Добрыне идет о строительстве церкви св. Олафа на Готском дворе в начале XII в. или на рубеже XI—XII вв., т. е. в годы жизни посадника. Несомненно, строительство первой католической церкви в Новгороде вызвало недовольство и возмущение новгородцев, что и послужило непосредственной причиной составления легенды.

Другая редакция легенды, от которой сохранились два списка, как уже указывалось, была составлена в XV в. Причины возникновения в Новгороде интереса к сюжету легенды подробно рассмотрены С. О. Шмидтом. Для нас же важно следующее: церковь св. Олафа на Готском дворе в это время уже не существовала. Оба двора, Готский и Немецкий, объединились под общим управлением немецкой купеческой компании. Готский двор со второй половины XIV в. постоянно арендовался немецкими купцами и именовался иногда Немецким речным двором. Народное предание XV в. стало связывать перенесение церкви Иоанна Предтечи со строительством немецкой церкви св. Петра, поскольку другой католической церкви в Новгороде тогда не было. Поэтому в новой редакции легенды чудеса связываются с постройкой немецкой ропаты, которая на самом деле была возведена только в последней четверти XII в. Таким образом и возникло несоответствие в датах: 1192 г. — постройки церкви и 1117 г. — смерти посадника Добрыни (как сообщает летопись).

Следовательно, возникновение Готского двора с церковью св. Олафа должно быть отнесено ко времени посадника Добрыни, т. е. к рубежу XI—XII вв. Датой основания Немецкого двора с церковью св. Петра следует считать 1192 год, который указан в Новгородской третьей летописи. Очевидно, эта дата была известна составителям данной летописи из недошедших до нас документов.

Что касается местоположения Готского и Немецкого дворов на территории Новгорода, то оно устанавливается по письменным источникам, хотя и не достаточно точно, но вполне определенно. Оба двора находились на Торговой стороне города в непосредственной близости от резиденции князя на Ярославовом Дворище.

¹⁷ Эта редакция, вошедшая в житие Иоанна Предтечи и предназначавшаяся для богослужения, не вышла, вероятно, из круга церковных памятников. Косвенным свидетельством тому служит то обстоятельство, что Синодская рукопись с житием Иоанна Предтечи XVII в. происходит из Деревяницкого монастыря, бывшего загородной резиденцией новгородских владык.

Между тем в исторической литературе существует путаница относительно размещения в Новгороде иноземных дворов и их количества. Исследователи первой половины прошлого века Е. Болховитинов и И. Красов указывали местонахождение только одного Немецкого гостиного двора, не упоминая о Готском¹⁸. Это объясняется тем, что в то время были изданы источники, в которых содержались сведения лишь о дворе св. Петра в Новгороде.

С публикацией новых ганзейских документов и договорных грамот появились материалы и о Готском торговом дворе и даже упоминание некоего двора гильдии, который готы продали и поэтому отказывались следить за состоянием мостовой возле этого двора. Это сообщение содержится в латинском тексте проекта договора Новгорода с Любеком и Готским берегом 1268 г.¹⁹ В связи с этим, приступая в 1870 г. к изданию ганзейских документов, в предисловии к первому тому издатели писали о существовании в Новгороде двух Готских и одного Немецкого дворов с церквами. Упомянутую в проекте торгового договора церковь св. Николая они считали немецкой, так как повсюду в северо-немецких городах церкви св. Николая были патронами немецких купцов. На самом деле католической церкви св. Николая в Новгороде никогда не было, а в документе говорится о православном Никольском соборе на Дворище, который находился неподалеку от Готского и Немецкого дворов.

О двух Готских дворах писали в своих работах Л. К. Гетц, П. Йохансен, Н. Ангерманн, имея в виду данные латинского проекта договора 1268 г., однако не приводя других доказательств этого факта и не определяя местонахождение второго Готского двора.

Новгородский краевед прошлого века В. С. Передольский считал, что оба Готских двора находились на берегу Волхова; один — на пространстве между Дворищенскими церквами, Молочной горкой, Большой Михайловской улицей; второй — на месте Путевого дворца, построенного в 1778 г., против церкви Иоанна на Опоках²⁰.

Вместе с тем в многочисленных источниках XIV—XV вв., наиболее полно отражающих историю иноземных дворов в Новгороде, ни разу не упоминается о третьем дворе, но постоянно речь идет о Готском и Немецком дворах. На основании этого большинство авторов, в том числе и такие известные исследователи истории новгородской торговли, как М. Н. Бережков и А. И. Никитский, рассказывали об устройстве в Новгороде двух ганзейских дворов и определяли их местоположение²¹. Документы, содержащие све-

¹⁸ [Болховитинов Е.] Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808, с. 55; Красов И. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851, с. 99.

¹⁹ Памятники истории Великого Новгорода. Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909, с. 64—68.

²⁰ См.: Передольский В. С. Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898, с. 48.

²¹ См.: Бережков М. Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV в. Спб., 1879, с. 61; Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. Спб., 1893, с. 111.

дения о местонахождении Готского и Немецкого дворов, относятся к XIV—XV вв., однако несомненно, что оба двора в указанное время находились на тех же территориях, что и в момент закладки.

Конфликты Готского двора с жителями Михайловой улицы позволяют с полным основанием помещать Готский двор на этой улице вблизи Волхова, т. е. с южной стороны Ярославова Дворища. В проекте договорной грамоты 1371 г. говорится: «А что учинилось зло на Готском дворе, то мы (иностранные купцы. — *Е. Р.*) с нашими соседями с улицы св. Михаила dokonчали по дружбе»²². В 1439 г. вновь возник инцидент между жителями Михайловой улицы и Готским двором в связи с установлением новых ворот двора, о чем красочно повествуется в донесении руководства двора²³. На территории между древней Михайловой улицей и берегом Волхова в 1968—1970 гг. были проведены археологические исследования, окончательно уточнившие местоположение Готского двора. Весь комплекс обнаруженных при раскопках древностей с несомненной очевидностью свидетельствует о принадлежности этого участка иноземным купцам²⁴, а в сочетании с показаниями письменных источников убеждает, что раскопкам подвергся сравнительно небольшой участок Готского двора.

Немецкий двор размещался, согласно письменным источникам, с восточной стороны Ярославова Дворища, напротив Никольского собора. Об этом свидетельствуют споры Немецкого двора с жителями древней Ильиной улицы²⁵, а также территориальная близость русской церкви Иоанна Крестителя, которая в документах постоянно упоминается как церковь, стоящая у Немецкого двора. Местоположение этого несохранившегося храма обозначено на одном из планов Новгорода XVIII в. к востоку от Никольского собора. При раскопках летом 1975 г. были обнаружены остатки этой церкви именно на этом месте.

Таким образом, мы располагаем достаточными сведениями для уточнения топографии Готского и Немецкого дворов в Новгороде и помещения их на городском плане (рис. 1).

К сожалению, о размерах иноземных дворов судить трудно, так как практически о них не имеется сведений. Только писцовая книга по Новгороду, составленная в 1583 г., указывает размеры Немецкого двора с кратким описанием сохранившихся к тому времени построек²⁶: в длину он имел 28 саженей (60,48 м), в ширину 15 саженей (32,4 м), что составляло площадь в 1960 кв. м, из

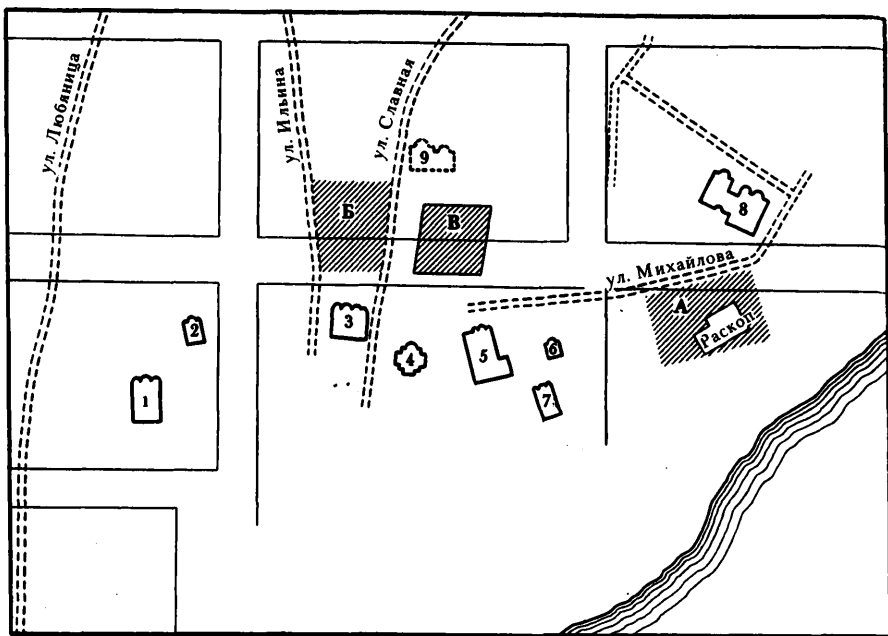
²² ГВНП, № 42, с. 76.

²³ LUB, IX, № 546.

²⁴ См.: Рыбина Е. А. Готский раскоп. — В сб.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.

²⁵ HUB, VI, № 97.

²⁶ Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. Спб., 1911, с. 244.



Местоположение иноземных дворов в Новгороде. А — Готский двор, Б — Немецкий двор, В — Шведский двор. 1 — церковь Иоанна на Опоках; 2 — церковь Георгия на Торгу; 3 — церковь Успения; 4 — церковь Параскевы; 5 — Никольский собор; 6 — церковь Прокопия; 7 — церковь Жен Мироносиц; 8 — церкви Благовещения и Михаила архангела; 9 — церковь Иоанна Крестителя у Немецкого двора.

которой 217 кв. м занимало кладбище²⁷. Площадь Немецкого двора полностью соответствует обычным размерам богатых новгородских боярских усадеб времен независимости²⁸. Примерно такой же была площадь Шведского гостиного двора, устроенного в Новгороде в XVII в.²⁹ Очевидно, земельный участок размером в 2000 кв. м был неким стандартом, принятым в Новгороде для устройства больших усадеб, обусловившим в дальнейшем и размеры иноземных дворов. Примерно такую же территорию, вероятно, занимал и Готский двор, хотя о его размерах вообще не сохранилось никаких сведений.

²⁷ Вряд ли в раннее время участок Немецкого двора был иным по размерам. Как свидетельствуют источники, территории иноземных дворов в Новгороде оставались неизменными на протяжении всей их истории, что постоянно оговаривалось в торговых договорах.

²⁸ Усадьбы новгородских бояр, судя по археологическим раскопкам, занимали площадь ок. 2000 кв. м. См.: Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода, с. 34.

²⁹ См.: гл. V.

Что касается третьего двора немецких купцов, то упоминание о нем впервые встречается в торговом договоре 1259 г., заключенном Новгородом с Готским берегом, Любеком и немецкими городами: «А которых трее дворць въпросили ваша братья послѣ, а техъ ся есмы отступили по своей воли»³⁰. Поскольку в это время в Новгороде уже существовали Готский и Немецкий дворы, вряд ли могла идти речь о получении немецкими купцами еще трех дворов. Как справедливо отмечал Л. К. Гетц, данная статья лишь подтверждает существование в Новгороде имевшихся дворов, два из которых хорошо известны, а третьим двором был двор гильдии, упомянутый в проекте договора 1268 г. как проданный готами³¹.

Два сохранившихся свидетельства о третьем иноземном дворе не позволяют пока сколько-нибудь ясно представить, когда и где он был устроен. Возможно, в XII в. наряду с основным Готским двором с церковью св. Олафа готы имели еще небольшой двор, который они продали в период между заключением торговых договоров 1259 и 1269 гг. Во всяком случае, в последующее время третий иноземный двор в источниках ни разу не упоминается.

³⁰ ГВНП, № 29, с. 57.

³¹ Памятники истории Великого Новгорода, с. 68.





ИСТОРИЯ ГАНЗЕЙСКОЙ КОНТОРЫ В НОВГОРОДЕ

История ганзейской конторы в Новгороде, больше известной в источниках под названием «двор св. Петра», насчитывает несколько столетий и может быть разделена на отдельные этапы, объединяющие доганзейский и собственно ганзейский период в существовании конторы.

Периодизацию истории ганзейской конторы впервые предложил в 1913 г. М. Гурланд, положивший в основу выделения этапов развития конторы смену руководства ею. На первом этапе, включающем XII—XIII вв., оно находилось в руках немецкой общины города Висбю на Готланде, на втором этапе, с конца XIII в. до второй половины XIV в., делами конторы занимались Висбю и Любек; с третьего этапа, ограниченного второй половиной XIV — серединой XV в., в руководстве конторой активное участие принимают ливонские города Рига, Ревель, Дерпт, а с середины XV в. до 1494 г. наступает четвертый этап, для которого характерно полное господство ливонских городов в делах новгородской конторы¹. Эта схема развития истории ганзейской конторы в Новгороде и вообще развития новгородско-ганзейских отношений была принята почти без изменений историками Ганзы.

Л. К. Гетц, создавший фундаментальный труд по истории новгородско-ганзейских отношений, не возражая в принципе против схемы Гурланда, счел необходимым внести в нее необходимые коррективы, так как считал, что хронологические рамки предложенной периодизации не обусловлены существенными причинами. Не споря с Гурландом по существу деления истории ганзейской конторы на периоды, Гетц положил в основу смены этапов заключение важнейших торговых договоров между Новгородом и его западными партнерами: I период (1189—1269) характеризует-

¹ Gurland M. Der St. Petershof zu Nowgorod. Innere Hofverhältnisse. Göttingen, 1913.

ся господством готландской немецкой общины, во II период (1269—1392) руководство конторой осуществляется совместно Висбю и Любеком, а в III период (1392—1494) происходит переход руководства конторой к ливонским городам².

Однако обе периодизации основаны на формальных признаках: смене руководителей конторы и заключении торговых договоров. Между тем переход руководства конторой от Готланда к Любеку, а затем к ливонским городам, равно как и заключение договоров, является следствием развития торговых и политических взаимоотношений на Балтике, а также становления городской Ганзы. Следовательно, выделение этапов в истории ганзейской конторы в Новгороде непосредственным образом связано с политической и экономической историей стран балтийского региона, в связи с чем предлагается подразделить существование ганзейской конторы на следующие этапы:

I этап — XII век. Торговля с Новгородом целиком находится в руках Готланда. Основание Готского двора.

II этап — XIII век (с основания в 1192 г. двора св. Петра до конца XIII в.) Ведущая роль в торговле и руководстве дворами переходит к немецкой купеческой общине, обосновавшейся в Висбю.

III этап — с конца XIII в. по 1361 г. Совместное руководство конторой Любеком и Висбю.

IV этап — с 1361 по 1392 г. Наряду с Любеком и Висбю в руководстве конторой активное участие принимают ливонские города.

V этап — 1392—1494 гг. Переход конторы в полное распоряжение ливонских городов. В 1442 г. официальная передача конторы ливонским городам.

VI этап — 1494—1514 гг. Перерыв в торговле с Новгородом. Контора закрыта.

VII этап — с 1514 г. до конца XVI в. Контора находится в ведении ливонских городов.

VIII этап — с 1603 г. до конца XVII в. Контора целиком подчинена Любеку.

По сравнению со схемой Гурланда считаем возможным дать точные даты смены руководителей конторы, хотя некоторые являются в известной степени условными. В 1361 г. после первого общеганзейского съезда в 1356 г. в Новгород были отправлены послы городов с решением, что с этих пор все постановления немецкой купеческой общины будут иметь законную силу только в случае одобрения их Любеком, Висбю и ливонскими городами; после заключения в 1392 г. Нибурова мира все последующие торговые договоры с Новгородом заключали от имени Ганзы лишь ливонские города без участия послов Любека и Висбю, что свидетельствует о переходе в это время конторы в полное распоряжение ливонских городов.

² Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, s. 32.

Первый этап, по Гурланду, разделен на два, так как в это время происходит кардинальная смена основных западных партнеров Новгорода. Готланд, безраздельно господствовавший в X—XII вв. во всей балтийской торговле, уступил в конце XII в. свое место немецкой купеческой общине. Кроме того, в отличие от Гурланда, завершающего историю конторы 1494 г., временем ее закрытия Иваном III, в данной работе история конторы продолжена до ее окончательного закрытия в XVII в. Двадцатилетний период с 1494 по 1514 г. выделен в особый, VI этап, так как сохранилось немало документов о деятельности в это время Ганзейского союза по возобновлению конторы.

Этап I (XII в.) Этот период ограничен основанием в Новгороде двух иноземных дворов; начало его связывается со строительством Готского двора на рубеже XI—XII вв., а завершается созданием Немецкого двора в 1192 г.

К сожалению, сведений, характеризующих торговые отношения в XII в., почти не сохранилось, поэтому мы судим о них и об истории Готского двора в это время по косвенным данным. Основание в конце XI или начале XII в. Готского двора, несомненно, свидетельствует о наличии развитых и постоянных торговых связей между Новгородом и Готландом. Ведь собственный торговый двор с церковью был необходим иноземным купцам только в том случае, если они регулярно посещали Новгород и вели там активную торговлю. Доказательством ранних торговых связей Новгорода с Готландом могут служить многочисленные находки арабских монет на острове, которые поступали туда через территорию Руси и, в частности, через Новгород.

К XII в. относятся и поездки новгородцев на Готланд, о чем сообщает новгородская летопись под 1130 г.: «В то же лето идуце и — замория с Гот, и потопи лодии 7, и сами истопоша, и товар, а друзии вылезоша, нъ нази»³. На присутствие готландцев в Новгороде в XII в. указывают и некоторые другие сведения. «Вопрошание Кириково», относящееся к 1130—1156 гг., содержит известие о том, что новгородцы обращались за церковными требами к варяжским попам⁴. На существование самой Варяжской церкви, какой была церковь св. Олафа на Готском дворе, указывают свидетельства новгородской летописи о ее пожарах в 1152 и 1181 гг.⁵ Несомненно, после пожара 1152 г. Варяжская церковь вновь была отстроена, что лишний раз доказывает регулярность торгового сообщения Новгорода с Готландом в это время.

Археологическим подтверждением новгородско-готландских связей служит находка в слое середины XII в. слитка золотистой бронзы весом 360,9 г, имеющего вид длинного стержня с тре-

³ НПЛ, с. 22. На существование в Новгороде объединения купцов, ведущих за морскую торговлю, в XII в. указывает и сообщение летописи о строительстве за морскими гостями в 1156 г. церкви Параскевы.

⁴ РИБ, т. 6, ч. 1. Спб., 1908, стб. 60.

⁵ НПЛ, с. 29, 37.

угольным сечением. Целая группа совершенно аналогичных слитков «желтой меди» (видимо, со значительной примесью цинка) опубликована Ольдебергом среди древностей острова Готланд⁶.

Наряду с Готландом в середине XII в. начинает приобретать большое торговое значение город Любек. Поскольку Готланд был центром всей балтийской торговли, немцы из Любека и других немецких городов вступали с ним в непосредственные контакты, начало которых может быть связано со временем второго основания Любека в 1158 г. Немецкие купцы охотно посещали Готланд и даже переселялись на постоянное жительство в Висбю. Особое значение для упрочения торговых отношений Готланда с Любеком имел договор 1163 г., предоставивший готским купцам ряд привилегий⁷. Укрепление связей немцев с готами в результате этого договора вело к непосредственному знакомству немцев с давними партнерами готов — новгородцами и установлению между ними торговых отношений. Об этом свидетельствует и льготная грамота, данная Фридрихом I иностранным купцам в 1188 г., по которой «русским, готам, норманам и другим народам Востока» было предоставлено право беспошлинной торговли в Любеке⁸. Под «русскими» в данном случае следует понимать скорее всего новгородцев, которые были удобно связаны водным путем с Балтийским морем и совершали по нему поездки.

Под 1188 г. новгородская летопись рассказывает о конфликте, происшедшем между новгородскими и немецкими купцами: «В то же лето рубоша новгородьце Варязи на Гътехъ Немьце въ Хоружьку и въ Новотържьце; а на весну не пустиша из Новагорода своихъ ни одного мужа за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира»⁹. Почти все без исключения исследователи трактуют летописный рассказ как заключение новгородцев в тюрьму («рубоша» — посадили в поруб) варягами на Готланде и немцами в Хоружке и Новоторжье, предполагая под последними названиями самые различные топонимы. Подробная сводка мнений советских и зарубежных, а также и дореволюционных исследователей по этому поводу приведена в работе И. П. Шаскольского, который вслед за другими авторами приходит к наиболее вероятному выводу, что упомянутые в летописном сообщении Хоружек и Новоторжец — это города Торсхэлла и Нючепинг на восточном побережье Швеции. Аналогичное мнение высказано также датским историком Дж. Линдом в обзорной статье о конфликте 1188 г. и о местонахождении Хоружка и Новоторжца¹⁰.

⁶ См.: Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. — МИА, № 117. М., 1963, с. 207.

⁷ HUB, I, № 15.

⁸ Ibid., N 33.

⁹ НПЛ, с. 39.

¹⁰ См.: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978, с. 102—104; Lind J. Varæger, nemcer og novgoroder år 1188. Hvor var Choržek og Novotoržcek? — Historisk Tidsskrift för Finland, 1981, № 2, S. 145—177.

Между тем Гетц, много занимавшийся проблемами русско-немецких торговых отношений, считал, что речь в летописи идет о столкновении немцев с новгородцами в каких-то городах или пунктах древней Руси, где они встретились как конкуренты, а пострадавшей стороной в этом конфликте были немцы¹¹.

Как видим, мнения исследователей, комментировавших летописное сообщение, оказались диаметрально противоположными. Что касается мнения Гетца, то населенных пунктов с указанными названиями в древней Руси не обнаружено, кроме того, по разъяснению А. А. Зализняка, форма «Новоторжец» совершенно исключена по нормам русского языка для названия города и может обозначать только жителя города Новый Торг (Торжок). В связи с этим попытки многих авторов перевести летописные Хоружек и Новоторжец как Торсхэлл и Нючепинг представляются сомнительными и малоубедительными, тем более что географические названия, как правило, не переводились. Подлинные названия городов давались в транскрипции, иногда до неузнаваемости изменяясь. Например, Новгород в многочисленных нижненемецких средневековых документах ни разу не назван *Neustadt*, а всегда *Nogarden*, *Nowgarden*, *Nauwerden* и т. д.

Несомненно, сообщение 1188 г. относится к числу особенно трудных для комментария мест и требует при переводе текста на современный язык учета всех грамматических норм древнерусского языка. В связи с этим исключительный интерес вызывают лингвистические изыскания А. А. Зализняка, и прежде всего проведенный им анализ глагола «рубить» (в летописи «рубоша»), который является, как выяснил исследователь, одной из форм глагола «рути», т. е. подвергать конфискации. Разнообразный сравнительный материал позволил автору точнее перевести летописное сообщение 1188 г.: «В том же году варяги, на Готланде немцы, конфисковали товар у новгородцев за вину Хоружка и новоторжцев»¹². Прямые аналогии этой конструкции содержатся в берестяной грамоте № 246 XI в., в которой автор письма Жировит угрожает адресату Стояну, что он конфискует в счет долга Стояна товар другого новгородца («хочу ти вырути в тя лучшего новгороджанина»), находящегося в данный момент в городе, где живет Жировит, поскольку сам Стоян далеко. Аналогичная запись действия против должника зафиксирована в полоцкой грамоте XV в.¹³

Из летописного рассказа 1188 г. следует, что новгородский купец Хоруг и новоторжские купцы (жители Нового Торга, входя-

¹¹ Goetz L. K. *Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters*. Hamburg, 1916, s. 65.

¹² Цит. по: Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарий и словуказатель к грамотам 1951—1983 гг. М., 1986, с. 174. Ср. традиционный перевод: «порубили новгородцев варяги на Готланде, немцы в Хоружке и Новоторжеце». — Шаскольский И. П. Указ. соч., с. 103.

¹³ См.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч., с. 170—172.

шего в состав Новгородской земли) в чем-то провинились перед немецкими купцами на Готланде¹⁴, которые ввиду их отсутствия конфисковали товар у других новгородских купцов, прибывших на Готланд. Неправедливая конфискация новгородских товаров там вызвала ответные меры новгородцев, отправивших варягов, находившихся в Новгороде, весной 1189 г. «без мира» и без сопровождающего¹⁵, а своих купцов не пустивших за море. Таким образом торговые поездки между Новгородом и Готландом были прерваны.

Однако взаимная заинтересованность сторон в продолжении торговли потребовала скорого урегулирования конфликта, что выразилось в заключении торгового договора от имени князя Ярослава Владимировича, посадника Мирошки, тысяцкого Якова и всех новгородцев с послом Арбудом, со всеми немецкими сынами и с готами¹⁶.

Достоинство внимания, что на первом месте после имени посла в нем названы «немецкие сыны» как главные действующие лица происшедшего конфликта.

Этот документ, первый из дошедших до нас торговых договоров Новгорода, сохранился на одном пергаменном листе с договором 1259 г.: даты он не имеет, поэтому в основе датировки лежат годы княжения Ярослава и правления посадника Мирошки (1189—1199), от имени которых он был заключен. Со времени первой публикации договора в 1857 г. мнения о дате этого документа как первых его издателей, так и многочисленных последующих исследователей разошлись. Все они подробно излагают Л. К. Гетцем в труде о русско-немецких договорах средневековья¹⁷.

Последнее издание договорной грамоты, предпринятое в 1949 г., оставляет датировку в широких хронологических рам-

¹⁴ Примечательно, что в первой части сообщения летопись расшифровывает, о каких варягах идет речь. Поскольку варягами назывались жители Готланда, а конфликт произошел с немецкой общиной, летописец, объяснил, что в данном случае под варягами имеются в виду немцы, живущие на Готланде: «варяги, на Готах немцы».

¹⁵ НПЛ, с. 39. В летописи записано: «... ни съла въдаша Варягом, но пустиша я без мира...» В данном случае под послом («сълом») подразумевается человек, обязанный сопровождать иностранных купцов в пределах Новгородской земли, как при приезде, так и при отъезде. В этом нас убеждают соответствующие статьи торговых договоров 1259 и 1269 гг.: «А зимнии гость, оже не поймет нашего посла, ни новгородьскихъ купецъ из Новагорода или съ Гъцького берега, я что ся учинить, ис Котлингъ до Новагорода или из Новагорода до Котлингъ немецкъму гости, оже бес посла поидуть, то Новугороду тяжя не надобе, въ старыи миръ». — ГВНП, № 29, с. 57. «И брать им новгородского посла и новгородских купцов по старому миру. А не возьмут они новгородского посла, и учинится что между Новгородом и Котлингом, князю и новгородцам до того дела нет». — Там же, № 31, с. 58.

¹⁶ ГВНП, № 28, с. 55.

¹⁷ Goetz L. K. Op. cit., s. 63—64.

ках 1189—1199 гг.¹⁸ Между тем эта дата может быть уточнена. Сразу заметим, что 1199 год как год заключения договора маловероятен, потому что посадник Мирошка Несденич в 1195 г. отправился в Суздаль защищать новгородские свободы перед князем Всеволодом Большое Гнездо и только в 1198 г. был отпущен обратно в Новгород. Вскоре после его возвращения новгородцы поссорились с князем Ярославом Владимировичем и прогнали его летом 1199 г. из Новгорода. Следовательно, договор вряд ли мог быть заключен после 1195 г. Для уточнения его датировки важно упоминание имени тысяцкого Якова, наряду с князем и посадником принимавшего участие в заключении договора. Первым выборным новгородским тысяцким был Миронег, или, иначе, Милонег, которого новгородская летопись знает как строителя церкви св. Вознесения, и в сообщении об освящении этой церкви в 1191 г. называет его тысяцким¹⁹. Значит, Яков не мог занимать должность тысяцкого раньше 1191 г., и, таким образом, наиболее вероятными датами заключения первого торгового договора следует признать 1191—1195 гг. Учитывая заинтересованность обеих сторон в торговле, можно предположить, что договор был подписан вскоре после происшедшего в 1188 г. конфликта, т. е. в 1191—1192 гг. Очевидно, заключение договора послужило основой для устройства в Новгороде Немецкого двора с церковью св. Петра в 1192 г. и лишний раз подтверждает верность этой даты.

Договор не был первым торговым соглашением между Новгородом и его западными партнерами, а являлся подтверждением «старого мира», что предполагает существование предшествовавшего ему договора. Возможно, «старый мир» был заключен с островом Готланд еще в период его господства на Балтийском море, т. е. в первой половине или даже начале XII в., когда в Новгороде основывается первая иноземная фактория — Готский двор с церковью св. Олафа. Подкрепляет это предположение анализ договора 1191—1192 гг., проведенный В. С. Покровским²⁰. Исследователь показал, что многие статьи документа, основанного на «старом мире», находят прямые аналогии в городском праве Висбю. Кроме того, в статьях договора нашли отражение юридические нормы, зафиксированные в «Русской правде».

Вместе с тем наряду с разнообразными статьями уголовно-правового характера, почерпнутыми из законодательных актов обеих стран, в договоре имеются статьи, непосредственно регулирующие состоявшееся «розмирье». Во-первых, было поста-

¹⁸ ГВНП, № 28, легенда, с. 55. Существовавшее в прошлом веке мнение некоторых исследователей расширить датировку документа до 1201 г. было воскрешено недавно в работе западногерманского историка В. Реннкамп: Rennkamp W. Studien zum deutsch-russischen Handel bis zum Ende des 13. Jahrhunderts. Nowgorod und Dünagebiet. Bochum, 1977, s. 64—65.

¹⁹ НПЛ, с. 39.

²⁰ См.: Покровский В. С. Договор Новгорода Великого с Готландом и немецкими городами 1189—1195 гг. как памятник международного права. — Изв. высших учебных заведений. Правоведение. Л., 1959, № 1, с. 99—100.

новлено, что любое спорное дело, возникающее в торговых делах немцев в Новгороде или новгородцев «в немцах», не должно быть поводом для конфискации товаров («рубежа не творити») или для прекращения торговли («на другое лето жаловати»). Другая статья прямо предписывала предъявлять иск только виновным лицам, а не наказывать всех немецких или новгородских купцов в случае нарушения одним из них правил торговли («немца не сажати в погреб в Новгороде, ни новгородца в Немцах, но емати свое у виновата»). Эти правила впоследствии неоднократно повторялись в торговых договорах, так как на практике они соблюдались редко.

В других статьях, касающихся торговли, немцам и новгородцам гарантировался безопасный путь, обуславливалось разрешение спорных дел, происходивших вне Новгорода, назначался штраф в 10 гривен серебра за убийство купца.

Перечисленные статьи договора 1191—1192 гг. обеспечивали разрешение возможных будущих конфликтов и заложили основные принципы взаимоотношений Новгорода с западными партнерами.

Этап II (XIII в.) Строительством в Новгороде Немецкого двора с церковью св. Петра в 1192 г. и заключением договора 1191—1192 гг. начинается новый этап в торговых связях Новгорода на западном направлении. Ведущее положение в них стала занимать не община купцов Готланда, а немецкая община, обосновавшаяся на Готланде во второй половине XII в. и захватившая постепенно в свои руки торговлю с Новгородом. Очевидно, именно в конце XII в. кончается значение Готланда как самостоятельного торгового центра на Балтике.

Организация иноземных дворов в Новгороде требовала и установления определенных правил совместного проживания во дворах, ведения торговли, системы штрафов за нарушения правил и т. д., для чего был выработан устав двора, известный под названием «скра». Первая дошедшая до нас скра относится ко второй четверти XIII в. Упоминание в ней церкви Марии на Готланде, освященной в 1225 г., не позволяет датировать данную редакцию скры более ранним временем. Однако во введении к основным статьям говорится, что в этой скре «предписано правду, которая издревле была и существовала в новгородском немецком дворе, так блюсти и ныне всем тем, которые обыкновенно приезжают в упомянутый двор водою или сухим путем»²¹.

²¹ Андреевский И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году. Спб., 1855, с. 42. Очевидно, что с образованием в Новгороде Немецкого двора была создана первоначальная, не сохранившаяся до нашего времени, скра, определявшая порядок в нем. Существование древнейшей редакции скры предполагал и В. Шлютер на основе сравнительного анализа разных списков I и II редакций (Schlüter W. Die nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom 13. bis 17. Jahrhundert. Dorpat, 1911, s. 16).

I скра состоит из 9 статей (текст разделен на статьи изданием), в которых определены порядок выбора старосты и его помощников, содержание священника во дворе и его оплата, права и обязанности купцов. В них были обусловлены привилегии купцов, прибывающих водным путем, перед сухопутными гостями, устанавливалась пошлина в казну св. Петра, которую платили все купцы, приезжающие торговать в Новгород. Одна из статей регулировала отношения между самостоятельными купцами, называемыми *meistermann*, и их помощниками, их права и обязанности по отношению друг к другу. Разрешение всех происходивших во дворе ссор находилось в компетенции старост двора, но если ссоры происходили по пути в Новгород и оканчивались тогда же примирением, то они должны были быть забыты.

Скра устанавливала правила охраны двора, которую должны были нести по очереди все его жители, как морские так и сухопутные гости. За неявку на охрану двора назначался штраф в 1 марку кун, за отсутствие на ночном дежурстве виновный платил 1 марку серебра.

В I скре определялись и некоторые правила торговли, из которых главное: никто не должен торговать с русскими в церкви св. Петра; за нарушение этого постановления налагался штраф в 10 марок серебра — самый большой штраф, предусмотренный I скрой.

Конец скры содержал постановление, по которому остаток общественной суммы, собранной в течение года во дворе, отсылался на Готланд в кассу церкви св. Марии и ключи от этой кассы находились у властей Любека, Зёста, Дортмунда. Два последних города, находившихся в непосредственной близости один от другого, представляли группу вестфальских городов и, очевидно, совместно вели торговые дела этой группы, потому и названы оба как хранители ключей. Хранение ключей от общественной кассы в перечисленных пунктах делает очевидным вывод, что представители названных групп городов и купеческой общины на Готланде чаще других ездили в это время в Новгород с торговыми целями.

Несомненна тесная связь I скры с Готландом, точнее с немецкой купеческой общиной Висбю. Все статьи этой скры без изменений были включены в две последующие редакции.

Ничтожно мало сохранилось источников о характере торговых взаимоотношений в это время, сведения о них приходится собирать буквально по крупницам. В 1201 г. произошел новый конфликт между торговыми партнерами, о чем в новгородской летописи содержится глухое упоминание: «А варяги пустиша без мира за море», и через строчку записано: «А на осень придоша Варязи горою на миръ, и даша имъ миръ на всеи воли своеи»²².

²² НПЛ, с. 45.

Очевидно, этот конфликт был быстро улажен на основании заключенного в 1191—1192 гг. договора²³.

В начале XIII в. немецкие купцы получили от князя Константина (1205—1207) некоторые привилегии, на которые они ссылались 60 лет спустя при заключении нового договора с Новгородом²⁴.

В дальнейшем, вплоть до конца 50-х годов XIII в., источники не содержат сведений о торговле Новгорода с немецким купечеством. Уже упоминалось, что в 1259 г. был заключен новый торговый договор от имени князя Александра Невского, его сына Дмитрия, посадника Михаила, тысяцкого Жирослава и всех новгородцев с немецким послом Шифордом, любекским послом Тидриком и готским послом Ольстеном²⁵. Как и предыдущий, этот документ широко датируется разными исследователями, поскольку также не содержит в своем тексте даты. Иногда заключение этого договора связывают с победоносным походом русских князей во главе с новгородским князем Дмитрием на Юрьев в 1262 г.²⁶ Однако, как верно заметил Гетц, этот договор не мог иметь отношения к названному походу, так как невероятно, чтобы новгородцы после столь удачного похода брали бы на себя обязательство удовлетворить жалобы немецких купцов и устранить затруднения в новгородско-немецкой торговле, зафиксированные в договорной грамоте. Кроме того, трудно установить связь между военным походом на Юрьев и торговыми делами Новгорода с Готландом и немецкими городами. Несомненно, что этот договор, относящийся к числу торговых, был заключен после очередного конфликта между торговыми партнерами. Русские источники не содержат никаких сведений по этому поводу, в то время как в немецких сохранилось письмо Ревеля, отправленное в конце июня

²³ Предложение историков прошлого века и некоторых современных исследователей датировать рассмотренный выше договор 1201 г. на основании летописного сообщения о том, что варягам именно в этот год был дан мир, нельзя считать обоснованным, так как оно противоречит времени княжения Ярославла, покинувшего Новгород в 1199 г. Кроме того, как отмечал еще Л. К. Гетц, в 1201 г. варяги прибыли в Новгород не обычным морским путем, а сухопутным («придоша Варязи горою на миръ»), в то время как в договоре упоминается только морской путь. Рассуждения В. Реннкампа о том, что договор 1191—1192 гг. (автор придерживается датировки 1189—1193 гг.) был ратифицирован в 1201 г. не имеют реальной основы и потому не могут быть приняты во внимание. См.: Rennekamp W. Op. cit., s. 65—66.

²⁴ Памятники истории Великого Новгорода. Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1909, с. 68, ст. XXV.

Согласно этой статьи дорога от Готского двора к торгу, шедшая мимо княжеского двора, должна быть свободной от построек по праву, данному еще князем Константином.

²⁵ ГВНП, № 29, с. 56.

²⁶ См.: Срезневский И. И. Исторические чтения о языке и словесности 1856—1857. — ИОРЯС, т. VI. СПб., 1857, с. 170; ГВНП, № 29, легенда; Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв., т. 2. М., 1970, с. 9—10.

1259 г. в Любек²⁷ в ответ на его жалобу о несправедливостях и насилиях, чинимых немецким купцам в Новгороде. Вероятно, они-то и послужили причиной прекращения торгового сообщения между новгородскими и немецкими купцами, возобновлению которого и был посвящен разбираемый здесь договор. Учитывая высказанные мнения по поводу даты договора и события, предшествующие его заключению, следует признать верной датировку договора 1259—1260 гг. Вместе с тем давно отмечено явное несоответствие между именами князей Александра и Дмитрия, заключавших договор и скрепившей его княжеской печатью Ярослава Ярославича, новгородского князя с 1265 г.

Пергаменный лист, на котором были записаны два древнейших торговых договора Новгорода (договор князя Ярослава Владимировича и договор Александра Невского), снабжен двумя комплектами печатей: к верхнему краю листа подвешены позолоченные печати князя Ярослава Ярославича, архиепископа Далмата и всего Новгорода, к нижнему краю — подвешены свинцовые печати, оттиснутые теми же матрицами. В. Л. Янин объяснил «столь беспрецедентное оформление акта его запоздалой ратификацией», когда договор, заключенный Александром и его сыном Дмитрием, был утвержден только в 1265 г. с вокняжением князя Ярослава. Именно поэтому два комплекта печатей были призваны утвердить заключенный прежним князем договор²⁸.

Это мнение уточнил И. Э. Клейненберг, отметив, что поскольку печати были подвешены к пергаменному листу с двумя договорами, то позолоченные печати утверждали договор Александра, а свинцовые — «старый мир», т. е. договор конца XII в., приписанный вслед за договором Александра²⁹.

Дополним эти логичные выводы еще одним обстоятельством. Сохранившиеся в подлиннике договоры Новгорода с Любеком и Готским берегом, заключенные от имени князя, посадника и тысяцкого и всего Новгорода, всегда содержат печати лишь трех лиц: князя, посадника и тысяцкого. Печать архиепископа пришивалась к акту только в том случае, если он имел отношение к документу. Например, к посланному в начале XIV в. благословению рижанам владыкой, посадником, тысяцким и всем Нов-

²⁷ HUB, I, № 527. В ответ на жалобы Любека Ревель высказывал свою верность Любеку и всему немецкому купечеству и готовность защищать интересы последних во всех делах. Письмо Ревеля — первое свидетельство причастности ливонских городов к делам торгового двора немецких купцов в Новгороде. В первой половине XIII в. каждый из этих городов (Рига, Ревель, Дерпт) достигли значительного уровня политического и экономического развития, стали важными торговыми пунктами в балтийской торговле.

²⁸ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 112—114.

²⁹ См.: Клейненберг И. Э. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262—1263 гг. (по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.). Вспомогательные исторические дисциплины, вып. VII. Л., 1976, с. 118—126.

городом были подвешены печати архиепископа, посадника и тысяцкого³⁰. В остальных случаях печать архиепископа не пришивалась к торговым договорам. Между тем, как уже отмечалось, к рассматриваемому договору подвешены кроме княжеской еще печати архиепископа Далмата и всего Новгорода. Дело в том, что к 1265 г. посадник Михаил и тысяцкий Жирослав, заключавшие договор в 1259—1260 гг., были сменены другими лицами, печати которых не могли быть подвешены к этому документу. Поэтому договор при ратификации был скреплен прежде всего печатью архиепископа Далмата как носителя высшего духовного авторитета и бывшего владыкой (1251—1273) в момент заключения договора. Совершенно исключительна в сфрагистическом материале Новгорода XIII—XIV вв. печать всего Новгорода, которая в данном случае заменяет именные буллы посадника и тысяцкого.

Таким образом, несомненно, что договорная грамота, составленная и принятая при Александре Невском и его сыне Дмитрии в 1259 или 1260 гг., была ратифицирована только при князе Ярославле Ярославиче не ранее 1265 г.

В отличие от первого договора рассматриваемый документ целиком посвящен торговым делам. В его статьях урегулированы возникшие раздоры и установлены основные правила торговли на будущее. В одной из статей указано, что новгородцы приняли к употреблению вместо своих гирь и весов немецкие скалвы, т. е. чаши. Другая статья обсуждает плату за вес, так называемую весовую пошлину. Немецкие купцы должны были платить теперь твердо установленную пошлину по две куны от «капи» и от всякого весового товара, как проданного, так и купленного.

Статья договора «А в Ратшину тяжю платили есмы 20 гривенъ серебра за две головы, а третьюry выдахомъ» со всей очевидностью свидетельствует о конфликтах, происшедших между новгородскими и немецкими купцами, которые договор призван был уладить. Кто такой Ратша, с которым связан раздор, неизвестно, но несомненно, что все случившееся было хорошо известно обеим сторонам. Как предполагает Гетц, речь здесь идет об убийстве немецких купцов и о наказании убийц, один из которых был найден, а за двух других новгородцы заплатили штраф по 10 гривен серебра.

Часть статей договора гарантировала чистые пути и свободную торговлю «без пакости» немцам и готам в Новгороде, а новгородцам — на Готланде, а также предусматривала взаимные обязательства по обеспечению свободного торгового сообщения. При этом Новгород гарантировал свободный проезд до Котлинга (остров Котлин в Финском заливе, ныне Кронштадт) и обратно в сопровождении посла или новгородских купцов, хорошо знавших дорогу и отправлявшихся с товарами на немецких судах на Готланд. Оговаривалось также правило торговли

³⁰ ГВНП, № 34, 44, 36.

немцев в Карелии. Если там что-нибудь случалось с немцами или готами, новгородцы за это не отвечали. Существенным было постановление о разрешении спорных вопросов там, где они возникнут.

Договор 1259—1260 гг. свидетельствует о дальнейшем развитии торговых отношений между новгородцами и немцами, о повышении роли Любека в балтийской торговле, поскольку в его заключении участвовал посол этого города, представлявший не только Любек, но и образовавшийся в то время союз вендских городов.

События конца 60-х годов XIII в. демонстрируют возросшую роль Ливонского ордена в торговых связях Новгорода с его западными партнерами. В это время Орден активно расширял свои территории, особенно на северо-востоке, что неизбежно вело к столкновению с Новгородом. Особенно обострилась борьба между Новгородом и Орденом в конце 60-х годов. Один из военных походов, организованных в это время, закончился в феврале 1268 г. Раковорской битвой, в которой новгородцы, несмотря на большие потери, одержали победу. После этого Орден решил прибегнуть к экономическим мерам и обратился к Любеку с просьбой не доставлять в Новгород товары и объявить ему торговую блокаду³¹. Любек согласился с этим, как отмечают исследователи, с явной неохотой, поскольку заключенный незадолго до этого и ратифицированный в 1265 г. договор вполне устраивал немецких купцов, обеспечивая им необходимые гарантии в торговле. Любек принял предложение орденского магистра с условием, что в мирном договоре будет обеспечено старое право немецких купцов иметь свободное торговое сообщение с Русью. Уже в июне 1268 г. магистр просил Любек прислать послов для заключения мирного договора, особенно для выработки постановлений, касающихся торговых дел, но никаких товаров на Русь пока не отправлять. Об этом же написала в Любек и Рига³², что свидетельствует об участии этого города в новгородско-немецких торговых делах. Приехавшие осенью 1268 г. в Новгород послы Любека передали свои предложения, однако торговое соглашение тогда не было заключено. Эти предложения сохранились в архиве Любека в виде немецкого проекта договора, написанного латынью³³. Новгородцы не приняли данный проект и выработали собственный вариант договора, исключив те статьи латинского проекта, которые казались им неприемлемыми. Русский договор в подлиннике не сохранился, известен его нижненемецкий перевод, находящийся также в Любекском архиве³⁴.

³¹ HUB, I, № 655.

³² Ibid., N 657.

³³ Этот документ на русский язык переведен не был. В русской литературе издан впервые в сборнике документов под редакцией С. В. Бахрушина «Памятники истории Великого Новгорода».

³⁴ На русский язык впервые переведен в работе И. Е. Андреевского. См. также издания документа в сборнике под редакцией С. В. Бахрушина и в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова».

Оба эти документа, немецкий проект и русский договор в переводе на нижненемецкий, с момента их публикации привлекли пристальное внимание исследователей. Пожалуй, ни один из торговых договоров не вызвал столь противоречивых мнений относительно достоверности и времени составления, как рассматриваемые здесь документы.

Наиболее полные обзоры существующих в исторической литературе точек зрения, анализ статей договора содержатся в работах И. Е. Андреевского, Э. Боннеля, Л. К. Гетца, В. Ренн-кампа³⁵. В советское время А. Л. Хорошкевич посвятила этому договору специальную статью, где суммировала прежние выводы и проанализировала причины заключения данного договора³⁶. Мнения о дате русского варианта договора расходятся, разные исследователи называют 1269 или 1270 гг. как время составления русского текста, которое пока не может быть уточнено из-за отсутствия достаточных сведений; во всяком случае, к апрелю 1270 г. торговое соглашение уже вступило в силу, поскольку 21 апреля 1270 г. в Любек была отправлена грамота, сообщающая немецким купцам, что торговля с Новгородом открыта³⁷.

Большинство исследователей, начиная с первого издателя договора Сарториуса, считали русский вариант подлинным договором, несмотря на отсутствие в конце документа обязательной формулы крестоцелования и печатей. Вместе с тем время от времени возникали сомнения в его подлинности, в результате чего в источниковедческой литературе утвердилось представление, что русский вариант договора был так же, как и немецкий, только проектом. Однако нет причин, заставляющих сомневаться в достоверности рассматриваемого документа. Заметим, что начальная его формула несет все признаки настоящего договора, в ней перечислены все те лица, от имени которых он был заключен. С русской стороны в нем участвовали князь Ярослав Ярославич, посадник Павша, тысяцкий Ратибор, старосты и весь Новгород, с немецкой — посол Любека Генрих Вуленпунде и готские послы Лудольф Добрике и Якоб Куринге. Отсутствие обычной крестоцеловальной формулы в конце, возможно, связано с тем, что до нас дошел только перевод русского текста на нижненемецкий язык, в котором были опущены все необходимые при заключении таких договоров реаллии, в то время как русский подлинник, очевидно, содержал их. Не следует забывать и о том, что еще в 1554 г. при восстановлении ганзейской конторы в Новгороде и отправкой в связи с этим посольства к Ивану IV на

³⁵ См.: Андреевский И. Е. Указ. соч.; Bonnell E. Russisch-Livländische Chronologie von der Mitte des neunten Jahrhundert bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862.; Goetz L. K. Deutsch-Russische Handelsverträge..., Rennkamp W. Op. cit.

³⁶ См.: Хорошкевич А. Л. Из истории русско-немецких отношений XIII в. Исторические записки, т. 78. М., 1965, с. 219—232.

³⁷ HUB, I, № 678. В настоящем исследовании принята дата договора — 1269 г.

ганзейском съезде в Любеке был прочитан данный договор, названный привилегией князя Ярослава³⁸.

Оба документа, немецкий проект 1268 г. и русский договор 1269 г., находятся в непосредственной близости один к другому, что прослеживается даже в порядке постановлений, подробно рассмотренных в работе Гетца. Немцы в своих требованиях исходили из того, чтобы иметь в Новгороде такие же права, какие они имели в других странах. Кроме того, учитывая опыт торговли с Новгородом, они стремились оговорить вплоть до мелочей свои права и обязанности против возможных в будущем обвинений и обманов. Новгородцы же в соответствии со своими интересами принимали, изменяли или отклоняли эти требования, что хорошо прослеживается при постатейном анализе немецкого проекта и русского договора. Обращает внимание стремление новгородцев к монопольной торговле с немцами, что заставило их отклонить статью немецкого проекта о разрешении гостевой торговли, т. е. торговли немецких купцов с новгородцами. Стремление Новгорода к монополизации немецкой торговли нашло отражение и в докончаниях с князьями. Именно в это время впервые в договоре Новгорода с князем Ярославом Ярославичем появляется статья, запрещающая князю прямую торговлю с немцами и ограничивающая его действия по отношению к иноземным факториям: «А в Немецьком дворе тебе торговати нашу бра- тию; а двора ти не затваряти; а приставовъ ти не приста(в)ляти»³⁹.

Немецкий проект во многом подробнее и детальнее обсуждает разные стороны торговых взаимоотношений между новгородскими и немецкими купцами. Это отражено в статьях о безопасности торгового пути в пределах новгородской территории, размерах проезжей пошлины, о движении вверх и вниз по Волхову, о весах и гирях, мерах длины. Кроме того, в немецком проекте имеется ряд статей, не принятых русской стороной. В них немцы оговаривали право свободы своих гостиных дворов от любого вмешательства со стороны новгородских властей и жителей города. настаивали на том, чтобы дворы имели право убежища (т. е. находившиеся во дворе лица, в том числе и преступники, не подлежали выдаче новгородским властям). Примечательна одна из последних статей немецкого проекта, в которой оговариваются права Готского двора: «Дорога от Готского двора через двор князя вплоть до рынка будет свободна и незанята строениями на основе привилегий, которые дал князь Константин; также около двора тех же готов, в соответствии с древним правом не должны ставиться постройки на расстоянии 8 шагов и не должно устраиваться нагромождения дров и ничего на нем [дворе] не должно

³⁸ Goetz L. K. Op. cit., s. 166.

³⁹ ГВНП, № 3, с. 13. Это условие в дальнейшем почти без изменений повторялось во всех докончаниях Новгорода с князьями вплоть до 1471 г. ГВНП, № 6, 7, 9, 10, 14, 15, 19, 22, 23, 26.

происходить кроме их воли. Также возле двора гильдии, который готы продали, они не обязаны ремонтировать мостовую»⁴⁰.

Что касается мощения улиц, то незадолго перед заключением торгового договора 1269 г., а именно в 1265—1267 гг., в Новгороде был составлен «Устав о мостех» князя Ярослава, в котором назывались отдельные лица и объединения, ответственные за мощение определенных участков города⁴¹. Среди прочих в уставе упоминались немцы и готы, обязанные мостить прилегающие к их дворам проезды. В связи с этим мостовую возле проданного готами двора гильдии они отказывались мостить.

Отдельные статьи договора 1269 г. находили аналогии в двух предшествующих договорах: об обеспечении безопасности пути до Котлинга и обратно, о гарантии купцам «чистого» пути во время войны новгородцев с соседними землями, о размерах штрафов за убийство послов, купцов и других лиц.

Вместе с тем указанная договорная грамота намного информативнее прежних договоров о новгородско-немецких отношениях, поскольку ее заключение не связано с конкретным случаем нарушения торговли и поэтому носит не частный, а общий характер. Она содержит сведения об устройстве гостиных дворов, о характере взаимоотношений между немецкими купцами и новгородцами (как властями так и жителями города), устанавливает правила приезда и отъезда иностранных купцов и правила ведения торговли. Можно сказать, что договор 1269 г. был основополагающим документом, на многие годы определившим принципы новгородско-немецкой торговли. Недаром на него ссылались, как уже упоминалось, еще в 1554 г., спустя почти 300 лет после заключения. Все последующие соглашения носят частный характер, регулируя возникающие конфликты и возобновляя время от времени некоторые прежние постановления.

Спустя 10 лет после заключения рассмотренного договора магистр Ливонского ордена снова обратился к купцам с просьбой не возить товаров в Новгород, иными словами, объявить торговую блокаду, что и было принято собранием немецких городов и купцов⁴².

Активная роль Любека в новгородско-немецкой и вообще во всей балтийской торговле в XIII в. постоянно росла. Большое значение для безопасности поездок по Балтийскому морю имело заключение в 1280 г. договора Любека с немецкой общиной на Готланде о том, что община обязывалась обеспечивать безопасность купцов Любека и других немецких городов во всех балтийских гаванях и в Новгороде. Аналогичный договор Любек заключил в 1282 г. на 8 лет с Ригой, а также с Висбю, как бы закрепив

⁴⁰ Перевод статьи выполнен Д. А. Дрбоглавом.

⁴¹ Аргументацию датировки этого документа и его характеристику см.: Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород, с. 91—123.

⁴² HUB, I, № 821, 827.

тем самым заключенный ранее только с Висбю договор на 10 лет⁴³. Оба договора свидетельствуют о еще главенствующей роли в балтийской торговле немецкой купеческой общины на Готланде и всевозрастающей роли Любека, выступающего в этих соглашениях не только от своего имени, но и от имени других немецких городов, ведущих торговлю на Балтийском море. В 1283 г. в Росток состоялось заключение союза, впервые объединившего Любек, Росток, Висмар, Штральзунд, Граифсвальд, Штеттин, Деммин, Анклам — главные города на южном побережье Балтики. Особенно важным, как отмечают исследователи, было признание этого союза сюзеренами названных городов.

Возглавлял эту вендскую группу городов Любек, становившийся постепенно руководящим центром в балтийской торговле. Однако поначалу у него был серьезный соперник в лице Висбю на Готланде, служившего, как известно, продолжительное время промежуточным пунктом в поездках по Балтийскому морю. С образованием в XII в. немецкой купеческой общины на Готланде Висбю не только сохранил, но даже упрочил свое положение. Именно Висбю был высшей апелляционной инстанцией в решении всех спорных вопросов в торговых делах немецких купцов, здесь же хранилась общая печать немецкой общины.

Вместе с тем Любек, укрепивший свои позиции в последние десятилетия XIII в., имевший большие возможности для защиты интересов купцов, стремился стать для них единственным судьей и высшей инстанцией во всех торговых делах. В октябре 1293 г. в Росток состоялся съезд вендских городов, постановивший перенести апелляционную инстанцию из Висбю в Любек⁴⁴. По окончании съезда Росток разослал во многие города формуляр с этим решением, после чего города один за другим стали присоединяться к нему⁴⁵, при этом такие крупные торговые центры, как Киль и Дортмунд, благодарили Любек за его усилия для блага купцов. Среди ливонских городов первым присоединился к Любеку Ревель, в то время как Рига, получившая при своем основании висбийское городское право, сначала считала несправедливым постановление вендских городов и предлагала устроить собрание городов со всеми купцами для окончательного разрешения этого вопроса⁴⁶. Также против выступил Оснабрюк, за что получил благодарственное письмо из Висбю. В этом письме Висбю утверждал, что апелляция в Любек противоречит старым свободам, которые вытребовали себе немецкие купцы в древнейшее время⁴⁷. Видимо, имелись в виду первые десятилетия пребывания немецких купцов на Готланде во второй половине XII в. Висбю стремился предотвратить сокращение своих прав и купеческих свобод, одна-

⁴³ Ibid., N 863, 906.

⁴⁴ HR, I, 1, N 10.

⁴⁵ HUB, I, N 1137, 1138, 1143, 1162—1170, 1172, 1176.

⁴⁶ Ibid., N 1171.

⁴⁷ Ibid., N 1169.

ко не мог, конечно, противостоять силе Любека, поддержанного большинством городов — от нижнего Рейна до Пруссии. На съезде городов в 1298 г. в Любеке последний, чтобы не вызывать протеста среди еще не примкнувших городов, просил апеллировать к нему только в сомнительных, трудных случаях⁴⁸. На этом же съезде города приняли решение о лишении Висбю права держать у себя печать всех купцов, чтобы Висбю не мог воспользоваться ею во вред другим городам. С этих пор каждый город имел свою печать. Победой Любека над Висбю завершился второй этап в истории иноземных дворов в Новгороде.

Этап III (первая половина XIV в.) Переход главенствующей роли в торговле с Новгородом от немецкой общины Висбю к Любеку был ознаменован созданием в 1295 г. новой, второй, редакции скры. Она сохранилась в трех списках: любекском, копенгагенском и рижском, причем в последнем списке была выскоблена статья, в которой говорилось об апелляции по всем спорным делам из Новгорода в Любек. Издатель редакций скры В. Шлютер отметил, что все три списка II скры совершенно идентичны и даже содержат одинаковые ошибки. Очевидно, это свидетельствует не только о восхождении к одному оригиналу, о чем писал Шлютер, но и что все три списка были сделаны в Любеке и разосланы потом для исполнения в Висбю и Ригу — ведущие центры в торговле с Новгородом. В Риге, которая поначалу, как известно, не согласилась с решением городов об апелляции в Любек, очевидно, вычистили соответствующую статью в присланном документе. Однако позднее, в конце 1297 г., уличенная в этом Рига заявила, что, к ее огорчению, это случилось без ведома города и что, конечно, скра должна сохраняться в том виде, в каком была составлена в Любеке⁴⁹. Несомненно, это заявление Риги доказывает укрепление позиций Любека и отход от Висбю даже его ближайших союзников.

II редакция полностью включила 9 статей I скры и была значительно расширена за счет 55 статей, основанных на любекском праве, что подтверждало ведущую роль Любека. Новые статьи носят главным образом характер различных юридических постановлений, связанных с уголовно-правовыми преступлениями: за убийство, нанесение увечий, драки, за оскорбления, ранения и т. д. Здесь же — постановления о правилах торговли, категорически запрещающих объединяться с русскими в торговые сообщества, возить товар русских, брать что-либо у русских в долг. За нарушения этих правил налагался штраф 10 марок серебра, а за особенно опасные для немецких купцов проступки штраф достигал 50 марок серебра, в то время как в I скре максимальным был штраф в 10 марок.

Во многих статьях II скры подробно рассматривались разные уголовные преступления: например, за удар в ухо назначался

⁴⁸ Ibid., № 1299.

⁴⁹ Ibid., № 1252.

штраф в 1,5 фердинга, за удар в ухо, от которого остался синяк или кровоподтек, — 1,5 марки серебра и т. д. В отдельных статьях защищалась честь старост и их помощников, за необоснованные оскорбления которых полагался штраф в 3 марки. Подвергались штрафу и те, кто пользовался фальшивыми весами и разновесами, фальшивым локтем и другими неточными мерами.

Почти каждая статья заканчивалась назначением того или иного штрафа за проступки, преступления, нарушения правил торговли, соблюдения порядка во дворе и т. д., причем специально оговаривалось, что 2 части этого штрафа поступают в казну св. Петра, а одну часть делили между собой старосты и их помощники.

В связи с этим представляет интерес статья, запрещающая старосте принуждать кого-либо к началу иска, если старосте не была подана жалоба или если у пострадавшего не было ран и не было слышно крика. Возникновение этой статьи возможно объяснить только одним: старосты, заинтересованные в получении дополнительных доходов, вероятно, превышали свои полномочия, необоснованно назначая штрафы, поэтому для вмешательства старосты в раздоры между купцами необходимы были жалоба потерпевшего или явные доказательства происшедшего столкновения.

Вместе с тем если кто-то из купцов начинал иск, а по ходу дела мирился с ответчиком, то истец не имел права закончить дело полюбовно без согласия на то старосты и помощников. В противном случае истец должен был заплатить 1 марку серебра св. Петру и продолжить иск. Здесь также заметна забота о пополнении казны св. Петра.

Заканчивалась II скра статьями о том, что во всех сомнительных случаях следовало обращаться в Любек, который охотно пришлет необходимое постановление. Также, если возникало какое-нибудь новое правило, которого не было в скре, об этом необходимо было доложить в Любек, чтобы можно было его узаконить.

Скру следовало читать каждый год два раза: один раз для зимних гостей, другой раз — для летних, чтобы не было отговорок в незнании существующих правил порядка во дворе и ведения торговли.

К тому же периоду относится и появление III скры, составленной около 1325 г.⁵⁰ Она целиком вобрала в себя статьи I и II скры, сверх которых добавлено всего шесть новых статей, обнаруживающих прямую связь с правом Висбю. Точно так же дополнительные постановления (обозначенные Шлютером IIIa), составленные примерно в 1307 г. и не вошедшие в скру, обнаруживают тесную связь с Висбю и даже были составлены немецкими купцами из общины на Готланде. Очевидно, в эти годы Любек, занятый своими политическими делами, не мог уделять достаточного внимания

⁵⁰ Schlüter W. Op. cit., S. 19—21. См. пер. на рус. яз.: Таль П. Третья новгородская скра (ок. 1325 г.). М., 1905.

купеческим делам в Новгороде, чем и воспользовалась немецкая община Готланда.

Действительно, начиная с 1306 г. Любек был поглощен борьбой с графами Гольштейна, сюзеренами Мекленбурга, на земле которого находился Любек. В этой борьбе город не мог рассчитывать на помощь своих союзников несмотря на возобновленный в 1296 г. договор о взаимопомощи между Любеком, Висмаром, Ростоком, Штральзундом и Грайфевальдом. Эти города боялись навлечь на себя гнев сюзеренов и отказались помогать Любеку. В такой безвыходной ситуации Любек вынужден был обратиться за содействием к датскому королю, который обещал помощь при условии перехода Любека из власти графа во власть Дании и подчинения ей. Таким образом союз вендских городов, едва успев образоваться, оказался распавшимся⁵¹.

Сложившейся ситуацией и поспешила воспользоваться немецкая община в Висбю, чтобы укрепить свое положение во дворах в Новгороде. Ею была создана новая, третья, редакция скры, хотя в обновлении устава не было никакой нужды. По сравнению со II редакцией в III скре появилось лишь шесть новых статей, призванных символизировать победу Висбю, точнее немецкой купеческой общины Готланда, над зарождающейся городской Ганзой во главе с Любском⁵².

В 1346 г. непосредственно самим купечеством, торговавшим в Новгороде, был принят ряд постановлений, обозначенных Шлютером в его издании IIIб и вошедших впоследствии целиком в IV скру. Первая половина XIV в. была временем наибольшей самостоятельности и независимости немецкой купеческой общины.

Начало третьего этапа ознaменовано несколькими грамотами о предоставлении чистых путей купцам, едущим в Новгород и обратно. В 1301 г. Новгород гарантировал немецким купцам, от имени которых выступали послы Любека, Готланда и Риги, три сухопутных пути «по своей волости» и один водный («в речках»)⁵³. Здесь впервые наравне с прежними партнерами Новгорода названа Рига как представитель ливонских городов.

В тот же год Новгород отправил в Любек еще одну грамоту о захвате Швецией неевского пути. Новгородцы в ответ на грамоты Любека о «старом мире», старой правде и крестном целовании (документы не сохранились) обещали купцам охрану по пути в Новгород. Однако новгородцы писали, что могут обеспечить чистый путь по Неве только в случае мира со Швецией, захватившей в то время часть принадлежавших Новгороду земель и построившей крепость Выборг⁵⁴.

⁵¹ Schildtchauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse. Berlin, 1975, S. 86.

⁵² В частности, в одной из новых статей говорилось, что русский, которому запрещено появляться в Немецком дворе, может получить через год на это разрешение у немецкой общины Готланда.

⁵³ ГВНП, № 34.

⁵⁴ Там же, № 33.

В 1303 г. шведский король Биргер оговорил условия, на которых он разрешал любчанам поездки в Новгород по Неве⁵⁵. В 1307 г. король Дании, новый покровитель Любека, разрешил его жителям свободный проезд через свои владения и особенно через Эстонию⁵⁶. Совершенно очевидно, что Любек, стремясь к главенствующей роли в торговле в балтийском регионе, начал свою деятельность с обеспечения безопасности торговых путей, которыми пользовались немецкие купцы для поездок в Новгород. Именно об этом свидетельствуют приведенные документы.

Конкретных сведений о взаимоотношениях немцев с русскими и о самой торговле, о положении дворов в Новгороде в этот период сохранилось сравнительно немного, однако имеющиеся в нашем распоряжении документы донесли живые подробности событий.

В первое десятилетие XIV в. возник конфликт между Новгородом и Ригой, где были ограблены и избиты новгородские купцы. Существо конфликта из-за отсутствия источников остается неясным, однако грамота, посланная по этому поводу из Новгорода в Ригу, чрезвычайно красноречива несмотря на свою лаконичность. Новгородцы во главе с владыкой писали рижанам: «...что избиях братию нашу у вас и товар поимали, за то вам Бог помози...». Далее они требовали возвращения товаров, а также выдачи разбойников, в противном случае «не будет промежи нас речи»⁵⁷.

В 1323 г. борьба Новгорода со Швецией за господство в карельских землях закончилась заключением так называемого Ореховецкого мира, в котором была определена граница между новгородскими и шведскими владениями в Карелии. Важно было обеспечение в этом договоре свободных торговых путей «горюю и водой как для немецких купцов, так и для новгородских. Было также оговорено, чтобы шведы из Выборга не переманивали гостей, едущих в Новгород»⁵⁸.

Об одном из первых известных нам конфликтов, происшедших у немецких купцов, живших на своих дворах в Новгороде, с жителями города, узнаем из подробного донесения Немецкого двора рижскому магистрату в ноябре 1331 г.⁵⁹ Из этого документа можно почерпнуть много различных сведений о жизни немцев в Новгороде и их взаимоотношениях с новгородцами, о ходе судебного разбирательства сложных конфликтов, каким было это происшествие. Существо дела заключалось в том, что как-то вечером немцы с Готского двора отправили своих людей на Немецкий двор варить пиво. Когда последние возвращались обратно, то были задержаны русскими, завязавшими с ними драку. На шум сбежали

⁵⁵ LUB, III, N 607a.

⁵⁶ Ibid., № 626a.

⁵⁷ ГВНП, № 36.

⁵⁸ Там же, № 38.

⁵⁹ LUB, VI, N 3077; HUB, II, N 505. Впервые на рус. яз. см.: Чтения Императорского общества истории и древностей Российских, 1893, кн. I, отд. V, с. 1 а также: Памятники истории Великого Новгорода. Под ред. С. В. Бахрушина, М., 1909, № XI, с. 76--80.

немцы обоих дворов с дубинами и мечами, в результате побоища было ранено несколько немцев и русских и один русский был убит. После этого немцы разошлись по своим дворам, а дружелюбно настроенные к ним новгородцы советовали им спрятать товар и всем укрыться во дворе св. Петра, так как русские вооружаются и немцам не одобровать. Разбирательство этого дела длилось несколько дней, в один из которых новгородцы напали на Немецкий двор, уничтожили часть забора, взломали амбары и унесли, что могли. Новгородцы требовали удовлетворения не только за недавно убитого русского, но и за убитого ранее в Дерпте новгородского купца Ивана Сыпа, на что немцы отвечали, что они к тому делу не имеют отношения, потому что они приехали из морских городов. Как видим, предусмотренное всеми торговыми договорами правило взыскивать только с непосредственных виновников, а не со всех купцов на практике действительно не соблюдалось, что служило постоянной причиной конфликтов.

Разрешению аналогичного конфликта, происшедшего несколькими годами позже, была посвящена договорная грамота Новгорода с немецкими городами 1338 г.⁶⁰, в начале которой разбирался конфликт и определялись меры для его ликвидации. Вторая часть договора занята постановлениями на будущее. Хотя из названной грамоты суть раздора в основном ясна, в ней содержатся отдельные трудно комментируемые места. Между тем среди ганзейских грамот сохранилась жалоба немецких купцов, непосредственно связанная с этими событиями⁶¹. К сожалению, документ имеет утраты, но содержание конфликта и его решение ясны.

Суть дела сводится к тому, что где-то под Нарвой были ограблены и убиты новгородский купец Волос с «братиею». В ответ новгородцы заперли немецких купцов, находившихся в Новгороде, в церкви и потребовали выдачи убийц и награбленного товара. И хотя арестованные немецкие купцы не имели отношения к совершенному убийству и ограблению, тем не менее вынуждены были подчиниться новгородцам под угрозой смерти и выдать в качестве залога такое количество товаров, какое было похищено у новгородских купцов.

Как видно из документа, переговоры между новгородцами и немецкими купцами велись долго. Немецкие купцы доказывали свою непричастность к происшедшим событиям, новгородцы же, защищая интересы своих сограждан, настаивали на удовлетворении их требований. Поскольку конфликт не был разрешен в самом Новгороде (несмотря на организованное посольство в Нарву, Феллин, Дерпт, откуда были доставлены подтверждения невиновности немецких купцов), потребовалось собрание всех заинтересованных сторон и привлечение главных кураторов иностранных дворов — Любека и Готланда. Послы Новгорода, Любе-

⁶⁰ ГВНП, № 40.

⁶¹ НУВ, II, N 599.

ка, Готланда в мае 1338 г. собрались в Дерпте с представителями магистрата этого города, которых возглавил дерптский епископ, и в результате переговоров была заключена договорная грамота об урегулировании конфликта⁶². В ней назывались истинные виновники происшедшего, упомянутые в жалобе немецких купцов. Ими были Гинзе Фельтберге и Герборт, которых немецкие города обязывались, если они там появятся, задержать и передать в суд. Родственникам убитого Волоса и его товарищей предлагалось предъявить иск названным лицам, а к немецким купцам претензий не иметь. Новгородцы обязаны были вернуть немцам их товар, взятый в качестве залога («а что взят у гостя его товар, и то его вернуть»).

Для предотвращения подобных ситуаций в будущем («будет после зло, убийство или другое побоище») указывалось, что гостю до этого дела нет, а истец должен ведаться с истцом и дело должно решаться там, где оно возникнет. Все эти правила хорошо известны из прежних договоров Новгорода с немецкими городами, рассмотренных в этой главе. Договор предполагал также невмешательство купцов в возможные военные конфликты Новгорода с его соседями и гарантировал им во время войн чистый путь.

Приведенные документы демонстрируют конкретный случай из взаимоотношений новгородцев с немецкими купцами, передают атмосферу события и показывают, насколько неустойчивы были в средневековые правила торговли, постоянно нарушавшиеся обеими сторонами несмотря на крестоцелование и скрепление договоров печатями.

Отметим, что в решении упомянутого конфликта активное участие принимал Дерпт как представитель ливонских городов. С этих пор эпизодическое прежде участие ливонских городов в торговле с Новгородом и в управлении дворами все заметнее. Из документов второй половины XIV в. известно, что ключ от сундука с казной двора св. Петра хранился в Риге. Очевидно, когда Висбю лишился своих прав руководителя дворов и хранителя общественной казны, ключ от нее был передан в Ригу. Около 1360 г. Любек, узнав от купцов, посещавших Новгород, что двор имеет повреждения и нуждается в ремонте, просил Ригу отправить ключ от казны (буквально — «от сундука») в Новгород, чтобы находившиеся там купцы могли располагать этими общими деньгами для оплаты строительства двора и устранения долга⁶³.

Этап IV (вторая половина XIV в.) Начало этого этапа связано с организацией союза немецких городов. В 1356 г. в Любеке состоялся съезд городов, который исследователи с полным правом называют первым общегапзейским съездом, на нем присутствовали представители всех «третей» — вендско-нижнесаксонской, вестфальско-прусской и готландско-ливонской. Тем самым закон-

⁶² ГВНП, № 40.

⁶³ HR. I, 1, N 296, § 14

чился длительный период в образовании союза немецких городов, известного под названием Ганзейский союз, или Ганза, возглавлявшего в течение XIV--XV столетий балтийскую торговлю и монополизировавшего вообще всю западноевропейскую торговлю того времени.

С образованием союза немецких городов произошли и существенные изменения в руководстве иноземными дворами в Новгороде. В 1361 г. к немецким купцам в Новгород было отправлено чрезвычайное посольство городов с решением, что все постановления, принимаемые купцами в Новгороде, только тогда будут иметь силу, если будут одобрены Любеком, Висбю, а также Ригой, Ревелем и Дерптом⁶⁴. Таким образом, 1361 год можно считать официальной датой включения ливонских городов в число руководителей немецкой конторы.

Образовавшийся союз немецких городов вплотную занялся и делами своих зарубежных контор в Брюгге, Новгороде, Лондоне и обнаружил полную самостоятельность и независимость купцов в вопросах правопорядка во дворах. В связи с этим города приняли различные решения по содержанию дворов, порядку в них и правилам ведения торговли. С этих пор все дела новгородской конторы обсуждались на ганзейских и позже — на ливонских съездах. В частности, на состоявшемся в июне 1363 г. ганзейском съезде в Любеке было принято решение, что старостой двора в Новгороде должен избираться способный и умелый человек из ганзейских купцов все равно какой национальности при отсутствии купцов Любека и Висбю. Священника двора также попеременно назначали эти города⁶⁵.

На съезде ганзейских городов в Любеке, проходившем в июне 1366 г., были приняты многочисленные постановления по поводу контор в Новгороде и Брюгге, а находившимся там купцам были посланы разнообразные инструкции, из которых главными были запрет торговли в кредит, указания о выборах старост, ограничение круга купцов, пользующихся правом двора св. Петра в Новгороде, только гражданами ганзейских городов. Наиболее существенным изменением было принятое на съезде постановление о том, что конторы в Новгороде и Брюгге впредь не имели права издавать никаких важных решений без ведома городов⁶⁶. Это постановление, предложенное послами еще в 1361 г., было вызвано тем, что в первой половине XIV в. немецкие купцы в Новгороде в дополнение к существовавшей тогда III скре принимали различные постановления (IIIa, IIIb) о правилах торговли и распорядке двора, из которых впоследствии составила IV скра. Как уже говорилось в первой главе, IV скра коренным образом отличалась от первых трех редакций и знаменовала новый этап устава двора св. Петра. Она состоит из разнообразных

⁶⁴ Ibid., № 177.

⁶⁵ Ibid., № 296, § 13.

⁶⁶ Ibid., № 376.

постановлений, регламентирующих внешний распорядок двора, правила торговли, а также предписания торгово-полицейского содержания, и, как писал Шлютер, производит впечатление «бессистемного собрания разнообразных элементов». Однако, поскольку во введении все эти постановления, собранные вместе, обозначены словом «скра», то они, несомненно, должны быть приняты как право двора св. Петра.

От уголовно-правовых постановлений II и III скры, основанных на любекском праве, в IV скре не осталось почти никакого следа. Те статьи древних редакций, которые все-таки вошли в новую скру, оказались измененными до неузнаваемости. История составления IV редакции скры объясняет в какой-то мере ее характер и отличие от трех первых редакций. Как известно, в 1325 г. была создана III редакция скры, призванная доказать, что немецкая община Висбю еще не утратила своих позиций в новгородской торговле, несмотря на переход в конце XIII в. руководящей роли к Любеку. Однако уже в начале третьего этапа и затем на всем его протяжении общим собранием купцов, живущих во дворах в Новгороде, постоянно принимались новые постановления. Вероятно, купцов не удовлетворяли предписания прежних редакций, не учитывавших развития торговых отношений с Новгородом, местных условий и особенностей, что и потребовало выработки особых постановлений, составивших в конце новую редакцию скры.

Четвертая редакция содержит 119 статей, которые можно распределить на несколько разделов, несмотря на известную бессистемность новой скры. Нужно сказать, что в начале скры, кроме обычной формулы: «все те, кто видит эту грамоту и слышит ее чтение», говорится, что «нужно соблюдать все церковное право и право двора и все право св. Петра, будь то в мелочах или в крупных делах, как это было истари правом и обычаем». Как видим, сами составители IV скры выделяли в ней отдельные разделы. Первый раздел составляют статьи 2—23, которые Шлютер назвал «церковным правом», поскольку в них определялся порядок хранения товаров в церкви, устанавливались места для хранения тех или иных видов товаров, порядок охраны двора и церкви.

В указанных статьях подробно оговаривались любые возможные проступки, связанные с размещением товаров в церкви, ее охраной, с пользованием предметами, принадлежащими церкви, и назначался штраф за нарушение правил. Заканчивается первый раздел статьями, определявшими порядок действий купцов в случае их отъезда и закрытия двора. В частности, в статье 21 указано, что если большинство купцов уедет, то церковь может быть открыта для хранения товаров и богослужения только в том случае, если на дворе будет проживать не менее 6 самостоятельных купцов и 9 помощников. Тут же устанавливался штраф в 10 марок за самовольное назначение помощников самостоятельными купцами. В завершающей первый раздел статье 23 отмечалось, что

собранные постановления утверждены были общим собранием купцов в 1354 г. Следовательно, первый раздел положил начало созданию новой скры.

Второй, самый большой, раздел охватывает статьи 24 — 92 и может в целом называться «дворовым правом», поскольку в них определялись порядок размещения купцов и помещенных двора, правила торговли, порядок пользования помещениями двора, содержания их, поддержания порядка. Здесь же регулировались отношения с русскими купцами и условия торговли с ними. Отдельные статьи относились к уголовно-правовому процессу.

Важную часть составляли статьи, в которых шла речь о порядке назначения старост двора, церкви св. Петра и их помощников. В этом состояло одно из главных отличий IV скры от трех древнейших редакций, согласно которым старосты выбирались самими купцами. Теперь же старосты избирались из купцов Любека или Готланда послами ганзейских городов (IV скра, ст. 65; далее — IV, 65). Старосты церкви св. Петра обычно назначались старостами двора, но в случае их отсутствия города присылали специальных людей для избрания старост св. Петра из имеющих во дворе купцов Любека или Висбю. Если же таковых во дворе не находилось, можно было избрать на должность старост пригодных для этой цели купцов из других городов до прибытия любекских или купцов из Висбю. Священника также назначали Любек и Висбю по очереди.

Эти постановления лишали немецкую купеческую общину той самостоятельности и свободы в действиях, которые она имела до сих пор, и поставили ее в зависимость от воли и решений Ганзы.

Последний раздел, состоящий из статей 93 — 116, представляет собой ряд постановлений, принятых общим собранием купцов в разные годы и утвержденных впоследствии городами (главным образом о торговле воском, мехом, тканями — самыми основными статьями импорта и экспорта в торговле немецких купцов с Новгородом). В этот раздел была включена также договорная грамота, заключенная в 1342 г. между Новгородом и послами Любека, Готланда, Риги и других немецких городов о торговле воском (IV, 97). За 10 лет до этого общим собранием купцов было принято решение, запрещавшее покунку фальсифицированного, т. е. смешанного с разными искусственными примесями, воска (IV, 95, 96). Очевидно, новгородские куницы «подсовывали» немцам нечистый воск, что и вызвало необходимость заключения специального договора; в свою очередь, новгородцам также предписывалось не брать такой воск от низовых и от корелов, т. е. от основных поставщиков воска в Новгород. В этом же разделе две статьи — 108 и 109 — были посвящены пребыванию во дворе священников.

В статье 113 специально оговаривалась продажа вина и других напитков только полными бочками, за нарушение грозили самый большой штраф в 50 марок и лишение прав члена общины двора. Это постановление исходило от городов. Сами же куницы в 1351 г.

вынуждены были принять постановление (IV, 114), запрещающее варку и продажу пива на Готском дворе, так как новгородцы выражали по этому поводу неудовольствие. В случае если старосты Готского двора принимали к себе во двор продавцов пива, то они (старосты) обязаны были заплатить за это штраф в 10 марок.

Завершалась IV скра статьей 116, в которой определялись обязанности старосты двора. Он должен был еще до получения ключей прочесть данную скру, чтобы знать, чем ему руководствоваться в своей деятельности. Староста обязан сохранять все привилегии и послания городов, которые получал двор в Новгороде. За исчезновение каких-либо грамот староста лишался права члена общины двора и платил штраф в 50 марок. Три последние статьи 117—119, содержащие даты 1370—1371 гг., были приписаны к IV скре позднее.

Почти каждая статья IV скры предусматривала тот или иной штраф в пользу казны св. Петра за нарушение принятых постановлений. Причем, в отличие от II и III редакций, по которым третья часть штрафа шла в пользу старост и его помощников, в IV скре такой порядок не предусмотрен. Напротив, за некоторые нарушения старосты сами должны были платить штраф в пользу казны св. Петра и иногда, как видно из приведенного примера, немалый.

Самые высокие штрафы в 50 марок серебра и лишение прав члена общины св. Петра назначались за трехкратный отказ быть старостой двора (ст. 65), за отказ вести переговоры по поручению старосты или общего собрания купцов (ст. 70), за привоз товаров неганзейских купцов и ведение общих дел с ними (ст. 72), за получение от своих сюзеренов льготных грамот, которые нанесли бы вред всему купечеству (ст. 73), за тайную покупку нечистого воска и его тайный вывоз со двора (ст. 96), за продажу пива и других напитков неполными бочками (ст. 113), за увоз скры без разрешения старост (ст. 114), за игру в кости в русских дворах, где нет постояльца-немца (за игру в кости в ганзейских дворах назначался штраф в 10 марок) (ст. 77). За привоз товаров на сумму, превышающую тысячу марок, и за пребывание во дворе больше года виновные лишались права члена общины двора (ст. 86, 87).

Обращает на себя внимание тот факт, что экстраординарная мера наказания, какой было лишение членства общины двора и огромный штраф в 50 марок, применялась к купцам только в тех случаях, если их действия могли нанести вред всему купечеству. Что касается слишком строгого наказания за продажу вина неполными бочками, то это, видимо, было обусловлено желанием портить отношения с русскими, которые постоянно выражали неудовольствие по поводу продажи вина и других напитков малыми мерами.

IV скра создавалась, как следует из датировок отдельных статей, длительное время. Шюттер относит окончательное ее оформление к периоду между 1355—1361 гг., так как первая дата

самая поздняя из упоминаемых в скре дат, а последняя — год чрезвычайного посольства ганзейских городов в Новгород, принявших важное решение, чтобы купечество во дворе не решало никаких дел без одобрения Любека, Висбю и ливонских городов. Поскольку такой статьи в скре нет, это дало основание Шлютеру ограничить дату составления IV редакции указанными выше годами.

Однако наличие в конце данной редакции трех статей, датированных 1370—1371 гг., позволяет считать эти годы временем окончательного оформления IV скры. История создания IV редакции скры подробно рассказана в ст. 117. В 1370 г. в связи с войной Новгорода с Орденом, длившейся около двух лет (с 1368 г.), Любек и Висбю отправили своих послов в Дерпт для принятия необходимых мер. Тогда немецкая церковь в Новгороде была закрыта и купцы покинули его, захватив с собой все ценности конторы: мерила, книги, грамоты, старую скру, и предъявили их в Дерпте ганзейским послам Любека и Висбю⁶⁷. К этому времени во дворе находилась лишь старая III скра с добавлением к ней новых постановлений, некоторые страницы в скре были вырезаны, во многих местах были сделаны исправления, в связи с чем встал вопрос об обновлении и переписке текста скры, что и было сделано. Из Дерпта послы вместе с купцами отправились для переговоров в Новгород, где приняли ряд новых постановлений (ст. 118—119), дописанных к IV редакции уже на месте, в Новгороде. В частности, с одобрения немецкого купечества послы решили, что никто под угрозой смертной казни или конфискации товаров не должен приезжать в Новгород с товаром по суше или по воде в то время, когда там немецкие купцы арестованы. Такие суровые меры назначались в связи с тем, что участвовавшие нарушения запретов торговли наносили большой убыток объединенному немецкому купечеству.

Рига, которая, судя по документам, в течение III этапа принимала активное участие в делах новгородского двора, претендовала и в дальнейшем на ведущую роль в торговле с Новгородом. Магистрат Риги настаивал, чтобы во дворе в Новгороде наряду со старостами, выбиравшимися из купцов Любека и Висбю, назначался еще и староста из Риги. Кроме того, в письме, направленном в Любек, Рига обвиняла немецкое купечество новгородской конторы в том, что оно нарушает скру и вносит в нее различные поправки. Любекский магистрат переслал эту жалобу немецким купцам в Новгород, чтобы они объяснили суть дела. Вместе с ответом купечество направило в Любек для проверки скру, указывая при этом, что она не содержит никакого нового права, а только инструкции Любека и Висбю и постановления купцов; никаких изменений в скре не появилось и никаких новых постановлений купцам неизвестно. Что касается назначения старосты из числа рижских купцов, то об этом старосты спрашивали на общем соб-

⁶⁷ HR, I, 2, № 32.

рании у всех купцов, был ли прежде такой обычай, на что получили решительный ответ, что рижане никогда не избирались старостами. В этом же письме купцы не преминули обвинить рижан в пренебрежении решениями Любека и Висбю⁶⁸.

Описанный конфликт между двором и Ригой рассматривался на общеганзейском съезде в мае 1373 г., где присутствовали и представители ливонских городов. Тогда скра, очевидно, была зачитана для всех участников съезда, после чего послы городов, за исключением рижского, приняли скру такой, какой она была, отклонив, таким образом, претензии Риги на назначении своего старосты во дворе в Новгороде. Вместе с тем съезд просил немецкое купечество в Новгороде придерживаться постановлений, записанных в скре, ничего в ней не менять без одобрения 5 городов (т. е. Любека, Висбю, Риги, Ревеля, Дерпта) под угрозой штрафа в 50 марок и лишения прав члена двора⁶⁹.

Вторая половина XIV в. изобилует запретами на торговлю с Новгородом: в частности, в 70-е годы конфликты между Новгородом и ганзейскими купцами следовали один за другим. Еще в 1368 г. магистр Ливонии обратился к Любеку и другим морским городам с предложением прекратить торговые поездки в Новгород в связи с его враждебным отношением к Ордену и католической церкви, с чем Любек согласился⁷⁰. Однако купцы ливонских городов продолжали торговать с русскими в Выборге, Нарве и на Неве, что вызвало недовольство Любека и его жалобу орденскому магистру. С этих пор все отчетливее начинают сказываться разногласия между ливонскими городами и Любеком, интересы которых в торговле с Новгородом не всегда совпадали.

Отношения между Новгородом и Любеком в это время обострились еще из-за нападения на новгородских купцов морских разбойников, отправивших товары новгородцев в Любек. Рассказ об этом событии содержится в грамоте Новгорода, направленной Любеку с требованием вернуть новгородский товар⁷¹. Документ датируется издателями 1373 г., однако исследования В. Л. Янина убедительно доказали, что указанная грамота должна быть отнесена к промежутку между февралем 1370 и февралем 1371 гг.⁷² Поскольку речь в ней идет о морском разбое, очевидно, что нападение на новгородских купцов произошло летом 1370 г., после чего Новгород и отправил свои требования Любеку. Дело завершилось соглашением между Новгородом, Любеком и Готским берегом, о чем свидетельствует грамота новгородского владыки Алексея, посадника Юрия, тысяцкого Матфея и всего Новгорода «о той жалобе, что у нас была на любияне и на годьцке бережане»⁷³.

⁶⁸ Ibid., № 65.

⁶⁹ LUB. III, № 1905, HUB. IV, № 453.

⁷⁰ HR. I, I, № 398.

⁷¹ HUB. № 41.

⁷² См. Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 206--210. Доказательства времени написания грамоты ссылаются на датировку владыки и тысяцкого, указанных в грамоте.

⁷³ HUB. № 45.

В 1371 г. Любек и Висбю отправили своих послов в Новгород, которые в августе того же года заключили с новгородцами от имени заморских гостей договор⁷⁴. Этот договор вызвал недовольство со стороны ливонских городов, так как он обеспечивал чистый путь как сушей, так и морем без рубежа только купцам заморских городов, в то время как ливонские города в нем не были упомянуты. Кроме того, новгородцы отказались скрепить документ печатьми, поэтому он не имел законной силы. В связи с этим Дерпт предлагал послать к нему представителей Ревеля и Риги, чтобы обсудить создавшееся положение⁷⁵. Уже в декабре 1371 г. послы Иоганн Нибур и Иоганн Сварте заключили с Новгородом перемирие до дня св. Ивана, т. е. до 24 июня 1372 г.⁷⁶

Но вернемся к грамоте 1371 г., которая хотя и не была ратифицирована, но отдельные ее статьи содержат сведения о правах Немецкого двора в Новгороде. В частности, в ней указывалось, чтобы новгородские купцы не вели торговлю («не стояли», как сказано в грамоте) на прилегающих к двору улицах и не вбивали кольев в ограду двора. Кроме того, немецкие купцы требовали, чтобы на их участке новгородцы не ставили никаких строений и грязи туда не возили, а какие строения ими уже поставлены, те следовало убрать. Вероятно, после отъезда немецких купцов в 1370 г. и закрытия двора новгородцы поспешили использовать его территорию для своих целей, против чего и возражали послы заморских городов.

По другой статье, касающейся прав Немецкого двора и его купцов в Новгороде, русским запрещалось торговать во дворе «со своими мешками с мехом», а также и на улице, которую немцы называли своей и за которую они «давали» Новгороду серебро (нижненемецкое «brügge» правильное перевести «мостовая», а не «улица», как это сделано в переводе грамоты на русский язык). Здесь, видимо, речь идет о мостовых возле иноземных дворов, которые согласно «Уставу о мостех» обязаны были мостить немецкие купцы. Не исключено также, что какие-то боковые проулки, прилегавшие к Немецкому двору, были собственностью иноземных дворов и они платили за них Новгороду серебро.

Несмотря на заключенное в декабре 1371 г. перемирие вернувшиеся в Новгород немецкие купцы снова подверглись притеснениям, о чем они сообщили в первую очередь ливонским городам. В том же письме (март 1372 г.) они жаловались на упадок торговли тканями и переполнение двора товарами⁷⁷. В апреле того же года они написали о своих проблемах в Любек⁷⁸. Отметим при этом, что в первую очередь немецкое купечество из Новгорода обратилось за помощью к ближайшим к Новгороду ливонским го-

⁷⁴ Там же, № 42.

⁷⁵ HR, I, 2, N 38.

⁷⁶ ГВНП, с. 77.

⁷⁷ HUB, IV, N 415.

⁷⁸ HR, I, 2, N 54.

родам. В ответе немецким купцам в Новгород Любек сообщал, что он ждет послов из Висбю, с которыми обсудит все дела, и о результатах даст знать купцам. В то же время любекский магистрат просил продлить прежнее перемирие еще хотя бы на год.

В июне 1372 г. прежнее перемирие было продлено еще на два года. Договорная грамота⁷⁹ гарантировала всем немецким купцам чистый путь и торговлю «бес пакости и без рубежа» не только в самом Новгороде, но в подвластной ему территории. Аналогично обеспечивался чистый путь новгородцам в Немецкую землю и до Готского берега на основе старых грамот и крестоцелования. По окончании перемирия в Новгород должны были приехать немецкие послы для заключения торгового мира не позже дня св. Иоанна, т. е. 24 июня. В противном случае настоящая грамота о перемирии в тот же день должна быть уничтожена. К сожалению, сведения о дальнейшем ходе событий в источниках отсутствуют. Известно лишь, что в 1373 г. состоялись очередные переговоры с Новгородом, не завершившиеся, однако, заключением договора.

Между тем в июле 1375 г. в ответ на арест в Дерпте новгородских купцов и их товаров были арестованы немецкие купцы, находившиеся в Новгороде, о чем последние сообщали в письме Ревелю⁸⁰. Новгородское посольство в Дерпт было безуспешным, новгородские купцы и их товары возвращены не были, что вызвало ухудшение положения немецких купцов в Новгороде. Мало того, в ноябре 1375 г. с согласия посадника и тысяцкого в Новгороде был арестован некий Иоганн Брунsvик, прибывший с зимним поездом торговать в Новгород и не подозревавший о происходивших событиях. Товары его и его компании были перенесены в церковь Иоанна Предтечи, а с ним самим обращались как с преступником. Немецкие купцы обратились с жалобой к новгородскому архиепископу, который выразил сожаление по поводу происшедшего и дал своего человека немцам с тем, чтобы они передали жалобы посаднику. В ответ им было сказано, что, поскольку епископ и рат Дерпта задержали новгородских купцов и опечатали их товары, не имея к тому никаких оснований, они стали инициаторами конфликта и спровоцировали ответные действия новгородцев. Вместе с тем новгородцы, в случае благополучного возвращения их братьев с товарами из Дерпта, обещали отпустить арестованного Брунsvика и вернуть ему товар⁸¹. В мае 1376 г. Дерпт сообщал в Ревель о завершении этого дела: новгородский купец был освобожден и отправлен с послами в Новгород⁸².

Описанный случай является конкретным и вместе с тем, очевидно, типичным примером из практики новгородско-немецких отношений. При этом обсуждением и разрешением возникшего конфликта занимались исключительно ливонские города, что де-

⁷⁹ ГВНП, № 43.

⁸⁰ HR, I, 3, № 69.

⁸¹ LUB, III, № 1103.

⁸² Ibid., № 1114.

конструирует их возрастающую роль в новгородской торговле и в руководстве ганзейской конторой в Новгороде.

В 1377 г. произошло новое столкновение между новгородскими и немецкими купцами, приведшее опять к взаимному аресту купцов и конфискации их товаров⁸³.

В 80-е годы XIV столетия отношения между Новгородом и ганзейскими купцами продолжали оставаться напряженными. Аресты купцов обеих сторон следовали один за другим⁸⁴. В январе 1385 г. съезд ливонских городов в Вольмаре полностью запретил поездки в Новгород. С этого времени новгородско-ганзейская торговая война не прекращалась несколько лет не только из-за арестов купцов и конфискации товаров, но и из-за взаимного недовольства условиями торговли. В частности, новгородцы жаловались, что они терпят убытки в связи с отказом немецких купцов покупать некоторые сорта мехов⁸⁵. Тогда же новгородцы предъявили немцам претензии в отношении стоимости соли. В свою очередь ганзейцы требовали соблюдения прежних привилегий в торговле. На съезде в Любеке в июле 1386 г. ганзейские города обсуждали вопрос о поездках в Новгород и высказали предложение перенести всю торговлю с русскими в Дерпт и не торговать с ними ни в каком другом месте⁸⁶. Правда, это предложение не получило поддержки, но на съезде в Дерпте в 1389 г. было принято решение запретить поездки на Русь под угрозой потери жизни и товаров, о чем следовало предупредить купцов всех городов.

В довершение, в 1385 г. «погоре в Новгороде Торговая сторона вся и церкви вси... лют бо бяше пожар»⁸⁷. Во время этого пожара, причинившего большой ущерб не только самим новгородцам, но и немецким купцам, их дворы были разграблены новгородцами, что послужило дополнительной причиной ухудшения торговых связей.

Только в 1391 г. состоялись переговоры между новгородцами и немцами в Изборске, завершившиеся заключением мира, вошедшего в историю под названием Нибурова, по имени ганзейского посла Иоганна Нибура, заключавшего договор от имени Ганзы⁸⁸. После подписания мира немецкие послы отправились в Новгород, и как сообщает летопись: «товары свои поймахут, и крест целовалъ, и начаша дворъ свои ставити изнова: занеже не бяшет по 7 год миру крепкаго»⁸⁹.

Нибуров мир наряду с урегулированием конкретных нарушений торговли, устанавливал и традиционный, известный по преж-

⁸³ Ibid., № 1125 - 1127.

⁸⁴ HUB, IV, № 710.

⁸⁵ LUB, III, № 1110.

⁸⁶ HR, I, 2, № 323.

⁸⁷ НПЛ, с. 380.

⁸⁸ Там же, с. 384; ГВНП, № 46; LUB, III, № 1330; HR, I, 4, N 45. Начиная с заключения Нибурова вопросы торговой политики подробно анализируются в работе Н. А. Казаковой «Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI вв.» (Л., 1975).

⁸⁹ НПЛ, с. 384.

ним соглашениям, порядок решения конфликтных ситуаций: истцу вестись с истцом, возникающие между сторонами тяжбы рассматривать там, где они произойдут, и т. д. Что касалось пожара 1385 г. и случившегося при этом грабежа немецких товаров, новгородцы обязывались провести розыск.

Нибуров мир на многие годы определил характер торговли и служил основой при решении последующих конфликтов между новгородскими и немецкими купцами.

Этап V (1392—1494 гг.) Вторая половина XIV в. прошла под знаком всевозрастающей роли ливонских городов в делах ганзейской конторы в Новгороде, о чем свидетельствует многочисленная переписка руководителей конторы с магистратами Дерпта, Ревеля, Риги, а также переписка между ливонскими городами по делам немецких купцов. Территориальная близость ливонских городов, дававшая возможность сравнительно быстро решать все возникающие в торговых делах вопросы, способствовала усилению их влияния (особенно Ревеля и Дерпта) в управлении торговой факторией немецких купцов в Новгороде. Основные сухопутные дороги, ведущие из Новгорода на запад, проходили через Дерпт и Ревель, из них последний получил и права складочного пункта новгородской торговли. Большое значение приобрели ливонские города в связи с урегулированием последствий торговой войны 1385—1391 гг., им принадлежала инициатива в поисках путей примирения с Новгородом, обсуждавшихся на ливонских съездах в 1388 и 1390 гг.

Нибуров мир стал своего рода рубежом в новгородско-ганзейских торговых отношениях, которые с этих пор целиком находились в ведении ливонских городов⁹⁰. Все торговые соглашения между Ганзой и Новгородом, имевшие место в XV в., заключались только послами ливонских городов без участия послов Любека и Готланда. По сложившейся еще в XIV в. практике по всем насущным вопросам: конфликты с новгородцами, финансовые проблемы, дела, связанные с восстановлением дворов, немецкие купцы обращались в Ревель и Дерпт.

Сразу после заключения Нибурова мира в 1392 г. немецкие послы прибыли в Новгород, где была составлена новая, пятая, редакция скры, состоящая из 142 статей⁹¹. Сохранилось несколько

⁹⁰ С этого времени начинается новый этап в истории ганзейской конторы в Новгороде, который можно назвать ливонским, хотя официальная передача конторы состоялась лишь в 1442 г.

⁹¹ В. Шлютер на основании первых вводных статей к V скре считал, что она начала оформляться сразу после 1370 г., а ее полное составление произошло после 1392 г. Однако, как показывает анализ оформления текстов V и VI редакций скры, в их начало включались статьи с рассказами о предшествовавших событиях, излагавшихся своего рода «история вопроса». Так было в 1514 г., когда создавалась VI скра. Во введении к ней содержалось сообщение об аресте немецких купцов в Новгороде в 1494 г., назывались имена 49 задержанных купцов и стоимость товаров (94 000 марок), перечислялись ценности конторы, описанные при ее закрытии. Точно так же в первых статьях V скры, которая была оформлена в 1392 г. (ст. 140), говорилось о принятых послами городов постановлениях в 1361, 1366, 1370 гг.

списков V скры, судя по которым первоначально она содержала 140 статей, а две последние были добавлены только в 1466 г.⁹²

Основу V скры составили статьи IV скры, включенные в новую редакцию в том же порядке, что и в предшествующей скре. Кроме двух статей 1466 г. в текст V скры были включены еще 26 новых постановлений, среди которых — сообщения о посольстве 1373 г. и принятых им решениях (ст. 137), постановление о мехах, принятое в 1377 г. и записанное в скру в 1380 г., решения о торговле тканями, принятые еще в 1358 г. (ст. 118—120), но не вошедшие в IV скру. Среди новых статей были статьи о запрете останавливаться в русских дворах (ст. 127), о досмотрщиках вина и меда (ст. 129), об оплате переводчика (ст. 112). Завершался основной текст V скры 140-й статьей, в которой рассказывалось о приезде в Новгород посольства 1392 г., передавалось содержание Нибурова мира и принятых мер по урегулированию предшествовавших конфликтов. Следом за этим шла статья 140а, в которой говорилось, что все статьи и пункты, как старые, так и новые, прежде не утвержденные городами, были ими одобрены и оформлены как скра в 1392 г. Следовательно, заключение V скры содержит в отличие от IV дату составления новой редакции.

Несомненно, предшествовавший длительный период разногласий в новгородско-ганзейских торговых отношениях, нарушивший жизнь новгородской конторы, потребовал упорядочения правил торговли и устройства быта немецких купцов в Новгороде, что и призвана была выполнить V скра. Непосредственным откликом на существовавшие в конце XIV в. постоянные конфликты между немецкими и новгородскими купцами была статья 121, согласно которой немецкие купцы, виновные в раздоре с русскими, должны были дать крестное целование перед тысяцким, а также написать объяснение, которое следовало хранить в сундуке в церкви св. Петра.

Новый период в жизни ганзейской конторы в Новгороде начался трудно. Кроме пожара 1385 г., во время которого дворы сгорели, а товары были разграблены, в 1399 г. на Торговой стороне случился еще один пожар: «...загореся на Лубянице, и погоре Плотничскийи конец до Федорова ручья, а Славенскийи конец весь погоре, а церквин каменных 22 огоре, а приделов 5... толь лют бяше пожар, с вихром, огонь по воде горя хожаше»⁹³. Несомненно, что во время столь сильного пожара Готский и Немецкий дворы тоже сильно пострадали. Новый большой пожар Славенского конца произошел в 1403 г., когда только княжеский берег и Готский двор не горели⁹⁴. Немецкий двор, находившийся в центре Славенского конца, конечно, опять потерпел существенный ущерб. О пожаре 1403 г. немецкие купцы сообщали в Ревель, указав, что Немецкий двор сгорел, у Готского только часть ограды выгорела⁹⁵, что вполне

⁹² Содержание этих статей будет рассмотрено ниже.

⁹³ НПЛ, с. 394.

⁹⁴ Там же, с. 397—398.

⁹⁵ LUB, IV, N 1624.

соответствует летописному сообщению. Частые пожары в конце XIV — начале XV в. разрушали и каменную церковь св. Петра, стоявшую на Немецком дворе. В 1402 г. немецкие купцы писали в Ревель, что «купеческая церковь стоит без крыши и особенно стены очень ветхие и мы боимся, что рухнет свод». Аварийное состояние церкви было явным следствием пожаров 1385 и 1399 гг. Купцы настойчиво просили Ревель обратить на это серьезное внимание и вовремя все исправить⁹⁶. Тогда же они просили Дерпт прислать каменщика, который осмотрел бы церковь с целью определения предстоящих расходов кирпича и извести, необходимых для ремонта. Кроме того, они настоятельно просили оказать содействие плотнику в присылке ему помощников, так как он жаловался, что без содействия городов никого не мог привезти в Новгород⁹⁷. Объем плотницких работ по восстановлению дворов был большим, и для их выполнения требовался, конечно, не один человек. Что касалось налога, который двор должен был отправлять в города, то в этом вопросе купцы были решительны и неуступчивы. Они уведомляли, что, пока не отремонтирована церковь, налога они не пошлют и только после окончания ремонта оставшуюся сумму вышлют в города. Дело в том, объясняли купцы, что иначе им для восстановления дворов придется брать деньги в долг, а это обойдется слишком дорого, потому что нужно будет с 10 рублей давать 1 рубль в качестве процента, в то время как в городах можно получить деньги под проценты — с 16 марок 1 марку⁹⁸. В апреле 1403 г. после очередного пожара купцы писали в Дерпт, что церковная крыша требует ремонта, в свою очередь Дерпт переслал просьбу купцов в Ревель⁹⁹.

Первое десятилетие XV в. было трудным в жизни новгородской конторы. Количество купцов, приезжавших в Новгород, заметно сократилось; казна св. Петра была пуста, так что купцы не могли даже приобрести необходимые для двора предметы и вынуждены были пользоваться услугами отдельных купцов. Например, некий Иоганн Вреде приобрел для нужд двора колокол, подсвечники и весы для взвешивания серебра общей стоимостью 5,5 рижских марок. Контора долгое время не могла с ним расплатиться и просила в 1403 г. Ревель заплатить купцу долг двора, потому что он часто напоминал об этом, а казна св. Петра обеднела настолько, что нечем было расплатиться¹⁰⁰.

Аналогичная просьба была выражена купцами в октябре 1406 г. в отношении оплаты дворового священника, поскольку в казне св. Петра не было денег. Священник хорошо исполнял свои обязанности, сообщали купцы в Ревель, поэтому нужно удовлетворить его требования, чтобы у него не было жалоб на купцов¹⁰¹.

⁹⁶ HUB, V, N 512.

⁹⁷ Ibid., № 473.

⁹⁸ Ibid., № 473.

⁹⁹ LUB, IV, № 1622.

¹⁰⁰ HUB, V, N 474; LUB, IV, N 1638.

¹⁰¹ HUB, V, N 745; LUB, IV, N 1708.

Интересно, что это письмо было запечатано не печатью двора, а личной печатью купца Германа Везенбурга, так как печать двора св. Петра в конторе в это время отсутствовала.

В это же время начались и новые конфликты между Новгородом и Ганзой. Только одно десятилетие после заключения Нибурова мира сохранялись стабильные отношения между партнерами. Уже в декабре 1403 г. новгородцы запретили выезд из Новгорода немецким купцам в связи с жалобой новгородца Ивана Кочерина. Интересно, что виновником конфликта стал уже известный нам Иоганн Вреде, оказавший некогда услуги двору¹⁰². Особенно осложнились торговые отношения в 1406 г., когда началась война Литвы и Ордена против Пскова. Хотя новгородцы обещали ганзейцам сохранять гарантии «чистого пути» в своих владениях, весной 1406 г. немецкие купцы были задержаны в Новгороде¹⁰³. Ввиду появившейся опасности и возможного отъезда из Новгорода купцы переслали в августе 1406 г. в Ревель бочку с драгоценностями конторы, подробно перечислив ее содержимое, с просьбой сохранить все до того времени, когда эти предметы опять им понадобятся¹⁰⁴. Наряду с церковной утварью были отправлены все книги церкви св. Петра, расчетные книги купцов, архив, состоявший из писем городов, а также обе печати двора св. Петра.

Опасения немецких купцов оказались не напрасными. Действительно, в декабре 1406 г. на новгородском вече было объявлено об их задержании в Новгороде в ответ на ограбление русских в Нарве¹⁰⁵. Летом следующего, 1407 г. новгородцы объявили на Торгу о запрете торговли с немецкими купцами в связи с тем, что последние привозят в Новгород укороченные поставы сукон и неполновесные мешки с солью¹⁰⁶.

Неустойчивое положение немецких купцов в Новгороде сохранялось в течение нескольких лет, и только в 1409 г. туда прибыли ревельские послы для заключения мира. Однако условия, предложенные новгородскими властями, показались им совершенно неприемлемыми и переговоры обострились настолько, что немецкие купцы собрались закрыть церковь и покинуть двор, а скоропортящийся товар переправить в Дерпт¹⁰⁷. Однако вскоре отношения были урегулированы и прибывшие послы заключили в августе 1409 г. договорную грамоту о взаимном возврате захваченных товаров¹⁰⁸.

В период конфликта 1406—1409 гг. ганзейские купцы продолжали посещать Новгород, поскольку запрета на торговлю города не объявляли. Вместе с тем из-за отсутствия во дворе скры и печатей немецкое купечество испытывало большие неудобства.

¹⁰² LUB, IV, N 1635, 1637.

¹⁰³ Подробно о конфликте 1406—1409 гг. см.: Казакова Н. А. Указ. соч., с. 88—92.

¹⁰⁴ HUB, V, N 738.

¹⁰⁵ Ibid., № 751.

¹⁰⁶ LUB, IV, N 1726.

¹⁰⁷ HR, I, 5, N 617.

¹⁰⁸ ГВНП, № 49, HR, I, 5, № 618.

Купцы жаловались в Дерпт, что их права в Новгороде постоянно нарушаются,*потому что во дворе нет скры, которой они могли бы руководствоваться, и просили вернуть им отправленные в 1406 г. скру и печать для воска. Что касается запечатывания донесений конторы, администрация двора вынуждена была использовать для этой цели личные печати купцов. В решении этого вопроса приняли участие все ливонские города. Поскольку ценности конторы хранились в Ревеле, Дерпт переправил просьбу купцов ему. Тот в свою очередь обратился за мнением к Риге, которая предложила скру переписать и копию вместе с печатью переправить в Новгород, а оригинал скры хранить в Ревеле до тех пор, пока не изменятся обстоятельства, т. е. пока не будут урегулированы торговые отношения¹⁰⁹. Поскольку главной причиной «розмирья» были жалобы новгородцев на недоброкачественность товаров, и особенно недостаточный вес соли, Рига обратилась за решением проблемы в Любек — высшую инстанцию по всем спорным вопросам. Глава Ганзы ответил, что Рига лучше знает традиции новгородско-ганзейской торговли и поэтому ей вместе с другими ливонскими городами поручается выработать меры против недостаточного веса в торговле солью¹¹⁰. Эта переписка подчеркивает ведущую роль ливонских городов в торговле с Новгородом в то время, что было признано самим Любеком. Кроме того, она демонстрирует «цепочку» городов, участвовавших обычно в решении важных торговых дел: Дерпт—Ревель—Рига—Любек.

После заключения торгового соглашения в августе 1409 г. деятельность конторы была нормализована, и в декабре того же года купцы просили Ревель вернуть принадлежавшие св. Петру ценности, потому что купцов во дворе «благодаря Богу» было много и поэтому отсутствие необходимых предметов остро ощущалось в конторе. Примечательно, что купцы заранее предполагали утрату некоторых предметов и просили Ревель приобрести их для двора, как это он всегда делал раньше¹¹¹. Уже в первой половине января 1410 г. Ревель переправил в Новгород бочку с ценностями, сопроводив ее письмом с описанием содержимого¹¹².

Между тем в Новгороде продолжало расти недовольство условиями торговли, которые не были ликвидированы заключенным в августе 1409 г. соглашением. Поэтому новгородцы не только ужесточили правила торговли, но в начале 1410 г. в течение 4-х недель вообще не вели торговлю, в результате чего в немецких дворах скопилось большое количество товаров и церковь св. Петра была забита ими до отказа. Новгородцы надеялись, что приезд летних гостей заставит ганзейцев пойти на уступки и принять их требования¹¹³. В связи с этим немецкое купечество затеяло

¹⁰⁹ HR, I, 5, N 369—371.

¹¹⁰ HR, I, 5, N 477.

¹¹¹ HUB, № 914.

¹¹² Ibid., № 922.

¹¹³ Подробнее см.: Казакова Н. А. Указ. соч., с. 93—94.

деятельную переписку с магистратами ливонских городов о положении в Новгороде, в которой сообщало: «...новгородцы хвалятся, что немецкое купечество у них в мешке, который они завязали лыком, и считают, что вскоре его здесь завяжут ремнем»¹¹⁴. Купцы, находившиеся в Новгороде, просили задержать приезд в Новгород летних гостей, и города ответили им согласием¹¹⁵.

Новгород пытался воздействовать на Ганзу разными способами, предъявляя претензии как в отношении торговых дел, так в устройстве ганзейской конторы. Дело в том, что приказчик двора не имел права вести торговлю, но для возмещения расходов ему было разрешено держать во дворе корчму, доходы от торговли в которой шли в его пользу. В описываемый период, новгородцы потребовали ликвидировать корчму, способствовавшую, по их мнению, возникновению беспорядков, так как ее охотно посещали и русские. Бывший в то время приказчиком двора, Генрих фон Бэме отказался исполнять дальше свои обязанности, поскольку не хотел лишиться верной статьи дохода, в связи с чем немецкие купцы просили Дерпт позаботиться о новом приказчике¹¹⁶.

В это же время из соляного амбара на Готском дворе новгородцами было украдено 8,5 бочек пчелиного меда, кроме того, они попытались ограбить церковь на Немецком дворе, для чего устроили помост к частоколу двора. После неудавшейся попытки ограбления вооруженные новгородцы дважды вламывались во двор, угрожая убить немецких купцов, а их товары забрать себе. Купцы подробно описали происшедшие события, жаловались на новгородские власти, которые ничего не делали для их охраны и защиты, и просили позаботиться о купечестве, так как из-за такого отношения новгородцев ни один купец не решится ехать в Новгород. В этом же письме они предлагали закрыть корчму¹¹⁷.

Предложение купцов о закрытии корчмы обсуждалось всеми ливонскими городами, поскольку вопрос заключался в необходимости возместить труд приказчика. Дерпт, больше других заинтересованный в его регулярной оплате, потому что именно он назначал людей на эту должность, предлагал повременить с отменой корчмы до следующего съезда¹¹⁸. Судя по позднейшим документам, приказчику удалось сохранить за собой право держать корчму.

В 1416 г. произошел очередной разрыв в новгородско-ганзейских связях, в результате которого был объявлен запрет на торговлю с Новгородом сначала ливонскими, а потом и всеми ганзейскими городами¹¹⁹. В свою очередь, Новгород запретил поездки новгородцев в Пиллау и Псков, где можно было встретить-ся с немецкими купцами.

¹¹⁴ HR, I, 5, № 666, § 5.

¹¹⁵ HR, I, 5, № 665, 666, 668, 671.

¹¹⁶ HUB, V, № 1063.

¹¹⁷ Ibid., № 1086.

¹¹⁸ Ibid., № 1067, 1070.

¹¹⁹ См.: Казакова Н. А. Указ. соч., с. 95–97.

В этом конфликте обращает на себя внимание то обстоятельство, что ливонские города самостоятельно, без уведомления Любека, объявили торговую блокаду, что лишний раз подчеркивает их вес в этот период в новгородско-ганзейской торговле. Урегулированием конфликта также занимались исключительно ливонские города. Именно ревелские послы заключили в 1417 г. очередной мир с Новгородом также без санкции Ганзы¹²⁰. Таким образом, торговые отношения между Новгородом и Ганзой были восстановлены и жизнь двора св. Петра оживилась.

В октябре 1416 г. дворовый приказчик Ганс фон дер Липпе был обеспокоен устройством новых частоколов вокруг дворов, для чего просил необходимые средства. Восстановление частоколов потребовало больших усилий со стороны приказчика, вынужденного неоднократно обращаться к новгородским властям за разрешением. Ганс Липпе сообщал в своем письме в Ревель, что должен был дать каждому из «главных» новгородцев 5 больших шиллингов и каждый день ставить кружку пива¹²¹.

Новые заботы наступили для немецкого купечества после пожара 1419 г., во время которого выгорел весь Славенский конец Новгорода и оба Немецких двора сгорели, хотя церковь осталась нетронутой. Как писали немецкие купцы в Дерпт, «...наши оба двора сгорели и ни одного столба не осталось. Церковь, слава Богу, в хорошем состоянии как в верхней, так и в нижней части. Немецкий двор еще продолжает гореть, на Готском дворе из-за пожара имеются большие убытки в соли»¹²². В связи с непрочным положением купцов в Новгороде последние интересовались, должны ли они заняться восстановлением дворов¹²³. Дерпт, получивший это известие, написал соответствующие письма в Ревель, Ригу и Любек, поскольку речь шла о финансировании конторы. Было решено непременно поставить новые хорошие частоколы, но с наименьшими затратами. Купцы договорились о восстановлении частоколов за 25 руб. на Немецком дворе и за 30 руб. на Готском, но просили прислать для этого деньги. Кроме того, они напоминали, что нуждаются и в жилых помещениях. В том же донесении содержалась жалоба на новгородского посадника и тысяцкого, препятствовавших восстановлению частоколов и требовавших от немецких купцов даров. Дело в том, что, пользуясь отсутствием частоколов, новгородцы постоянно занимали территории ганзейских дворов своими постройками. Поэтому купцы просили руководителей конторы направить письмо Великому Новгороду, чтобы он поступал хорошо, «по старому обычаю» и крестному целованию и разрешил оставить частоколы¹²⁴.

Ответ городов не сохранился, но несомненно, что дворы были вновь восстановлены и окружены частоколами, так как в марте

¹²⁰ Там же, с. 97–98.

¹²¹ LUB, V, № 2100.

¹²² Ibid., № 2323, 2331.

¹²³ HR, I, 7, N 38, 39.

¹²⁴ HR, I, 7, № 41.

1420 г. в связи с обострившейся обстановкой приказчику двора было указано, чтобы он в случае необходимости и плохого отношения со стороны новгородцев закрыл бы церковь и действовал по скре, т. е. передал ключи архиепископу Новгорода и игумену Юрьева монастыря, поставил бы русских приставов для охраны и покинул бы Новгород вместе со священником¹²⁵.

Предостережение оказалось не напрасным, потому что вскоре один за другим последовали острые конфликты между Новгородом и Ганзой, во время которых 11 немецких купцов были арестованы, закованы в железо и размещены по дворам новгородцев¹²⁶. Конфликт 1420—1421 гг. был улажен заключением в 1423 г. договорной грамоты, которую подписали от имени ганзейских городов послы Ревеля, Дерпта и Риги¹²⁷. Однако уже в следующем году произошло ограбление новгородских купцов у берегов Ливонии, в ответ на которое в Новгороде было задержано 150 ганзейских купцов. Им категорически запрещалось выходить со двора и даже предполагалось посадить их в тюрьму¹²⁸.

Трудности купцов усугубились происшедшим в 1425 г. пожаром, во время которого Немецкий двор сгорел, а у Готского выгорела часть ограды¹²⁹. Осенью 1425 г. этот конфликт был улажен, чему немало способствовал новгородский архиепископ. После этого немецкие купцы приступили в очередной раз к восстановлению частоколов и различных построек, необходимых для жилья и хранения товаров. При этом им было указано ввиду недостатка средств строить лишь самое необходимое.

Заботы о ремонте церкви, проведении водоотводной трубы на Немецком дворе стали одними из главных по устройству ганзейской конторы в Новгороде в 30-е годы XV столетия¹³⁰. В апреле 1431 г. немецкие купцы писали о своих проблемах в Дерпт: «Достопочтенные господа, знайте, что церковь здесь, в Новгороде, требует ремонта, потому что крыша очень сильно разрушена и в настоящее время имеет много дыр, так что в церкви даже опасно находиться. Да убережет Бог от того, чтобы возник пожар. Далее, дорогие друзья, церковь в нижней своей части очень обветшала, как ваши послы установили, которые сами это смогли видеть. Руководители двора и купцы, которые здесь тогда были, доводят это до вашего сведения вместе с другими пунктами.

И мы опасаемся, что церковь поддастся и свод рухнет, отчего купечество потерпит много убытков и неудобств. Поэтому, дорогие господа, позаботьтесь об этом, ведь теперь можно починить цер-

¹²⁵ LUB, V, № 2374.

¹²⁶ HR, I, 7, № 312, 314.

¹²⁷ ГВНП, № 62. См. также: Казакова Н. А. Указ. соч., с. 104—106.

¹²⁸ HUB, VI, № 580.

¹²⁹ LUB, VII, № 271. Этот пожар отмечен в Новгородской летописи: «Погоре Торговая сторона и Людии конец весь». ННП, с. 415.

¹³⁰ Вопрос о водоотводе поднимался еще в 1335 г., когда немецкие купцы предъявили ряд претензий Новгороду и Пскову. Среди прочего было высказано требование о проведении водоотвода от церкви к Волхову. — HUB, II, № 569, § 12.

ковь при небольших расходах, потом это будет стоить больших денег. Далее мы просим Вас знать, что мы здесь имеем большие неприятности на Немецком дворе из-за воды, потому что участок двора заболачивается изо дня в день, так как вода не имеет стока со двора. Поэтому Лауренсий Хоне, приказчик двора, разговаривал со старостами улицы о проложении трубы через участок двора, и нам кажется, что старосты улицы хотят ходатайствовать об этом перед Новгородом, чтобы это можно было осуществить, чтобы проложить трубу от церкви, что стоит перед Немецким двором. Это нужно поскорее сделать, так как позже потребует больших расходов (взяток. — *Е. Р.*). Потому, дорогие господа, обдумайте это, так как это двору и церкви очень нужно. И мы собираемся в этом направлении пока ничего не делать, пока не получим от вас ответ. И приказчику двора мы приказали, чтобы он их (старосты улицы. — *Е. Р.*) добрыми словами держал при их решении до того времени, как мы получим от вас ответ. Далее, дорогие господа, жалуется священник, господин Генрих Падберх, который в настоящее время здесь находится, что он сильно поистратился в то время, когда он здесь служил, не имея доходов, потому что в это время много купцов отсюда выехало. Поэтому, дорогие господа, мы просим вас написать в Висбю, чтобы они не торопились присылать сюда священника. Копию этого письма мы послали одновременно в Ревель. Да благословит Бог вашу достопочтенность. Писано во второй вторник после пасхи в 1431 г.»¹³¹

Высказанные купцами просьбы надолго стали предметом переписки ливонских городов между собой и с ганзейской конторой в Новгороде. Рига в связи с жалобами купцов просила Дерпт принять меры по сохранению церкви, пока она совсем не развалилась¹³². Поскольку в Ревель было отправлено аналогичное письмо самими немецкими купцами, Дерпт в своем донесении туда ограничился обсуждением практической стороны дела, т. е. предлагал послать в Новгород хорошего каменщика, который мог устроить покрытие церкви и заодно определить дефекты фундамента и стен, чтобы подготовиться к основательному ремонту церкви в будущем году¹³³.

Вскоре, в августе 1432 г., немецкая церковь в Новгороде была приведена в порядок, о чем приказчик двора Тидеке Визе уведомлял Дерпт¹³⁴. Трудно сказать, чьими силами осуществлялся ремонт. Не исключено, что к этому делу были привлечены и новгородские мастера, поскольку было сделано лишь самое необходимое: покрыта церковь, поставлены столбы для ее укрепления, восстановлена в отдельных местах штукатурка.

Очевидно, затянувшаяся переписка между городами о посылке и оплате каменщиков заставила руководство двора с согласия

¹³¹ HR. II, 1, № 217.

¹³² Ibid., № 32.

¹³³ Ibid., № 33; LUB. VIII, N 448.

¹³⁴ LUB. VIII, N 614.

Дерпта нанять мастеров на месте и произвести срочный ремонт. Из той же записки известно, что купечество, предварительно договорившись с Дерптом, хорошо оплатило работу каменщиков, выдав каждому сверх определенной заранее суммы сукно на кафтан¹³⁵.

Относительно устройства водоотводной трубы дело не решилось столь быстро. Вопрос о ней поднимался еще в 1335 г., когда немецкие купцы предъявили ряд претензий Новгороду и Пскову. Среди прочего они требовали разрешить им проведение водоотвода от церкви к Волхову¹³⁶. В данном случае столкнулись интересы новгородцев и немцев, кроме того, постоянные «размирья» Новгорода с Ганзой не позволяли положительно решить этот вопрос. Заметим, что Немецкий двор находился в непосредственной близости от ручья, приносившего большие неудобства и самим новгородцам. Археологические исследования в соседнем с Немецким двором квартале обнаружили в слое начала XIV в. мощное дренажное сооружение для отвода воды ручья¹³⁷. Возможно, предпринятые новгородцами меры по осушению территории своих усадеб повлияли на увеличение стока воды на Немецкий двор.

О проведении водоотводной трубы просили послы, приехавшие в Новгород в 1436 г. для заключения нового торгового соглашения. И только после подписания договорной грамоты в 1436 г. Новгород разрешил провести водосточную трубу для осушки Немецкого двора, но с условием, что русским купцам в Ревеле будет разрешено сделать в их церкви дверь, выходящую непосредственно на улицу¹³⁸. Очевидно, этот вопрос был урегулирован, потому что в 1438 г. немецкие купцы просили прислать плотника для устройства трубы, что и было исполнено Дерптом, уведомлявшим Ревель, что одного плотника он уже послал в Новгород и нет необходимости Ревелю заботиться об этом¹³⁹.

30-е годы XV столетия стали переломными в истории ганзейской конторы в Новгороде: с этого времени начинается отмеченный разными исследователями упадок конторы, связанный с общим ослаблением позиций Ганзы в балтийской торговле, усилением конкуренции ганзейскому купечеству со стороны бурно развивающихся Нидерландов. Центр новгородско-ганзейской торговли переместился к тому времени в ливонские города. Последнее обстоятельство и постоянные конфликты Новгорода с Ганзой заметно сократили число купцов, приезжавших в Новгород, в связи с чем установленный прежде порядок выбора старост и их помощников часто нарушался и контора оставалась без руководства. Все это заставило ливонские города, являвшиеся, по су-

¹³⁵ Ibidem.

¹³⁶ HUB, II, N 569, § 12.

¹³⁷ См.: Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова. — В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 178—180.

¹³⁸ LUB, IX, N 155.

¹³⁹ Ibid., N 274.

шеству, единственными руководителями конторы, учредить новые должности во дворе св. Петра, призванные при отсутствии традиционных выборных старост выполнять их функции. Новой административной должностью стал *Vorstender* (дословно — управляющий или начальник), который следил за соблюдением скры, своевременным внесением налогов, штрафов, назначал наказания, т. е. осуществлял юридическую власть во дворе.

Еще на рубеже XIV—XV вв. была учреждена должность приказчика двора (буквально — *Hofesknecht*), которого назначали ливонские города и главным образом Дерпт. В обязанности приказчика входили хозяйственные дела конторы, наблюдение за порядком во дворе, за сохранностью церкви и помещений двора и т. д.

Внешне упадок конторы выражался в нарушении порядков двора отдельными, особенно молодыми, купцами, в невыполнении постановлений скры, что можно объяснить отсутствием здесь твердой власти. Молодые люди (*junge*), обучавшиеся торговому делу, подолгу задерживались во дворе вопреки установленному сроку. Они же продавали вино и пиво бочками и ведрами, что запрещалось постановлениями двора, играли в азартные игры и т. п.

В 1433 г. немецкие кунцы жаловались на плохое поведение молодых людей во дворе, особенно когда там отсутствовали старосты, а оставался только их заместитель, управляющий конторой, плохо представлявший круг своих обязанностей и прав. Поэтому кунцы просили издать строгие предписания, которыми мог бы руководствоваться в своей деятельности управляющий¹⁴⁰.

Делами конторы занялся состоявшийся в 1434 г. съезд ливонских городов, на котором были приняты различные постановления по наведению порядка во дворах. Было решено, что люди без занятий должны выселяться со двора; запрещались все азартные игры; никто, кроме приказчика, не мог продавать пиво и другие напитки в розлив ни днем, ни ночью; запрещалось оставливаться в русских дворах¹⁴¹.

Другим важным решением съезда была статья о том, что священник новгородской конторы должен признаваться ливонскими городами. Всеми делами конторы в Новгороде практически ведали ливонские города, и только священника назначали поочередно Любек и Висбю. Это постановление ливонских городов вызвало в дальнейшем продолжительные споры между ними и Висбю, который жаловался, что ливонские города пытаются лишить его законных прав в новгородском дворе. Дело в том, что в 1437 г. ливонские города, не дожидаясь назначенного из Висбю и опоздавшего к сроку священника, послали в новгородскую контору своего, что вызвало возмущение Висбю. Ливонские города оправдывались тем, что им ничего не было известно о священнике из Висбю.

¹⁴⁰ HR, II, 1, № 220.

¹⁴¹ *Ibid.*, № 226, § 22—23.

потому они и отправили в Новгород своего человека на эту должность. Кроме того, города уведомляли Висбю, что купцы не в состоянии платить священнику прежнюю сумму, и предлагали сократить ее до половины¹⁴². Это предложение ливонцев вызвало резкий протест со стороны Любека и Висбю, не желавших терять своих последних прав в ведении конторы.

Между тем назначенный в 1440 г. Любеком священник Бернд Бракель жаловался в Ревель, что, уезжая из Любека, он ничего не знал о сокращении платы и никто не сказал ему об этом и позже. В связи с этим, учитывая его трудную службу в Новгороде и долгий путь из Любека в Новгород, он просит поговорить с купцами о сохранении прежней платы¹⁴³. Вслед за письмом священника в Ревеле было получено письмо купцов, уведомлявших о переговорах, которые велись во дворе о сокращении платы священнику, тем более что дворовая касса была пуста и платить ему прежнее жалование купцы были не в состоянии¹⁴⁴. Оплата священника новгородской конторы обсуждалась на собранном в феврале 1440 г. съезде, откуда послы ливонских городов сообщили немецким купцам в Новгород, что они согласны с предложением о сокращении платы священнику наполовину и написали об этом в Любек и Висбю. Вместе с тем послы призывали купцов соблюдать скру и выполнять все предписания городов¹⁴⁵.

Бернду Бракелю послали разъяснения о сокращении его платы и просили его учесть тяжелое положение двора и прийти к соглашению с купцами¹⁴⁶. В письмах, отправленных со съезда в Любек и Висбю, также разъяснялась сложившаяся обстановка. В них предлагалось назначать священнику в Новгороде в качестве годового жалования 5 руб. серебром, «бесплатное» питание, по полрубля серебром на проезд в Новгород и обратно¹⁴⁷.

Решение ливонских городов вызвало взрыв негодования у Висбю и Любека, выразившийся в многочисленных письмах, направленных ими в эти города¹⁴⁸. Осенью 1440 г. Висбю дважды отправлял письма трем ливонским городам с требованием восстановить прежний порядок назначения священника и его оплаты¹⁴⁹. Любек предполагал, что сокращение жалования священника произошло без ведома ливонских городов самими купцами, находящимися во дворе св. Петра, и добавлял, что размер платы и статут священника были установлены много лет назад общей Ганзой и могут быть изменены только с привлечением Любека и Висбю¹⁵⁰.

Ни одна сторона не хотела уступать в этом споре. Несмотря на решительные протесты Любека и Висбю, купцы продолжали

¹⁴² LUB, IX, № 220.

¹⁴³ HR, II, 2, № 327.

¹⁴⁴ Ibid., № 328.

¹⁴⁵ LUB, IX, № 564.

¹⁴⁶ Ibid., № 565.

¹⁴⁷ Ibid., № 566; HR, II, 2, № 333.

¹⁴⁸ LUB, IX, № 594, 609, HR, II, 2, № 339.

¹⁴⁹ HR, II, 2, № 340.

¹⁵⁰ Ibid., № 336.

платить священнику половину прежнего жалования; в частности, они отказались доплатить Бракелю вторую половину жалования в 5 руб.

Ливонские города поддерживали руководство конторы и на своем съезде в феврале 1442 г. вновь подтвердили, что размер платы священнику должен составлять 5 руб. и если «морские» города не согласны с этим, то они готовы и дальше обсуждать этот вопрос. Учитывая положение ганзейской конторы в Новгороде, они обещали выплачивать священнику прежнюю плату только в том случае, если количество купцов во дворах значительно возрастет и торговые поездки в Новгород увеличатся¹⁵¹. Вскоре, в мае того же года, состоялся общеганзейский съезд в Штральзунде, где также обсуждался вопрос о размере жалования священника в новгородской конторе. Активную позицию занимал Висбю, давно утративший всякое влияние во дворе, но не желавший мириться с потерей своих последних привилегий¹⁵². Позиция Любека и Висбю в деле о жаловании священника была последней попыткой проявить ставшую уже призрачной власть в руководстве ганзейской конторой в Новгороде.

Между тем положение немецких купцов в Новгороде с каждым годом ухудшалось. Еще в 1439 г. при установлении новых ворот на Готском дворе возник острый спор между купцами и старостами Михайловой улицы, красочно описанный в донесении купцов в Дерпт и Ревель. Речь шла о захвате уличанской территории немцами во время строительства ворот. На самом деле площадь занятой земли была ничтожной, всего в ладонь шириной; при установлении косяков ворот столбы не помещались на старом месте, поэтому пришлось подтесать мостовую Михайловой улицы, что и вызвало резко отрицательную реакцию новгородцев, призвавших на помощь посадника и тысяцкого¹⁵³. Дело было, конечно, не в величине занятой территории, а в принципе. В эти годы отношения с немецкими купцами постоянно сопровождались взаимной конфискацией товаров и задержаниями купцов, упреками в недоброкачественности товаров, так что новгородцы ни в чем не хотели уступать немцам и это сказывалось в любых мелочах.

После продолжительных болезненных споров об оплате священника, после съездов в Вольмаре и Штральзунде, весной 1442 г. состоялись переговоры между Любеком и ливонскими городами относительно новгородской конторы и торговых связей с Новгородом. В конце концов договаривающиеся стороны пришли к соглашению, подписанному 20 июня 1442 г., о полной передаче руководства новгородской конторой ливонским городам.

¹⁵¹ HR, II, 2, № 555, § 8, № 584.

¹⁵² Ibid., № 586, 601.

¹⁵³ LUB, IX, № 546; HR, II, 2, № 325; см. также: Клейненберг И. Э., Сивастьянова А. А. Мачание на страже своей территории (по материалам ганзейской переписки XV в.). Новгородский исторический сборник, вып. 2 (121-Л), 1984, с. 157-164.

которым поручалась забота о ней и о торговых контактах с Новгородом. Пункты соглашения гласили, что три ливонских города — Рига, Ревель и Дерпт — должны определять необходимость закрытия и открытия сообщения с Новгородом, согласуясь с нуждами всех ганзейских городов. Кроме того, они должны были мешать арестам немецких купцов и стремиться к миру и новым торговым договорам. Специально было оговорено, что только в случае отсутствия во дворе старосты или его заместителя приказчик мог выполнять его функции¹⁵⁴.

В письме немецким купцам в Новгород Любек сообщал о состоявшейся передаче конторы под власть ливонских городов и рекомендовал в срочных случаях обращаться в Дерпт, которому было передано непосредственное управление двором¹⁵⁵. Это соглашение лишь юридически закрепило давно сложившееся на практике безраздельное господство ливонских городов в новгородской конторе, фактически наступившее после Нибурова мира.

Значительные перемены, происшедшие в новгородско-ганзейской торговле в первой половине XV в., требовали изменения существующего устава двора св. Петра. Вопрос о новой редакции скры обсуждался на нескольких ливонских съездах начиная с 1450 г. Очевидно, ливонские города, получив официальную власть в управлении новгородской конторой, стремились зафиксировать это юридически в новых постановлениях скры.

Состоявшийся в Пернау в 1465 г. съезд принял решение о необходимости подготовки новой скры, так как старая скра была уничтожена¹⁵⁶. Уже в следующем, 1466 г., как сообщают источники, Дерпт, Ревель и Любек с 73 городами, вместе с купцами издали новую скру для двора¹⁵⁷. Следует обратить внимание на последовательность перечисления городов в этом документе, отражающую действительную роль каждого из них в руководстве конторой. Видимо, существовавшая до тех пор V скра была тогда заново переписана и к ней были добавлены две статьи (141 и 142), принятые в 1466 г. Именно в них впервые появляются такие термины, как «Hofesknecht», «Vorstender», и определяются их обязанности (ст. 142, 4, 7). Здесь же впервые упоминаются «Weishäupter» и «Schwarzhäupter», т. е. «белоголовые» и «черноголовые», представлявшие собой купеческие объединения из ливонских городов. «Белоголовые» составляли корпорацию старейших купцов, которые в отличие от «черноголовых» имели право привозить с собой двух молодых людей, обучавшихся торговому делу (ст. 142, 1). «Черноголовые» поначалу представляли группу иноземных купцов, поселившихся в Ревеле и образовавших там свое братство. Впоследствии к ним присоединились молодые местные купцы, и постепенно братство «черноголовых» превратилось в корпорацию молодых неженатых купцов, которая существовала не только

¹⁵⁴ HR, II, 2, № 623.

¹⁵⁵ Ibid., № 624.

¹⁵⁶ HR, II, 5, № 587, § 7.

¹⁵⁷ HUB, XI, № 1271.

в Ревеле, но и в Риге, и в Дерпте¹⁵⁸. В Таллине до сих пор сохраняется дом, принадлежавший в прошлом братству «черноголовых».

Перемены в новгородской конторе ганзейцев коснулись и самого порядка ведения торговли. Если еще в начале XIV в. было принято постановление, запрещающее держать во дворе маклера, т. е. посредника между продавцом и покупателем, то к середине XV в. маклеры были узаконены во дворе. В 1452 г. был принят маклерский порядок во дворе св. Петра, в котором определялись права и обязанности торговых посредников¹⁵⁹.

Вторая половина XV в. так же, как и предыдущие периоды, была заполнена бесконечными конфликтами, возникавшими во взаимоотношениях Новгорода и Ганзы из-за несоблюдения правил торговли, плохого качества товаров и т. д. Кроме того, несмотря на повторяющиеся в каждом договоре условия, что военные действия не должны влиять на приезд купцов в Новгород, все-таки военные конфликты Новгорода с Орденом постоянно оказывали отрицательное действие на торговлю. Сосредоточение ганзейской торговли в руках ливонских городов поставило эту торговлю, отмечает Н. А. Казакова, в теснейшую зависимость от взаимоотношений Новгорода с Орденом, который давно уже пытался оказывать влияние на новгородско-ганзейскую торговлю. Особенно ярко эта зависимость проявилась в конце 30-х — в 40-х годах XV столетия. Так, в 1439 и 1440 гг. последовали запреты Ордена на ввоз соли и лошадей на Русь. В 1441 г. в ответ на обиды, нанесенные новгородцам в Ревеле и Нарве, немецкие купцы были арестованы в Новгороде. После неудачных переговоров новгородских и орденских послов в Нарве в 1442 г. положение ганзейцев ухудшилось настолько, что приказчик двора Ганс Мунштеде сообщал в Дерпт, что новгородцы угрожают ему смертью¹⁶⁰.

К несчастью, именно в эту пору (11 мая 1442 г.) в Новгороде случился пожар, от которого большей частью пострадал Готский двор, где сгорели сенник, жилой дом, половина кухни, частокот двора. Учитывая сложившуюся обстановку, Мунштеде спрашивал у Дерпта, должен ли он предпринимать восстановление двора, которое будет стоить 40 рублей серебром¹⁶¹.

В 1443 г. на ливонском съезде в Пернау было принято решение о закрытии новгородской конторы, при этом Рига от имени ливонских городов просила Данциг известить об этом запрете остальные ганзейские города¹⁶². Постановления съезда предписывали немецким купцам покинуть двор, церковь закрыть, а ключи передать, как обычно, архиепископу Новгорода и архимандриту Юрьева монастыря.

¹⁵⁸ Amelung F., Wrangell G. Geschichte der Revaler Schwarzenhäupter. Reval. 1930.

¹⁵⁹ Schlüter W. Op. cit., S. 176. Впервые маклеры упоминаются в документах в 1437 г. — HUB, VI, N 922.

¹⁶⁰ LUB, IX, № 816, 824.

¹⁶¹ Ibid., № 816.

¹⁶² HR, II, 2, № 698.

Этот конфликт был одним из самых сложных и трудных в истории новгородско-ганзейских отношений, обострившихся настолько, что впервые на время отъезда немецких купцов из Новгорода церковные власти города отказались принять ключи от немецкой церкви и двора, как это было раньше в подобных случаях¹⁶³.

Начавшаяся в 1443 г. война Новгорода с Орденом также ухудшила и без того обострившиеся торговые взаимоотношения, но вместе с тем, несмотря на принятый запрет, ганзейские товары продолжали поступать в Новгород через Псков, с которым ганзейские купцы продолжали торговать. В связи с этим орденский магистр приказал Ревелю закрыть дороги от Ревеля в Дерпт, так как товары, идущие оттуда, попадали в Псков, а затем в Новгород. Однако ливонские города и особенно Ревель были недовольны таким положением дел, поскольку терпели большой ущерб в связи с запрещением новгородской торговли. Поэтому уже в 1444 г. они предложили магистру прекратить военные действия и заключить с Новгородом мир. Города угрожали орденскому магистру, что в случае отказа они найдут себе другого покровителя. Кроме того, они настаивали, чтобы Орден не вмешивался в торговые дела городов и не смешивал их с политическими делами страны¹⁶⁴.

После заключения в 1448 г. договора между Новгородом, Псковом и Орденом города занялись урегулированием своих отношений с новгородцами. Еще во время русско-ливонских переговоров в Нарве в 1448 г. они интересовались, какими путями можно восстановить права немецкого купечества в Новгороде. Новгородцы объяснили, что для этого требуется посольство ганзейских городов. Поскольку ливонские города в первую очередь были заинтересованы в возобновлении прерванных отношений, они повели активную переписку с Любеком о необходимости организации такого посольства. Примечательно, что съезд ливонских городов в апреле 1449 г. решил обойтись без Любека и только испрашивал у него полномочия на ведение переговоров от имени Ганзы. Такие полномочия для ведения лишь предварительных переговоров были ими получены, и в мае 1450 г. было заключено 7-летнее перемирие между Новгородом и Ганзой¹⁶⁵. Оно, как и прежде, гарантировало чистый путь для купцов обеих сторон «по старым грамотам и по сей грамоте», партнеры обещали также «исправу давать» по всем обидным делам. В договорной грамоте ставилось условие, что в течение перемирия в Новгород должны прибыть послы от всех 73 ганзейских городов для заключения «подлинного» мира¹⁶⁶.

Однако такой мир был заключен только спустя 22 года, в течение которых постоянно возобновлялось перемирие 1450 г. с

¹⁶³ См.: Никитский А. И. Отношение новгородского владыки к немецкому купечеству. — ЖМНП, 1883, № 7.

¹⁶⁴ См.: Казакова Н. А. Указ. соч., с. 62—77.

¹⁶⁵ Подробней см.: Казакова Н. А. Указ. соч., с. 120—123.

¹⁶⁶ ГВНП, № 74.

некоторыми дополнениями. Обе стороны, и Любек, и Новгород занятые в это время своими политическими делами, не спешили с организацией посольств и подписанием настоящего мира.

Между тем жизнь двора после возобновления торговли стала налаживаться. Еще во время конфликта в 1445 г. Дерпт отправил своего человека в Новгород с тем, чтобы он осмотрел дворы и церковь и исследовал «тамошнее положение». В 1451 г. Любек и Висбю обсуждали вопрос о назначении священника в новгородскую контору.

В июле 1453 г. в Новгороде случился очередной пожар, в результате чего сгорела большая часть Немецкого двора, а у Готского выгорела примерно половина частокола. Было необходимо вновь окружить дворы частоколами для сохранности имеющихся там товаров и тех товаров, которые находились в пути. Но денег в кассе св. Петра не было, поэтому купцы решили с прибывающего в течение года (до пасхи 1454 г.) товара брать с каждого 100 рублей 1 рубль для восстановления дворов¹⁶⁷.

Состоявшийся в августе 1453 г. ливонский съезд направил в Новгород архиепископу, посаднику, тысяцкому, старостам купеческим, купцам и купеческим детям и всему Великому Новгороду письмо с просьбой разрешить восстановление двора по старому обычаю и предотвратить любые помехи в этом деле¹⁶⁸.

Заслуживает внимание тот факт, что после семилетнего перемирия, продленного еще на год, города, собравшиеся в феврале 1458 г. на съезд в Вольмаре, послали в Новгород приказчику двора инструкцию, в которой рекомендовали ему тайно наблюдать за соблюдением условий перемирия новгородцами и в случае необходимости без шума покинуть Новгород¹⁶⁹. Следовательно, города не исключали возможности возникновения нового конфликта из-за того, что все еще не было организовано ганзейское посольство в Новгород для заключения мира. Опасения на этот раз оказались напрасными, и в сентябре 1458 г. приказчик двора по поручению городов продлил прежнее перемирие.

В 1465 г. по истечении срока очередного перемирия в Новгород должны были приехать послы ливонских городов, в связи с чем немецкие купцы решили обновить ограду дворов, но новгородцы запретили им это¹⁷⁰. В этом мелком факте отразилось недовольство новгородцев ганзейскими купцами, поставлявшими в Новгород неполноценный и некачественный товар.

Осенью 1468 г. состоялись очередные переговоры между Новгородом и ганзейскими городами, представленными Дерптом и Ревелем. Новгородцы требовали, чтобы немецкие купцы взяли на себя ответственность за постоянные ущербы, которые терпят они (новгородцы) в торговле с немцами. Послы, возмущенные

¹⁶⁷ HR, II, 4, N 179.

¹⁶⁸ Ibid., № 181.

¹⁶⁹ Ibid., № 569.

¹⁷⁰ HUB, IX, № 180.

столь наглым, по их мнению, требованием, велели замуровать, т. е. закрыть, церковь и покинули Новгород вместе с купцами. Состоявшиеся в феврале и апреле 1469 г. съезды в Вольмаре и Любеке утвердили это решение. Любекский съезд 1470 г. подтвердил запрет на торговлю с Новгородом, причем предостерегал от контрабандных поездок к устью Невы¹⁷¹. Запрет распространялся и на ливонские города, имевшие обыкновение торговать с новгородцами в период конфликтов. Наконец, в 1472 г. начались переговоры, закончившиеся подписанием мира, последнего торгового договора Новгорода с Ганзой времен независимости Новгорода¹⁷².

Между тем в 1471—1472 гг. во время новгородских пожаров Немецкий и Готский дворы опять сильно пострадали. Летопись под 1471 г. сообщает: «Тои же осени бысть пожар от Вареиской улицы от берега посреде улиц и до Лубяницы, одва переяша и много дворов погоре и две церкви огоре: святые Иоанна у Немецкого двора и святой Георгий на Торгу и Немецкий двор горнии»¹⁷³. В Псковской летописи под 1472 г. говорится о пожаре Готского двора, названного Немецким речным: «...месяца октября загорелось в Новгороде с вечера в ночь от Белого костра с берега и горе в гору всю ночь и до обеда мало не оба конца выгорело, а Немецкий речной сгоре»¹⁷⁴.

Тем не менее купцы продолжали посещать Новгород, о чем мы узнаем из посланий съездов купцам в Новгород. Чаше всего речь шла о конкретных делах: принять во двор того или иного купца, которого двор не хотел принимать, заплатить налог и т. д. Обращает на себя внимание заявление ливонских городов, что руководство новгородскими отношениями находится целиком в их руках и никто, в том числе Любек, не должен давать им на этот счет указаний.

Поход Ивана III на Новгород в 1478 г., в результате которого Новгородская республика утратила свою независимость и была подчинена московскому князю, отразился и на судьбе новгородской ганзейской конторы и ее жителей. Как сообщали ливонские города в Любек, немецкие купцы с их товарами были задержаны в Новгороде в связи с тем, что великий князь подчинил Новгород своей воле¹⁷⁵.

Ганзейские города, обеспокоенные создавшимся положением, созвали в марте 1478 г. съезд, где обсуждались только новгородские дела. В частности, чтобы оказать давление на русских, было предложено в качестве компенсации арестовать товары

¹⁷¹ HR, II, 6, № 144, § 2—5; № 184, § 42; № 356, § 130.

¹⁷² См.: Казакова Н. А. Указ. соч., с. 126—127.

¹⁷³ ПСРЛ, т. 4, ч. 1, вып. 11. Л., 1925, с. 448. В XV в. русские уже не различали Немецкий и Готский дворы, а называли Немецкий — горним, т. е. верхним, Готский — Немецким речным, что соответствует местоположению дворов.

¹⁷⁴ Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, с. 185.

¹⁷⁵ HR, III, 1, № 84.

русских купцов, скопившиеся в большом количестве в Нарве. Съезд решил отправить послов в Новгород с требованием выполнять подписанные прежде договоры, а пока запретил поездки в Новгород с торговыми целями¹⁷⁶.

Из письма Дерпта в Ревель становится ясно, что немецкие купцы были только задержаны в Новгороде, но не арестованы, однако находились в большой опасности, поэтому Дерпт при согласии Риги велел им покинуть двор и добираться до Нарвы, власти и купцы которой обещали оказать содействие и помощь ганзейским купцам¹⁷⁷.

В 1484 г. проходили переговоры с Новгородом о сохранении дворов и церкви немцев в Новгороде. В ответ на письмо Дерпта по этому поводу из Новгорода пришла грамота, выражавшая желание и согласие новгородцев торговать по-старому¹⁷⁸.

Необходимо отметить, что после вхождения Новгорода в Московское государство несмотря на ликвидацию независимости и ломку административного аппарата республики вплоть до середины 80-х годов XV столетия оставалась неизменной экономическая основа новгородского боярства — землевладение, участие в международной торговле и т. д. Только с выводом бояр и житейх людей в 1480—1484 гг. и помещением на их место москвичей происходит коренное изменение всей системы новгородской экономики. В это время изменился контингент торговых людей Новгорода, ведущих торговлю с западными партнерами, что создало дополнительные трудности ганзейским купцам. Им приходилось переориентироваться в новой ситуации, налаживать новые торговые связи.

Отметим, что регулированием создавшегося сложного положения в новгородско-ганзейской торговле занимались исключительно ливонские города, по инициативе которых в 1486 г. в Москву было отправлено посольство, стремившееся получить у великого князя подтверждение своих старых торговых свобод. Однако Иван III уполномочил своих наместников в Новгороде заключить мир с ганзейцами¹⁷⁹.

В начале 1487 г. послы Дерпта и Ревеля как представители Любека и всех ганзейских городов отправились в Новгород, где заключили мир на 20 лет, по которому немецким купцам из ганзейских городов предоставлялись свободная торговля и сообщение с Новгородом по старому обычаю¹⁸⁰. В тот же год Любек обратился к великому князю московскому от имени всех ганзейских городов с ходатайством о сохранении обещанных немецким купцам прав в Новгороде¹⁸¹.

¹⁷⁶ Ibid., № 84, 86.

¹⁷⁷ Ibid., № 144, 152.

¹⁷⁸ Ibid., № 580.

¹⁷⁹ ИУБ, XI. N 95, 102.

¹⁸⁰ HR, III, 2, № 136, 160.

¹⁸¹ Ibid., № 265.

Однако несмотря на мирный договор 1487 г. новгородские наместники практически не выполняли его условий, что вызывало жалобы немецких купцов в Дерпт, который, обсудив их с Ревелем, решил направить в 1489 г. очередное посольство в Москву. В состав посольства входил и приказчик новгородской конторы, обязанный соблюдать интересы двора. Это посольство оказалось успешным, великий князь подтвердил данные ганзейским купцам права (имеется в виду мир 1487 г.) и намеревался летом сам прибыть в Новгород. После этого отношение наместников к немецким купцам переменилось, о чем свидетельствуют результаты последующих переговоров¹⁸².

Немецкие купцы снова занялись ремонтом церкви, у которой были сильно повреждены крыша и своды. Вопрос о том, кому посылать каменщика и как и кому оплачивать строительство двора и в особенности церкви, опять стал предметом разногласий между Дерптом и Ревелем. Последний настаивал, чтобы каменщика и необходимый материал отправил Дерпт, который, в свою очередь, не торопился это делать. В ответ на жалобы немецких купцов Ревель напоминал, что он уже послал купцам много денег для послов, отправленных ранее в Новгород, а из-за больших расходов, связанных с посольством в Москву, не может послать денег для строительства двора и советовал употребить на эти цели прежде всего налог¹⁸³.

Положение ганзейцев в Новгороде продолжало оставаться трудным, в частности была повышена весовая пошлина. Особенно доставалось от наместников приказчику двора, за которого купцы просили заступиться Дерпт¹⁸⁴.

В 1494 г. ганзейская контора в Новгороде была закрыта по велению Ивана III. В литературе существуют различные мнения по поводу закрытия немецкой конторы в Новгороде, особенно подробно они рассмотрены в работах Н. А. Казаковой, известной исследовательницы внешнеторговой политики Новгорода. Автор на основании тщательного анализа всех материалов, связанных с закрытием конторы, пришел к выводу, что оно не было заранее запланированным мероприятием правительства Ивана III, который на самом деле намеревался урегулировать возникший в 1494 г. конфликт мирным путем. И только после казни двух русских купцов в Ревеле, явившейся нарушением условий договора, Немецкий двор в Новгороде был закрыт, а купцы и их товары арестованы¹⁸⁵.

Во время ареста во дворе находилось 49 купцов из 18 городов, среди которых большую часть (17 человек) составляли представители Любека; из Дерпта было 7 человек, в их числе

¹⁸² Ibid., № 261.

¹⁸³ HUB, XI, № 289, 337.

¹⁸⁴ HR, III, 2, № 266.

¹⁸⁵ См.: Казакова Н. А. Указ. соч., с. 262—273; Она же. Еще раз о закрытии ганзейского двора в Новгороде в 1494 г. — Новгородский исторический сборник, вып. 2 (12). Л., 1984, с. 177—187.

приказчик двора; по три купца было из Дортмунда, Коосфельда Ревеля; Лунеберг, Шенероде, Шверин были представлены каждый двумя купцами; по одному купцу было из Гамбурга, Мюнстера Брекенфельда, Инна, Дусборка, Франкфурта, Эмеке, Дудерштадта, Грайфсвальда, Лемгардена¹⁸⁶. Это единственный список, сохранившийся за все время существования конторы в Новгороде в котором нашло отражение участие городов в поездках в Новгород. Несомненно, что и в прежние, особенно благополучные времена состав купцов был столь же разнообразным. Вместе с товарами стоимостью 96000 марок были описаны и ценности конторы.

Этап VI. (1494—1514 гг.) Несмотря на то что в это время двор в Новгороде был закрыт, мы выделяем этот период (1494—1514 гг.) в отдельный этап, так как сохранилось немало документов о деятельности ганзейских городов в это время по возобновлению новгородской торговли и конторы ганзейцев в Новгороде.

Сразу после ареста немецких купцов в Новгороде началась деятельная переписка об их освобождении, в которой наряду с ганзейскими городами принимали активное участие орденский магистр и даже император Максимилиан. Хотя все вопросы, касающиеся внешнеторговой политики подробно рассмотрены в монографии Н. А. Казаковой, остановимся коротко на основных вехах в переговорах об освобождении купцов.

В первой половине 1495 г. Любек посылал одно за другим письма великому князю всея Руси с просьбой освободить купцов и их товары, в августе того же года в Москву было отправлено письмо от всех ганзейских городов с просьбой об освобождении купцов и восстановлении прежних отношений на основе старых свобод и крестного целования¹⁸⁷.

Активное участие в освобождении купцов принимал, как уже говорилось, магистр Ливонии, организовавший несколько посольств в Москву с целью освобождения купцов. Во время четвертого посольства в 1496 г. из-под ареста были освобождены 8 человек, находившихся в Новгороде для обучения русскому языку. Арестованных купцов Иван III обещал освободить только в том случае, если Ревель выдаст виновных в казни русских подданных.

В 1496 г. оставшиеся в заключении купцы писали в Любек о своем тяжелом положении, опасаясь еще худшего, и просили организовать посольство ганзейских городов для их освобождения, причем добавляли, чтобы на расходах посольства города не экономили, видимо, надеясь в будущем их возместить. Аналогичное письмо купцы отправили орденскому магистру, который обратился к Любеку с предложением подумать о посольстве в Москву и не оставлять бедных купцов без помощи¹⁸⁸. Очевидно

¹⁸⁶ HR, III, 3, № 502.

¹⁸⁷ LUB, XI, № 864.

¹⁸⁸ HR, III, 3, № 765—764; LUB, II, 1, № 427.

Любек устранялся от непосредственного участия в переговорах, полагая, что это дело ливонских городов, и в первую очередь Ревеля, ставшего причиной закрытия новгородской конторы.

В результате длительных переговоров и неоднократных посольств орденского магистра к великому князю в начале 1497 г. были освобождены все ганзейские купцы, за исключением ревельских, которых Иван III задержал до выдачи виновных в гибели русских. Ревельские купцы были освобождены только в 1505 г.

В этот, шестой, период несмотря на закрытие конторы города продолжали обсуждать незаконченные расчеты двора св. Петра с приказчиком и священником. Бывший священник двора Иоанн Гreve обратился с жалобой, что он не получил плату за свою службу во дворе в Новгороде. Это дело обсуждалось даже на ганзейском съезде в Любеке в 1498 г., в результате чего было решено вернуть Гreve причитавшиеся ему деньги¹⁸⁹.

Аналогичная просьба была высказана Гансом Гертвигом, истратившим свои личные средства на строительство двора в бытность его приказчиком. Отметим, что и священник и приказчик были гражданами Дерпта, поэтому Дерпт и проявлял особую заинтересованность в удовлетворении их жалоб, неоднократно обращаясь с письмами в Ревель, который, по-видимому, распоряжался финансовыми делами конторы. Кроме того, Дерпт настаивал на возмещении своих собственных расходов по новгородской конторе из того же источника, откуда следовало выдать деньги священнику и приказчику, т. е. из денег, собранных в результате налогов¹⁹⁰.

Одновременно Дерпт просил Ревель прислать книги купцов, которые увез ревельский посол Готтшалк с собой, для того, чтобы посмотреть, что было истрачено на строительство двора, и определить действительные расходы приказчика двора¹⁹¹. В отношении налога Ревель отвечал, что Дерпту лучше знать, как он собирался, поскольку поступавшие от купцов деньги для домеров Готланда складывались в специальные кружки, висевшие на Готском и Немецком дворах, и только приказчик, назначенный Дерптом, имел ключи от этих кружек и обязан был ежегодно изымать из них деньги и половину отсылать на Готланд, а другую половину отправлять в казну Дерпта¹⁹². Таким образом, Ревель отклонял претензии Дерпта.

Переписка между Ревелем и Дерптом по этому поводу, несмотря на постановление ганзейского съезда 1498 г., продолжалась несколько лет. Наконец летом 1500 г. Ревель отправил в Дерпт купеческие книги, после просмотра которых было установлено, что приказчику Гертвигу полагалось вернуть 56 рублей серебром. Из-за отсутствия денег в казне Дерпта он просил Ревель обра-

¹⁸⁹ HR, III, 4, № 117.

¹⁹⁰ Ibidem.

¹⁹¹ Ibid., № 218.

¹⁹² LUB, II, 1, № 826.

титься к венским городам за помощью, чтобы вернуть его деньги. В этом же письме повторялась просьба об удовлетворении священника двора, так как собственных денег Дерпт не имел¹⁹³.

В течение всего рассматриваемого периода города Ганзы были обеспокоены восстановлением и делами конторы в Новгороде. Особенно они активизировали свою деятельность после освобождения всех купцов в 1505 г. Начиная с 1506 г. на каждом ганзейском и ливонском съездах, которые тогда происходили ежегодно, а иногда и чаще, обсуждались вопросы новгородской конторы¹⁹⁴.

В 1507 г. Кенигсберг в письме к Любеку выразил опасение, что восстановлению новгородской конторы могут помешать голландцы, которым покровительствует римский император, настроенный против Ганзы¹⁹⁵. Реальная угроза потерять новгородскую контору возникла для ганзейских городов в 1508 г., когда шведский резидент Эрих Турессон вел переговоры с Василием III о предоставлении шведам двора в Новгороде. Великий князь был готов уступить им Немецкий двор, о чем Турессон сообщал в Швецию¹⁹⁶. Однако изменение политической обстановки и ухудшение русско-шведских отношений помешали осуществлению этих намерений. 20 августа 1508 г. в Новгороде произошел большой пожар, во время которого сгорела вся Торговая сторона: «... и николиже в Великом Новеграде таковой пожар не бывал, ни в прежних летах, но велми страшен, ни в летописцах такового пожару не обретохом толь злаго». Пожар длился больше суток, «нача горети в неделю в 1 час дни, и преста горети в понедельник в 7 часу дни»¹⁹⁷. В огне пожара сгорели тысячи людей и, как сообщал орденский магистр в своем донесении, «половина Новгорода с немецким двором сгорела»¹⁹⁸. Несомненно, что после такого опустошающего пожара от Немецкого и Готского дворов сохранились лишь жалкие остатки.

Несмотря на фактическое уничтожение дворов в Новгороде восстановление конторы вновь обсуждалось на ганзейских съездах в 1509 г. Ливонские города обсуждали возможность посольства в Москву к великому князю для переговоров относительно возобновления новгородской конторы¹⁹⁹.

Организованному в 1510 г. посольству в Москву под руководством Иоганна Роде были даны соответствующие инструкции, по которым в связи с возобновлением торговли и восстановлением

¹⁹³ Ibid. m, № 1012.

¹⁹⁴ HR, III, 5, № 105, § 117, 118—124; съезд в Пернау в феврале 1507 г. — HR, III, 5, № 155, § 12, 13; съезд в Любеке в мае—июне 1507 г. — HR, III, 5, № 243, § 74, 77, 100, 113, 114, 148; съезд в Вольмаре в июле 1508 г. — HR, III, 5, № 300, § 1, 17; съезд в Любеке в феврале 1509 г. — HR, III, 5, № 402, § 5; и т. д.

¹⁹⁵ LUB, II, 3, № 184.

¹⁹⁶ Ibid., № 307.

¹⁹⁷ Новгородские летописи. Спб., 1879, с. 64—65.

¹⁹⁸ LUB, II, 3, № 467.

¹⁹⁹ HR, III, 5, N 465

новгородской конторы предъявлялось требование, чтобы немцы в Новгороде имели свой двор и церковь по старому обычаю. Особо оговаривалось право дворового приказчика держать питейное заведение (корчму)²⁰⁰. Переговоры между ганзейским посольством и великим князем Василием III состоялись в Новгороде в феврале 1510 г., но закончились безрезультатно, так как ни одна сторона не хотела поступиться собственными интересами.

Между тем восстановление новгородской конторы по-прежнему оставалось предметом разговоров на съездах городов в 1511 и 1512 гг.

Наконец, в 1514 г. был заключен договор, завершивший вынужденный 20-летний перерыв в новгородско-ганзейской торговле. Условия мира подробно изложены в уже не раз упоминавшейся монографии Н. А. Казаковой, поэтому остановимся здесь лишь на устройстве немецких дворов. Во введении к договору, в котором излагались просьбы послов, указывалось: «церковь бы, и места дворовые старые немецкие... в Великом Новгороде пожаловал велел нам отдати, и дворы бы пожаловал велел поставити и держати по старине»²⁰¹. Великий князь согласился с этим, но с условием, чтобы русские церкви и концы в немецких (ливонских) городах очистили и отдали русским купцам.

Этап VII (XVI в.) Сразу после заключения в 1514 г. мирного договора была предпринята подготовка новой, шестой, редакции скры. Данный устав, состоящий из 82 статей и 18 дополнений к ним, существенным образом повторял постановления IV и V редакций, сохранив в некоторых случаях даже порядок статей.

В начале VI скры дается историческое введение, рассказывающее об аресте немецких купцов в Новгороде в 1494 г., о закрытии конторы и описании ее имущества. Новая редакция была составлена более продуманно и четко, чем предыдущие две скры. В первых девяти статьях здесь идет речь о выборе должностных лиц во дворе, об их правах и обязанностях, о порядке чтения скры и т. д., одним словом, обсуждаются вопросы организации двора и его административного устройства. Только после этого идут постановления о правилах торговли, о церковном праве.

Хотя в основе VI скры лежат предыдущие постановления, анализ ее текста показывает, что составители новой редакции учитывали изменения, происшедшие к XVI в. как в балтийской торговле в целом, так и в отношениях с Русским государством.

Главное отличие VI скры от двух предшествующих состоит в постановлениях о выборе и обязанностях дворовых служащих. В связи с ослаблением позиций Ганзы в это время, усилением роли ливонских городов, увеличением поездок русских купцов в Ливонию, несмотря на возобновление деятельности новгородской конторы, ее посещало мало купцов. Она потеряла прежнее

²⁰⁰ HR, III, 5, N 542, § 5, 7, 14.

²⁰¹ Цит. по: Казакова Н. А. Указ. соч., с. 320.

значение центра в торговле с русскими. Поэтому, согласно VI скре, для ведения всех дворовых дел выбиралось 2 управляющих (один — для Немецкого двора, другой — для Готского) при наличии 10 человек в обоих дворах (ст. 2) (должность управляющего появилась еще в XV в., когда он заменял старосту двора в его отсутствие). Старосты выбирались только в том случае, если во дворе находилось не менее 30—40 купцов. При этом право активного выбора имели 12 человек, по три представителя от четырех частей Ганзы: вендской, саксонской, вестфальской, ливонской (ст. 3). В этот период разницы между старостами двора и старостами св. Петра практически не было. Старосты давали клятву сохранять права купцов и судить согласно постановлениям, записанным в этой скре (ст. 5). Они выбирали себе двух помощников и писца (ст. 4) (последняя должность впервые упоминается в скре). За отказ от упомянутых должностей в первые два раза налагался штраф в 10 марок серебра; отказавшийся в третий раз должен был заплатить 50 марок серебра и лишался права члена двора.

В одной из статей скры впервые упоминается должность приказчика, который должен был дать клятву перед двором св. Петра и городом, назначившим его на должность, в том, что он будет сохранять права купцов согласно скре (ст. 6).

Известные по V скре группы «бело- и черноголовых» купцов упоминаются и в VI скре, определившей их права (ст. 19, 20). Из среды «черноголовых» выбирались фогт, его помощники и смотрители за огнем, отоплением, жильем и т. д.

Что касается священника, то о его назначении или выборе в статьях скры ничего не говорится, но зато специально оговариваются размер платы и содержание священника во дворе. За службу во дворе ему полагалось ежегодно 10 новгородских гривен серебра и бесплатное питание (ст. 59). Напомним, что во второй половине XV в. между городами шла бурная переписка о размере жалования священника.

Все судебные дела во дворе решались старостами, а в их отсутствие — управляющим и приказчиком. Согласно VI скре рассмотрение спорных дел с обращением в более высокие инстанции (что прежде было предметом ожесточенных споров между Любеком и Висбю), должны были решаться на месте. Однако без одобрения Любека никто не мог вносить изменения в данную скру (ст. 82). Это свидетельствует о сохранении им роли главы Ганзейского союза.

Что касается взаимоотношений с русскими, то если раньше Ганза практически не шла на уступки новгородцам, что часто было причиной конфликтов, теперь в скру был включен ряд статей, обеспечивавших интересы русских купцов в торговле с ганзейцами. Точнее, это были постановления, призванные предотвратить возможные конфликты. Например, в ст. 60 говорилось, что виновные в торговле недоброкачественными сукнами и старосты двора должны извиниться перед русскими, а сукна сле-

довало отправить в Ревель или Дерпт для осмотра. Ст. 73 предусматривала наказание в 10 марок серебра за оскорбления или нанесение телесных повреждений русскому.

По сравнению с другими редакциями в VI скре появились постановления о таких видах товаров, как соль, сельдь, мед. Примечательно, что в статье о торговле солью также учитывались интересы русских, в частности, было сказано, чтобы в случае обнаружения какого-нибудь дефекта решать дело по воле русских, лишь бы не было по этому поводу жалоб (ст. 75).

Добавленные к VI скре 18 статей были составлены послами ливонских городов, очевидно, в Дерпте, поскольку именно оттуда скра была послана в Ревель для дальнейшей отправки ее на утверждение в Любек.

На состоявшемся в июле 1514 г. съезде ливонских городов было решено повысить стоимость ввозимых в Новгород товаров с 1000 до 1500 марок с тем, чтобы иметь возможность получать больший налог, необходимый для восстановления конторы²⁰². Дерпт, который всегда больше других городов занимался делами конторы, в письме Ревелю утверждал свое право назначать во двор приказчика и священника и просил денег для строительства дворов, поскольку в то время налог собирать было еще не с кого. В свою очередь, Ревель, отправляя в Любек новую скру для проверки и утверждения, интересовался у главы союза, где брать деньги для указанной цели²⁰³.

В начале 1515 г. в новгородской конторе уже находилось несколько немецких купцов и приказчик Гартвиг Маршеде сообщал в Ревель о выполнении данных ему поручений по ее устройству. Тогда же немецкие купцы, прибывшие в Новгород, информировали Ревель о том, что теперь со своими жалобами следует обращаться не к посаднику в Новгород, а к великому князю в Москву²⁰⁴.

В каждом письме купцы писали о плохом состоянии церкви, особенно ее свода, и просили прислать камни для ремонта. Этот вопрос постоянно обсуждался в переписке Ревеля и Дерпта в 1515 г. В результате было решено послать камни по Неве, так как в самом Новгороде немцы не могли получить необходимый материал²⁰⁵.

Неизвестно, осуществлена ли была пересылка строительного материала для немецкой церкви в Новгороде. Во всяком случае вопрос о восстановлении конторы стоял на повестке дня еще в 1517 г. А в 1521 г. немецкие купцы подробно описывали состояние церкви, которая «плохо крыта и во многих местах протекает,

²⁰² HR, III, 6, № 586.

²⁰³ Ibid., № 553.

²⁰⁴ Ibid., № 601.

²⁰⁵ Ibid., № 603, прим. 2.

стены и своды расходятся и все стоит на подпорках»²⁰⁶. Вероятно, капитальный ремонт церкви, который требовался после 20-летнего перерыва, так и не был произведен. Хотя города и настаивали на возвращении им конторы и восстановлении прежних свобод, по существу они не были в этом заинтересованы. Для них это было делом престижа.

Поскольку Ревель обеспечивал финансовую деятельность конторы, весной 1516 г. он жаловался в Любек, что истратил много средств на новгородские дела, в частности на посольство для заключения мира, поэтому просит возместить ему расходы и упрекает в неблагодарности за свои действия в русских делах²⁰⁷. Однако старосты любекской общины купцов, совершавших поездки в Новгород, протестовали против претензий Ревеля, заявляя, что часть пошлины Ревелю уже уплачена, а остальное они не должны платить. Все финансовые вопросы, связанные с новгородскими делами, обсуждались на съездах в Любеке в октябре 1516 г. и в июне—июле 1517 г.²⁰⁸ На последнем съезде было получено сообщение, что ганзейские купцы и их дети снова могут приезжать в Новгород по воде или по суше и иметь там свой двор и церковь.

В 1516 г. возникла опасность потери Готского двора, на который претендовали датчане. Об этом стало известно из письма Дерпта, лучше всех осведомленного о делах в Новгороде, который сообщал, что некий датчанин Давид стремится получить в Новгороде место для Датского двора, имея в виду место Готского двора²⁰⁹. Но попытка датчан не увенчалась успехом.

В 1518 г. постройка новгородской конторы продвинулась настолько, что в ней можно было разместить по крайней мере 40 человек, как писал в своем письме приказчик двора Гартвиг Маршеде²¹⁰. Немецкие купцы просили прислать священника и заменить нового приказчика двора, сменившего Гартвига Маршеде, на более дельного и полезного человека, так как он занимался торговлей, что было запрещено скрой²¹¹.

В это время заметно усилилась неприязнь к немецким купцам со стороны русских. По сообщениям купцов, русские постоянно приходят во двор, докучают его жителям и донимают приказчика, а собак колотят так, что они падают как мертвые. В таком виде поселение больше не может существовать, если ничего не изменится²¹². В тот же год новгородская контора была официально передана под контроль Дерпту, обязанному следить за порядком в ней, за соблюдением прав немецких купцов в Новгороде²¹³.

²⁰⁶ Цит. по: Гильдебрандт Г. Х. Отчет о разысканиях, произведенных в иржских и ревельских архивах по части русской истории. Спб., 1877, № 527.

²⁰⁷ HR, III, 6, № 703.

²⁰⁸ Ibid., № 709, § 14, 16; HR, III, 7, № 44, § 6, 8—11.

²⁰⁹ HR, III, 6, № 705, 727.

²¹⁰ См.: Гильдебрандт Г. Х. Указ. соч., № 515.

²¹¹ HR, III, 7, № 184.

²¹² См.: Гильдебрандт Г. Х. Указ. соч., № 527.

²¹³ HR, III, 7, № 734.

В последующее десятилетие состояние новгородской конторы почти не нашло отражения в источниках. Из писем начала 30-х годов узнаем, что положение купцов в Новгороде мало изменилось к лучшему. Дерпт, который нес все расходы, связанные с конторой, в конце концов заявил, что не намерен больше тратить деньги на контору и не отвечает за ее упадок²¹⁴.

В эти годы для ганзейских городов становилась реальной угрозой потерять контору в Новгороде, о чем прямо заявил Дерпт на съезде в Феллине. Тогда было принято решение обсудить этот вопрос на следующем общеганзейском съезде²¹⁵. Состоявшийся через год съезд ливонских городов не внес ничего нового в данную проблему, остававшуюся нерешенной и в 1537 г. Предложение Дерпта закрыть контору вызвало протест со стороны Ревеля.

В 1541 г., как сообщают немецкие источники, двор был сожжен русскими. На самом деле в 1541 г. снова был большой пожар на Торговой стороне Новгорода, в котором Славно, где находились немецкие дворы, сгорело до Белого костра «и товару бесчисленно много сгорело и торги все погорели и мосту великого треть сгорела»²¹⁶.

Несомненно, новгородская контора все больше приходила в запустение. Дерпт неоднократно высказывался за окончательное закрытие конторы и постоянно писал об этом в Любек, остававшийся главой Ганзы. Дело кончилось тем, что в октябре 1544 г. все обитатели двора вместе с четвероногими стражами покинули двор²¹⁷. Между тем в 1548 г. Иван IV велел немцам торговать безбоязненно на Руси и устраивать свои дворы в Новгороде по старине²¹⁸. Существование новгородской конторы обсуждалось на ганзейском съезде в 1554 г., где вспоминали привилегии князя Ярослава, т. е. договор 1269 г. В ответ на постановление съезда о возобновлении конторы Рига от имени всех ливонских городов ответила согласием. Очевидно, Ганза, утратившая к этому времени свое бывшее величие и силу в европейской торговле, удерживала в своих руках новгородскую контору как последнее напоминание о прежнем могуществе.

Во второй половине XVI в. контора влачила жалкое существование. Сохранилось ее описание, сделанное рижским бургомистром Ниенштадтом, посетившим контору в дни своей молодости в 1570 г. Тогда на старом разрушенном дворе конторы еще частично сохранились каменная церковь св. Петра и небольшое сводчатое помещение, вероятно, погреб, где Ниенштадт разместил напитки. Еще одну деревянную постройку он вместе с сопровождающими его помощниками использовал как склад. Другая по-

²¹⁴ См.: Гильдебрандт Г. Х. Указ. соч., № 596, 629.

²¹⁵ HR. IV. 1. N 194.

²¹⁶ Новгородские летописи, с. 327.

²¹⁷ См.: Гильдебрандт Г. Х. Указ. соч., № 629.

²¹⁸ РИБ, т. 15, с. 109.

добная постройка предназначалась для русского сторожа, который открывал и закрывал двор. Больше ничего во дворе обнаружить было невозможно²¹⁹. Писцовая книга по Новгороду, составленная в конце XVI в., упоминает в перечне дворов на Торговой стороне вблизи церкви Иоанна Крестителя на Пробойной и Славенской улицах «место нетяглое, что был двор немецкой ливонские земли»²²⁰.

Заканчивая рассказ об этом этапе в истории ганзейской конторы в Новгороде, необходимо отметить, что в XVI в. положение Ганзейского союза существенно изменилось. Уже с XV в. Ганза постепенно теряет значение главного посредника в балтийской торговле. В это время особенно усиливается конкуренция со стороны Нидерландов. Кроме того, государства балтийского региона вели в XVI в. ожесточенную борьбу за господство на Балтийском море и за овладение его гаванями. Больше всех преуспела в этой борьбе Дания, давний соперник и противник Ганзы.

В рассматриваемый период резко обострились ранее наметившиеся противоречия в интересах разных групп городов, входивших в Ганзейский союз. Необходимо отметить, что Ганза никогда не была единой. На разных этапах ее существования региональные группы городов (вендских, нижнесаксонских, вестфальских, прусских, ливонских), подчиненные разным сеньорам и имевшие различный уровень развития, то объединялись в общей борьбе против политических противников, то вступали в конкурентную борьбу друг с другом. В XVI в. Любек делал отчаянные попытки упрочить позиции Ганзы, проводя мероприятия по стабилизации ганзейских контор и новому разделению городов. Однако в собиравшихся в это время ганзейских съездах очень часто принимали участие главным образом вендские города. Формально Любек оставался главой Ганзы, но фактически деятельность этого некогда крупного и мощного объединения была сведена к нулю. Во второй половине XVI в. происходит окончательный упадок Ганзы. Однако Любек по-прежнему стремился сохранить свои торговые привилегии за границей; это нашло отражение в его взаимоотношениях с Русским государством в XVII в.

Этап VIII (XVII в.) После окончания в 1583 г. русско-ливонской войны Любек предпринял попытку возобновить торговые отношения с Россией и устроить в русских городах, в том числе и в Новгороде, свои торговые дворы по старому обычаю.

В 1593 г. в Москву отправилось посольство Любека под предводительством Захария Майера с целью возобновления торговых связей, получения немецкими купцами права свободной торговли и устройства собственных дворов. Посольство получило от царя Федора жалованную грамоту на торговлю в России²²¹. Однако

²¹⁹ Johansen P. Nowgorod und die Hanse., s. 142.

²²⁰ См.: Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911, с. 244.

²²¹ См.: Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI—XVII столетиях. СПб., 1862, с. 36.

любчане не успели воспользоваться этими привилегиями, так как в 1596 г. царь Федор умер.

С воцелением на престол Бориса Годунова Любек от имени всех немецких городов организует посольство в Россию с прежними просьбами: торговать беспошлинно по всей Русской земле и ставить дворы в Москве, Новгороде, Пскове и Ивангороде с церквями и прочими необходимыми строениями. Посольство прибыло в Москву весной 1603 г., и уже в апреле того же года послы получили жалованную грамоту с разрешением вести беспошлинную торговлю в России и устраивать дворы в указанных городах²²². Однако разрешение было дано только любекским купцам, кроме того, в отличие от прежних лет, запрещалось строительство католических церквей на дворах.

По дороге домой послы останавливались в названных городах с намерением получить в них места для устройства гостиных дворов. Однако новгородский воевода, не получивший царского указа, не дал место для любекского двора. Тогда послы оставили здесь для устройства дальнейших дел одного из участников посольства Томаса Фризе, который и стал первым старостой вновь открытого на месте прежнего Немецкого двора торгового двора любчан²²³. Судя по некоторым сведениям, уже в следующем, 1604 г., ганзейские товары прибыли в Новгород.

Возобновление торговых отношений между Россией и Любеком, номинально остававшимся главой Ганзейского союза, но давно утратившим свою силу и власть, требовало и создания новой редакции скры. В 1603 г. была составлена VII, последняя, редакция скры, предназначенная не только для новгородского двора, но и для «любекских» дворов в Пскове и Ивангороде. Новая скра создавалась только для любекских купцов, и всеми делами новгородского двора руководил теперь Любек. Он утверждал и назначал старост двора, вносил необходимые поправки в его устав, вершил суд в особо тяжелых преступлениях (убийство, грабеж), сомнительных случаях, а также в гражданских делах.

В отличие от предыдущих редакций VII скра написана на верхненемецком языке с включением отдельных слов и терминов на нижненемецком. Эта скра состоит из трех частей, выделенных в самом документе римскими цифрами и имеющих собственную нумерацию статей: первый раздел состоит из 30 статей, второй — из 33, третий — из 36²²⁴.

В первом разделе речь идет о выборе старост дворов, их правах и обязанностях. Здесь же имеются статьи уголовно-правового содержания, определяющие меру наказания за различные преступления и провинности, в том числе и за оскорбление старост и других должностных лиц. Некоторые из этих статей заимствованы не только из ближайших по времени седьмой редакции V и

²²² Полное собрание законов Российской империи, т. I. Спб., 1830, с. 259.

²²³ Angermann N. Der lübecker Hof in Nowgorod. — In: Zeitschrift des Vereins für lübeckische Geschichte und Altertumskunde, 1974, Bd. 54.

²²⁴ Перевод статей VII редакции скры осуществлен автором этой книги.

VI скры, но и из II и III редакций древнейшей скры (ст. 11, 12, 14, 16, 17, 21, 25, 26).

В этом же разделе определялся порядок богослужения во дворе. Поскольку строительство церкви здесь не было разрешено и священника иметь не полагалось, богослужение проводилось в одном из помещений самим старостой, писцом или другим лицом, назначенным старостой. Согласно ст. 8 необходимые для богослужения книги, за сохранностью которых должен был следить староста, приобретались за счет купцов. Кальвинистские книги были строжайше запрещены, и богослужение следовало вести только по лютеранским книгам. Интересен и порядок богослужения, зафиксированный в ст. 9. По четвергам было предписано читать по одной главе из Ветхого и Нового завета и петь литанию; в каждое воскресенье и во все церковные праздники должны были читаться две главы из Ветхого и одна глава из Нового завета, кроме того, следовало обязательное исполнение молитвы и церковного пения до и после чтения. Во время богослужения двор должен был быть заперт и недоступен для всех посторонних, а из живущих во дворе никто не имел права уклоняться от богослужения.

Заканчивался первый раздел клятвой старосты, его помощников, которые обязывались «прилежно и верно служить купечеству, охранять скру и порядок, данные купцам, судить справедливо без благосклонности, ненависти, зависти или какого-нибудь интереса, сохранять ценности конторы и уметь хранить тайну». Клятвы старост впервые появились в V скре и были повторены затем в VI редакции.

Второй раздел регламентировал быт купцов, посещающих торговую факторию, и весь внешний порядок во дворе. Здесь определялись обязанности купцов, регулировались отношения между старшими купцами и их помощниками. Как и в предыдущем разделе, многие статьи второй части заимствованы из прежних редакций скры, например запрещение азартных игр, устройство на постой в русских дворах, получение льготных грамот от своих сеньоров и т. д. В отличие от предыдущих редакций VII скра предписывала определенные правила поведения за столом и даже устанавливала «форму» приличной одежды, соответствующую каждому сословию. За нарушение этого правила налагался штраф в 5 марок (разд. II, ст. 11). Деление на сословия еще заметнее в ст. 13 «Как сидеть за столом». Отметим, что VII скра устанавливала определенное время принятия пищи для всех постояльцев двора. Только те, у кого были уважительные причины (недомогание, болезнь), могли не являться к столу. Все остальные платили штраф в полмарки за неявку к еде в узаконенное время (II, 10). Для трапезы было устроено три стола, за первым из которых имели право сидеть старосты, их помощники, писец, а также наиболее уважаемые и достойные купцы. За вторым столом должны были сидеть все прочие купцы и подмастерья, за третьим — слуги и ученики купцов.

Второй раздел заканчивался клятвой купцов, обязывающихся соблюдать все постановления скры во всех ее пунктах, своевременно уплачивать налог и принимать любые наказания за нарушения постановлений скры. Особенно важно отметить, что купцы обязывались не привозить никакого другого товара, кроме принадлежавшего Любеку. Это положение, несомненно, говорит о том, что скра предназначалась только для жителей Любека.

Наконец, в третьем разделе скры определялись порядок торговли, правила покупки и продажи товаров, постановления о качестве ввозимых и вывозимых товаров. Наряду с ранее известными в XVII в. получили распространение новые виды товаров: сало, юфть, телячья и баранья кожи, металлические сосуды, торговля которыми специально оговаривалась в статьях скры. Много было статей в VII скре о правилах торговли различными тканями, остававшимися одним из главных предметов импорта в Новгород. В третий раздел была включена статья, по которой за обрезку и подделку талеров и других монет применялись высокий штраф и смертная казнь.

В конце третьего раздела содержались статьи о порядке разгрузки товаров с лодок и об обязанностях старост в этом деле. Здесь же предусматривалась возможность дополнения скры новыми постановлениями, если в этом возникнет необходимость.

Как и предыдущие редакции, VII скра была подробной, составленной с учетом всех возможных ситуаций и конфликтов, тщательно обдуманной, однако вряд ли она имела практическое применение, поскольку торговля в это время велась вяло и в новгородском дворе обычно находилось не более пяти-шести, а иногда и двух-трех купцов.

По данным Любекского архива, сообщенным Н. Ангерманом²²⁵, и некоторым другим сведениям история торговой конторы любчан в XVII в. прослеживается достаточно полно. После смерти Бориса Годунова староста двора Томас Фризе по собственной инициативе ходатайствовал перед новым царем Лжедмитрием I о подтверждении прежних привилегий немецким купцам²²⁶. В этом документе сохранилось наименование «Ганзейский союз», от лица которого Любек предлагал отправить посольство к новому царю.

Во время польско-шведской интервенции 1611—1617 гг., когда Новгород был занят шведскими войсками, Любекский двор прекратил свое существование и, как сообщает Ангерманн, возможно, был разрушен. Из Разрядной книги 1617 г. узнаем, что после заключения Столбовского мира в Новгород были отправлены царские послы с наказом, по которому царь разрешал заморским и

²²⁵ Angermann N. Op. cit.

²²⁶ См.: Арсеньев С. В. Дмитрий Самозванец и Ганзейский союз по документам Бременского архива. — Сборник Новгородского общества любителей древности, вып. III. Новгород, 1910.

русским купцам свободно торговать в Новгороде всеми товарами, кроме тех, которые были запрещены и прежде. Таможенную пошлину следовало брать по прежним уставным грамотам. В этом же наказе предлагалось сделать немцам «гостин двор на Торговой стороне по посольскому договору, а занять место не великое острогом, как будет пригоже»²²⁷.

Как следует из архивных материалов Любека, в 1618 г. было начато восстановление двора. Однако в 1633 г. на Торговой стороне случился большой пожар: «... и горело с Ыльины улицы Креститель церковь и немецкие дворы и гостин двор и ряды и лавки по мост Великий»²²⁸. Под немецкими дворами имелись в виду Любский и устроенный к тому времени в Новгороде Шведский дворы. Вскоре в Любском дворе начались строительные работы, а в 1636 и 1652 гг. любекские купцы получили новые привилегии в торговле. Из писем купцов 1663 г. известно, что двор в это время опять сгорел, но вскоре был восстановлен²²⁹. В связи с частыми пожарами немецкие купцы обратились к новгородским властям с требованием, чтобы поставленные вплотную к их двору новгородские лавки и другие строения были снесены²³⁰.

Организация и устройство Любского двора в Новгороде в XVII в. существенно отличались от принципов существования там ганзейской конторы в прежние века, что внешне выразилось в ограничении круга купцов, посещавших Новгород, только гражданами Любека и в неограниченном сроке пребывания их во дворе. Суть изменения состояла в том, что в XVII в. Любский двор был обычным постоянным двором, где немецкие купцы жили и хранили свои товары, в то время как двор св. Петра во все века своего существования являлся центром новгородско-ганзейской торговли, обладавшим особыми полномочиями.

Перемещение торговых путей и открытие в XVII в. новых торговых центров сократили до минимума число немецких купцов в Новгороде. Сохранились сведения, что в 30-е годы там находилось не более 5—6 человек из Любека. Известно, что в 40-е годы XVII столетия дворами любчан в Новгороде и Пскове управлял один староста²³¹, что свидетельствует о незначительном объеме торговли в это время. Вместе с тем после бушевавшего в Новгороде в 1696 г. пожара, в результате которого Любский двор сгорел²³², любский купец Якоб Мейер получил задание заняться восстановлением двора²³³. Однако начавшаяся вскоре

²²⁷ Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских, кн. 3. М., 1849, с. 76—77.

²²⁸ Цит. по: Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII в. В кн.: Русское летописание. М., 1979, с. 278.

²²⁹ Angermann N. Op. cit., S. 83.

²³⁰ Ibidem.

²³¹ Ibid., S. 86.

²³² Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссией. Спб., 1872, т. 12, № 82.

²³³ Angermann N. Op. cit., S. 84.

Северная война помешала осуществлению этих планов и навсегда прекратила международную торговлю Новгорода²³⁴.

ИСТОРИЯ АРЕНДЫ ГОТСКОГО ДВОРА

В исторической литературе, посвященной иноземным дворам, расположенным в Новгороде, практически нет работ, рассматривающих историю Готского двора. Везде речь идет о дворе св. Петра, т. е. о ганзейской конторе в целом. Между тем сохранившиеся документы о существовании Готского двора в Новгороде содержат немало интересных подробностей и конкретных фактов.

Прежде всего необходимо отметить, что несмотря на образование единой ганзейской купеческой общины, под управлением которой в Новгороде находились оба иноземных двора, Готский двор всегда оставался собственностью Готланда и только сдавался в аренду немецкому купечеству.

Первый дошедший до нас арендный договор относится к 1402 г., однако есть сведения, доказывающие, что немецкие купцы арендовали Готский двор еще в XIV в. В отношении XIII в. говорить об этом трудно, поскольку, как уже не раз подчеркивалось, ранняя история иноземных дворов в Новгороде, и в частности Готского, по существу, не документирована.

Косвенные сведения об использовании Готского двора немецкими купцами можно извлечь из донесения Немецкого двора в Новгороде, посланного в ноябре 1331 г. в рижский магистрат, где рассказывается о ссоре, происшедшей между русскими и немцами, в результате которой был убит один русский²³⁵. Для нас в данном случае важно начало документа: «Когда немцы с Готского двора должны были отправить своих людей для варки пива во двор св. Петра...» Следовательно, уже в 1331 г. немецкие купцы кроме двора св. Петра, т. е. собственно Немецкого двора, занимали и Готский двор, хотя неизвестно, на каких условиях. Из постановлений IV скры о плате за жилье на Готском дворе (ст. 76) и запрещении продавать там пиво (ст. 114, 1351 г.) совершенно очевидно, что уже в середине XIV в. немцы занимали Готский двор. Кроме того, арендный договор, заключенный в 1402 г. между Ревелем и Готландом, не был первым, о чем свидетельствуют материалы ливонского съезда, состоявшегося в феврале 1402 г. Среди них имеется ответ немецких купцов, находившихся в

²³⁴ Между тем память о Немецком любском дворе в Новгороде сохранялась еще в XVIII в. В экспликации к плану части Торговой стороны Новгорода, составленному в 1732 г., участок, занятый некогда этим двором, назван: «место ее императорского величества называемого любского двора». — ЦГАДА, ф. 248, кн. 1068, л. 330 об.

²³⁵ Памятники истории Великого Новгорода. Под ред. С. В. Бахрушина. Спб., 1909, с. 76—80.

Новгороде, властям Готланда, в котором идет речь о задолженности по арендной плате за Готский двор и содержится просьба оставить все по-старому: «Уважаемые господа и благосклонные дорогие друзья! Да будет ведомо Вашему степенству, что мы смысл посланного Вами нам письма²³⁶, касающегося Готского двора в Новгороде и задолженной арендной платы, внимательно прочитали и правильно поняли. Дословную копию этого письма мы послали ливонским городам, а упомянутые ливонские города далее написали любекским властям и надеются в скором времени сообщить нам удовлетворительный ответ, который мы Вашему степенству охотно отпишем при первой возможности. Поэтому, уважаемые дорогие господа, мы очень просим Вас, чтобы Вы дело, о котором Вы нам писали, оставили таким, как оно есть сейчас, пока мы не получим ответ от городов, который мы надеемся получить вскоре»²³⁷.

После устройства в Новгороде Немецкого двора с церковью св. Петра, инициаторами чего были купцы немецкой общины из Висбю, оба двора, Готский и Немецкий, находились в ведении этой общины. Позднее власти Готланда, вспомнив, что Готский двор принадлежит ему, стали требовать с немецких купцов плату за использование ими построек двора. Судя по приведенному письму, до 1402 г. существовало соглашение об арендной плате, которую немецкие купцы отправляли на Готланд. К сожалению, неизвестно письмо, в котором Готланд, вероятно, интересовался, будут ли немецкие купцы в дальнейшем арендовать Готский двор в Новгороде, и, возможно, предлагал заключить новый договор об аренде. Однако ни немецкие купцы, ни власти двора св. Петра не вправе были решить этот вопрос самостоятельно и переправили письмо готландцев ливонским городам, которые, в свою очередь, обратились за решением в Любек, условившись ожидать ответа от Любека до пасхи, после чего самим принять необходимые постановления по поводу Готского двора, чтобы устроить это дело «наилучшим и наивыгоднейшим образом»²³⁸.

Уже в марте 1402 г. Любек сообщил в Ревель, что он написал о своем решении относительно Готского двора на Готланд и просил обязать купцов из Новгорода послать уполномоченных на Готланд для переговоров о сохранении двора за немецким купечеством²³⁹.

Ревель решил не усложнять дело и отправил на Готланд своего уполномоченного Хинце Штольте, заключившего 24 июня 1402 г. договор с Готландом об аренде Готского двора в Новгороде на 10 лет²⁴⁰. От имени Готланда договор подписал пробст Якоб фон Валле, который в дополнительном документе²⁴¹ в качестве упол-

²³⁶ Не сохранилось.

²³⁷ HR, I, 5, N 70.

²³⁸ HR, I, 5, № 69, § 27.

²³⁹ HUB, V, № 522.

²⁴⁰ Ibid., № 540.

²⁴¹ Ibid., № 541.

номоченного Готланда утвердил договор. Приводим его текст полностью: «Всем, кто это письмо видит, слышит или читает: я, Хинце Штольте, гражданин Ревеля, посланный на Готланд от имени Ревеля, всех городов и всех немецких купцов вести переговоры о Готском дворе в Новгороде: во-первых, о просроченной ренте предшествующих лет за то время, когда купцы пользовались двором. По этому вопросу я договорился с господином Якобом дер Валле, пробстом Висби, которого земля Готланда уполномочила вести все дела, касающиеся вышеописанного двора в Новгороде, а именно о просроченной ренте. Ренту я заплатил, так чтобы в будущие времена не поступало новых напоминаний по этому делу.

Далее, я говорил с господином Якобом о Готском дворе по поводу использования его купеческой общиной. Мы договорились, что купцы должны в дальнейшем пользоваться вышеупомянутым двором 10 лет, за что каждый год должны платить 5 марок серебра готской валюты, т. е. 32 эра за марку серебра.

Далее, когда упомянутые 10 лет пройдут, то вышеназванный Готский двор должен оставаться в пользовании ганзейского купечества, но только при условии достойной оплаты, о которой обе стороны должны прийти к соглашению.

Далее, строения двора принадлежат св. Петру и купечеству, которые в дальнейшем должны следить за этими зданиями и поддерживать их в хорошем состоянии за счет купцов.

Далее, когда кончатся вышеупомянутые 10 лет и готы захотят сами владеть двором, то готы должны для осуществления перехода двора к ним взять для этого 2 немцев и 2 русских и купечество также должно взять 2 немцев и 2 русских, которые должны оценить здания вышеназванного двора. Как эти 8 человек оценят здания, столько готы должны будут уплатить немецкому купечеству.

Если же случится, что в течение вышеназванных 10 лет некоторые готские купцы придут в Новгород и привезут с собой грамоту с печатью страны, подтверждающую их принадлежность к Готланду, то они должны иметь на Готском дворе свободный постой.

При этом соглашении присутствовали уважаемые люди, как господин начальник госпиталя Висби Корд фон дем Берге и господин бургомистр Висби Крайерскот. Для большего подтверждения этого вышеописанного дела, я, Хинце Штольте, попросил почтенных господ Корда фон дем Берга и Иоганна Крайерскота, чтобы они привесли к этой грамоте свои печати вместе с моей. Грамота выдана и написана в 1402 г. от Р. Х. в день святого Иоанна в середине лета 24 июня».

Этим договором официально было подтверждено право немецких купцов пользоваться Готским двором в Новгороде. Воспользовались ли готландские купцы данными им привилегиями по этому договору, неизвестно.

Впоследствии договор регулярно возобновлялся. Срок первого арендного соглашения истек в 1412 г., однако лишь в 1414 г. готландская община вспоминает о нем и посылает для сбора ренты

и заключения нового договора своего уполномоченного Олафа Томассона в Ревель, который получает там 40 рижских марок за аренду Готского двора в течение истекших 12 лет и заключает новое соглашение на 10 лет на прежних условиях²⁴². В частности, арендная плата сохранялась в размере 5 готских марок за каждый год. Вообще арендная плата была чисто символической, так как согласно скре многие проступки купцов штрафовались в 10 и даже иногда в 50 марок серебра.

Поскольку арендный договор был заключен и продлен Ревелем, в дальнейшем все переговоры с Готландом об аренде Готского двора велись этим городом.

Через 10 лет мы вновь встречаемся с Олафом Томассоном, которого Готланд отправил с инспекционной поездкой в Ревель и в Новгород и уполномочил получить задержанную арендную плату, о чем Висби уведомил Ревель в специальном письме²⁴³. В мае 1424 г. Олаф Томассон, получив от Ревеля задолженность за 10 лет, заключает с ним как представителем немецких купцов новый арендный договор на 20 лет²⁴⁴. Условия аренды оставались прежними, за исключением того, что на этот раз рента исчислялась не в готских марках, что было неудобно Ревелю, не привыкшему иметь дело с готской денежной системой, а в рейнских гульденах, имевших широкое хождение в то время в Европе. Размер ежегодной платы оставался прежним, т. е. составлял 5 рейнских гульденов, однако в отличие от предыдущих договоров данное соглашение специально оговаривало, что арендную плату следовало выплачивать каждые 5 лет по 25 рейнских гульденов тем людям, которых уполномочит «готская земля».

Хотя в дальнейшем арендный договор не возобновлялся, во всяком случае среди ганзейских документов сведений об этом не сохранилось, Готский двор постоянно использовался немецкими купцами на условиях арендной платы на протяжении всего времени существования ганзейской конторы в Новгороде.

Готланд строго следил за своевременной уплатой аренды. Однако условие последнего договора (о выплате арендной платы каждые пять лет) не выполнялось немецкими купцами и Готланду постоянно приходилось напоминать об этом Ревелю. Около 1435 г. Висби уведомил Ревель, что он уполномочил своего представителя Тидеке фон Бодекена получить 74 рижские марки за Готский двор.

Срок возобновленного в 1424 г. арендного договора истекал летом 1444 г. За прошедшие 20 лет Ревель неоднократно требовал, чтобы немецкие купцы, живущие в Новгороде, сами отправляли арендную плату на Готланд. Однако, судя по документам, они этого не делали, не было также и в скре специального постановления, обязывавшего купцов отсылать арендную плату за Готский двор

²⁴² Ibid., № 1133; LUB, V, № 1975.

²⁴³ HUB, VI, N 547; LUB, VII, № 117, 118.

²⁴⁴ HUB, VI, N 550; LUB, VII, № 130.

на Готланд. В связи с этим послы ливонских городов, собравшиеся на съезд в феврале 1442 г. в Вольмаре, обратились с письмом к немецким купцам, находившимся в Новгороде, чтобы они ежегодно передавали Ревелю арендную плату за Готский двор, а также регулярно заботились о погашении долга²⁴⁵. Как и предыдущее письмо ливонских городов 1441 г. в Новгород, это послание осталось без ответа, так как в октябре 1443 г. судьи Готланда вновь обратились в Ревель с просьбой выплатить задержанную плату за Готский двор аббату Румского монастыря Иоанну и сообщить, намерен ли Ревель возобновить истекающий в скором времени (т. е. летом 1444 г.), арендный договор, заключенный в 1424 г. Олафом Томассоном²⁴⁶.

Вместе с тем Ревелю, очевидно, надоело тратить, пусть и небольшие, деньги на аренду Готского двора, и магистрат города справедливо полагал, что немецкие купцы, пользующиеся Готским двором в Новгороде, сами должны нести расходы по его аренде. Однако это не было вменено в обязанность старост двора или старост церкви св. Петра, а купцы, приезжавшие торговать в Новгород, постоянно менялись (никто не имел права задерживаться во дворах в Новгороде больше, чем на один срок, в крайнем случае на два срока, т. е. на 1 год²⁴⁷). Поэтому никто из купцов не нес ответственности за несвоевременную уплату аренды. Кроме того, в первой половине XV в. отношения между Новгородом и Ганзой часто осложнялись из-за взаимных упреков в нечестной торговле, обвинений в убийстве купцов, других недоразумений, что вело к разрыву торговых отношений между партнерами и к отъезду немецких купцов из Новгорода, в связи с чем последним было не до арендной платы.

Вопрос об уплате аренды, поднятый в начале 40-х годов XV в. и не раз обсуждавшийся на ливонских съездах, был решен только в 1447 г.²⁴⁸, так как предыдущие годы были заполнены разрешением острейшего конфликта между Новгородом и Ганзой, вызванного русско-ливонской войной.

В мае 1447 г. уполномоченный Готланда Герман Муддепеннике подтвердил получение им от Ревеля 13-летней арендной платы²⁴⁹. Однако, как впоследствии выяснилось, этот человек не передал деньги готландской общине, о чем власти Готланда уведомляли Ревель²⁵⁰. В 1454 г. очередной раз встал вопрос об уплате задержанной ренты за Готский двор, в связи с чем Готланд направил в Ревель своего уполномоченного Альберта Шаттенхузена, доверяя ему получение 40 рейнских гульденов за 8 лет аренды. В со-

²⁴⁵ LUB, IX, № 691, 820.

²⁴⁶ Ibid., № 1013.

²⁴⁷ Приложение, IV скра, ст. 87.

²⁴⁸ LUB, X, № 319.

²⁴⁹ Ibid., № 341.

²⁵⁰ HR, II, 4, № 314: «На Готланде не получили прежнюю ренту, которую получил Герман Муддепеннике, но должны с этим смириться и в дальнейшем не делать напоминаний об этом».

проводительном письме власти Готланда настаивали на возобновлении арендного договора, так как срок заключенного в 1424 г. соглашения давно истек²⁵¹. В связи с этим в начале марта 1455 г. послы ливонских городов, собравшиеся на съезде, просили власти Готланда оставить Готский двор в пользование немецких купцов на следующие 10 лет за прежнюю плату в 5 рейнских гульденов ежегодно. Продлевая таким образом договор на 10 лет, немецкие купцы вместе с тем писали, что арендная плата в 5 рейнских гульденов вполне достаточна, потому что «мы, так сказать, немного имеем от двора и в нем также располагается не слишком много купцов, а также мы часто терпим большие убытки из-за него (двора. — *Е. Р.*) по причине пожара»²⁵².

Тогда же, в 1455 г., Ревелем был уплачен долг в 40 гульденов, о чем Альберт Шаттенхузен выдал расписку²⁵³. Кроме того, в расходных книгах Ревеля за 1421—1455 гг. сохранились записи об уплате аренды за Готский двор: в 1424 г. — 18 ноблей, в 1434 г. — 50 гульденов за 10 лет, в 1447 г. — 65 гульденов за 13 лет, в 1455 г. — 40 гульденов за 8 лет²⁵⁴.

Дело Олафа Аксельсона. В 1453 г. на съезде в Любеке неожиданно для Ревеля и других ливонских городов гауптман Готланда Олаф Аксельсон потребовал увеличить плату за Готский двор, а в случае отказа потребовал этот двор для себя²⁵⁵. Не все материалы по этому конфликту, длившемуся около 10 лет, сохранились, но основные его вехи известны.

В ответ на притязания Аксельсона города решили написать ему вежливое письмо, предлагая сохранить в отношении Готского двора старые порядки. Однако этот шаг не привел к желаемым результатам и в 1455 г. послы ливонских городов, собравшиеся на съезде в Пернау, просили ландесдомеров Готланда оградить их немецких купцов от требований Аксельсона. Тогда же послы отправили Любеку письмо с напоминанием, что глава Ганзы должен написать письмо Аксельсону, как было решено на последнем ганзейском съезде. Послы настаивали, чтобы городской совет Любека выполнил это постановление, и заверяли, что они регулярно платят и в дальнейшем будут платить ренту за Готский двор. Далее ливонские послы жаловались, что Олаф Аксельсон силой захватил товары с двух кораблей, потерпевших крушение у Готланда, и просили власти Любека заставить его вернуть товары их владельцам²⁵⁶. Неизвестно, что предпринял по этому поводу Любек, однако два с половиной года спустя, в сентябре 1457 г., Ревель вновь написал в Любек письмо относительно Аксельсона, не отказавшегося, несмотря на все объяснения Ре-

²⁵¹ Ibid., № 314.

²⁵² Ibid., № 321.

²⁵³ LUB, XI, № 393.

²⁵⁴ HR, II, 1, № 289.

²⁵⁵ HR, II, 4, № 96.

²⁵⁶ Ibid., N 322.

веля, от своих мнимых прав на Готский двор в Новгороде. В связи с этим Ревель искал защиты и помощи у Любека, который должен был убедить Аксельсона оставить Готский двор во владении немецких купцов и не докучать в дальнейшем Ревелю. На состоявшемся в сентябре 1457 г. ганзейском съезде ливонские послы вновь обратились к Любеку с просьбой унять Аксельсона и заставить его удовольствоваться заплаченной рентой за Готский двор готландским властям²⁵⁷.

Тем не менее Аксельсон продолжал настаивать на своем, он жаловался в Любек, что Готский двор в Новгороде разрушен, а немецкие купцы больше не платят пяти ежегодных гульденов за него. Он упрекал Ревель в том, что этот город использует Готский двор в своих целях, сдавая его в аренду купцам других ганзейских городов за более высокую плату, чем 5 рейнских гульденов²⁵⁸. Магистрат Любека переслал письмо Аксельсона вместе со своим требованием удовлетворить его жалобы в Ревель, который в сентябре 1460 г. ответил, что Готский двор издавна арендовался не только ливонскими, но и всеми немецкими купцами, которые содержат двор на свои средства в хорошем состоянии и платят за него ренту. Ревель считал, что жалобы Аксельсона касаются не только ливонских, но и всех ганзейских городов, поэтому Любек должен убедить его оставить двор немецким купцам²⁵⁹.

Состоявшийся вскоре, в феврале 1461 г., съезд ливонских городов также обсуждал претензии Аксельсона и послал постановление съезда в Любек, которого опять просил как главу Ганзы уладить дело Аксельсона так, чтобы тот остался доволен старой платой за Готский двор. Кроме того, ливонские города советовали Любеку в случае, если «Олаф не удовлетворится прежней информацией, сказать ему, что новгородские власти не признают его претензий на Готский двор. В прежние времена новгородцы имели на Готланде две церкви, за что они разрешили властям Готланда устроить двор в Новгороде. Теперь новгородцы не нуждаются больше в церквях на Готланде, поэтому они хотят опять взять двор (Готский. — *Е. Р.*) в свое владение, а господин Олаф не должен им владеть. Если вы сможете найти лучшее решение, то мы предоставляем это на ваше усмотрение»²⁶⁰.

Но это был еще не конец истории. В инструкции ревельскому послу, направлявшемуся на очередной ганзейский съезд в июне 1461 г., указывалось, что ливонские города не намерены уступать Аксельсону и будут впредь платить не более шести (вместо пяти) рейнских гульденов за Готский двор ежегодно²⁶¹. Королевский губернатор Готланда тоже не уступал своих позиций, поэтому было

²⁵⁷ Ibid., № 560, 562.

²⁵⁸ HR, II, 5, № 59.

²⁵⁹ Ibid.

²⁶⁰ Ibid., № 60, § 6; № 61.

²⁶¹ Ibid., № 101, § 4, 5.

предложено обсудить проблемы Готского двора на съезде в Копенгагене с приглашением туда Аксельсона и всех заинтересованных сторон. Однако, как сообщал Ревель в Любек в мае 1462 г., это намерение не имело успеха, и следовало позаботиться о том, чтобы Готский двор по-прежнему оставался у немецких купцов²⁶².

На этом «дело Аксельсона» заканчивается; во всяком случае других документов по этому вопросу неизвестно. Претензии Аксельсона больше не обсуждались в ганзейской переписке, а Готский двор продолжал арендоваться немецкими купцами за прежнюю плату.

Наряду с требованиями Аксельсона Ревель продолжала беспокоить проблема выплаты арендной ренты за Готский двор, так как Готланд неизменно обращался к нему с просьбами о внесении арендной платы за очередной срок. Поднятый Ревелем в первой половине XV в. вопрос о том, что немецкие купцы сами должны вносить плату за Готский двор, так и не был решен и городской совет Ревеля нес лишние для него расходы по аренде Готского двора. В связи с этим ливонский съезд в феврале 1456 г. постановил, чтобы в будущем немецкие купцы ежегодно отправляли деньги за аренду Готского двора из казны св. Петра в Ревель²⁶³. С тех пор проблема аренды Готского двора постоянно обсуждалась на ливонских, а иногда и общеганзейских съездах, поскольку купцы уклонялись от обязанности платить ренту за Готский двор. В свою очередь, Ревель, ссылаясь на решения ливонского съезда 1460 г., обратился к главе Ганзейского союза с просьбой приказать немецким купцам в Новгороде вернуть ему уже выплаченную арендную плату за Готский двор. В дальнейшем и послы ливонских городов, и сам Ревель еще не раз обращались к Любеку по этому вопросу²⁶⁴. В ответ немецкие купцы просили Любек отменить на продолжительное время эту обязанность возвращения денег Ревелю за аренду Готского двора, так как после пожара 1460 г. они истратились на восстановление двора и имеют много долгов²⁶⁵.

Между тем в 1468 г. Готланд вновь обратился к Ревелю с просьбой заплатить задержанную в течение 18 лет арендную плату в размере 90 рейнских гульденов, что последним было незамедлительно выполнено. На съезде ливонских городов в феврале 1469 г. эта сумма была возвращена Ревелю²⁶⁶. Очевидно, в результате настойчивых неоднократных требований Ревелю удалось добиться своевременного возмещения его расходов по аренде Готского двора в Новгороде.

С 1478 г. торговая жизнь Новгорода замирает, двор св. Петра закрывается на неопределенное время, и лишь в 1487 г., после

²⁶² Ibid., № 238.

²⁶³ HR, II, 4, № 425.

²⁶⁴ Ibid., № 761; HR, II, 5, № 59, 61, § 101, § 5.

²⁶⁵ HR, II, 5, № 236.

²⁶⁶ HR, II, 6, № 144, § 5.

заклучения 20-летнего мира, вновь возобновляются новгородско-ганзейские торговые отношения.

Сведения о Готском дворе вновь появляются в ганзейских документах в 1494 г. и опять в связи с арендной платой. В начале сентября 1494 г. глава Готланда обратился в Ревель с напоминанием, что он должен ежегодно платить домерам Готланда 5 рейнских гульденов за Готский двор, как записано в договоре. Однако рента в течение последних 30 лет не выплачивалась, поэтому Готланд намеревался отправить в Ревель посольство с полномочиями и квитанцией об уплате ренты последний раз²⁶⁷.

Очевидно, после выплаты арендной платы за Готский двор в 1468 г. Ревель устранился в дальнейшем от этой обязанности, а наступивший вскоре длительный перерыв в новгородско-ганзейской торговле стер всякие воспоминания об аренде Готского двора. Обращение Готланда в 1494 г. вызвало недовольство Ревеля, считавшего выплату ренты за Готский двор всецело обязанностью немецких купцов. В связи с этим ревельский магистрат обратился с письмом в Дерпт, занимавшийся всеми делами ганзейской конторы в Новгороде, в котором напоминал давнее установление о том, что немецкие купцы должны платить Готланду дань за Готский двор. Вместе с тем продолжительное время Ревель сам вносил необходимые деньги, и теперь из письма гauptмана Готланда выяснилось, что в течение последних 30 лет рента за Готский двор не выплачивалась купцами, за что Готланд привлекает к ответу Ревель. Далее в письме указывалось, что Ревель отказывается в дальнейшем платить ренту и просит Дерпт дать указание начальнику двора в Новгороде, чтобы деньги за аренду Готского двора были посланы в Ревель для их дальнейшей отправки на Готланд²⁶⁸.

Закрытие в ноябре 1494 г. двора св. Петра и арест немецких купцов в Новгороде отодвинул на несколько лет вопрос об аренде готского двора. Любек и ливонские города были обеспокоены судьбой купцов, сохранностью их товаров и долгое время занимались решением этого конфликта.

Тем временем фогт Готланда в сентябре 1497 г. осмелился рестовать товары Ревеля из пришедших на Готланд судов, объясняя это тем, что Ревель в течение нескольких лет не выполняет свои обязанности по уплате аренды за Готский двор в Новгороде. На разъяснения Ревеля о причинах неуплаты ренты фогт не обращал внимания. Обо всем этом Ревель написал в Данциг и просил уведомить другие города, а также добыть через послов копию грамоты, обязывающую Ревель платить ренту. Кроме того, в сентябре 1497 г. Ревель послал в Данциг письмо для передачи его на Готланд. Весной 1498 г. просьба Ревеля об отправке его письма готландским властям была повторена.

²⁶⁷ HUB, XI, № 766.

²⁶⁸ Ibid., № 774.

и вновь в ней шла речь об изготовлении двух копий документа (вероятно, об арендном договоре), один экземпляр которого Ревель просил послать ему, а другой — на ганзейский съезд²⁶⁹.

Сохранилось и письмо, посланное Ревелем в сентябре того же, 1498 г. гауптману Готланда. В ответ на прежнее напоминание о просроченной ренте и упреки в задержке ответа Ревель сообщал, что он посылал письма с объяснением всех касающихся Готского двора вопросов на Готланд через Данциг, считая это самым надежным путем. Здесь же Ревель еще раз отклонил предъявленные ему претензии о неуплате арендной платы, указывая, что это собственно не его дело, а купцов Ганзы. В конце письма Ревель требовал прислать копию грамоты с его обязательствами по Готскому двору и заявлял, что поскольку ганзейская контора в Новгороде закрыта русскими, то никто и не обязан платить ренту за Готский двор²⁷⁰.

Вскоре в Ревеле было получено новое послание с Готланда, в котором содержалось требование во избежание ссоры уплатить 200 золотых гульденов за аренду Готского двора в прошедшие годы²⁷¹.

Ревель тут же написал ответ, датированный октябрём 1498 г., в котором оправдывался тем, что неоднократно посылал на Готланд письма через Данциг, Швецию и весной через посла, но все эти письма вернулись обратно. Что касается невыплаченной ренты в 200 гульденов, то она казалась Ревелю завышенной, поскольку последний раз деньги за Готский двор были выплачены в 1469 г. Генриху Галекуву. Здесь же Ревель в очередной раз сообщал о закрытии конторы и неиспользовании Готского двора. Вместе с тем, стремясь избежать конфликта с готландскими властями, Ревель обещал будущей весной, т. е. в 1499 г., отправить на Готланд посла, а до того времени просил отложить решение этого вопроса²⁷².

Действительно, в начале июня 1499 г. Ревель посылает своего человека на Готланд с письмом и полномочиями вести переговоры о Готском дворе. В письме сообщалось, что в ревельских книгах нашлась расписка в том, что последний раз аренда была выплачена в 1469 г., следовательно, требуемые Готландом 200 гульденов за прошедшие 30 лет — слишком высокая плата. Далее Ревель еще раз подчеркивал, что, поскольку двор не используется немецкими купцами, он снимает с себя обязанность платить за него ренту и просит прислать грамоту, определяющую размер арендной платы. Тем не менее с послом Ревеля Тымме Виттекопом властям Готланда была передана задержанная с 1468 г. арендная плата за Готский двор в размере 160 рейнских гульденов, что засвидетельствовано распиской готландских властей²⁷³.

²⁶⁹ HR, III, 4, s. 128. Прим. 4.

²⁷⁰ HUB, XI, № 1089.

²⁷¹ Ibid., № 1095.

²⁷² Ibidem.

²⁷³ Ibid., II 46, II 54.

Как видно, ревельский посол добился успеха в переговорах о размере суммы ренты, которая была сокращена до фактической стоимости, составляющей 5 гульденов в год.

Кроме ведения переговоров с ландесдомерами Готланда Тымме Виттекоп имел поручение к городскому магистрату Висбю как члену Ганзы. Ревель сообщал последнему о своих делах на Готланде, объясняя, какие поручения выполняет его посол, и просил посодействовать ему. Особенно беспокоила Ревель предстоящая бессмысленная плата за Готский двор, который закрыт и никем из ганзейских купцов не используется. В связи с этим Ревель просил Висбю ходатайствовать перед властями Готланда о передаче Готского двора в Новгороде в полную собственность Ганзы. Однако эта попытка Ревеля раз и навсегда решить вопрос об аренде двора успеха не имела и, как считал совет Висбю, Ревель напрасно обратился с этой просьбой к готландским ландесдомерам, поскольку они не намерены отказываться от традиционной платы за Готский двор²⁷⁴.

Между тем Готланд предпринял меры, обязывающие Ревель в будущем платить арендную плату за Готский двор. Поскольку Ревель неоднократно просил прислать ему копию грамоты об арендном договоре, то такая копия была, наконец, отправлена послом Тымме Виттекопом²⁷⁵.

В отличие от предыдущих арендных договоров этот документ чрезвычайно краток по содержанию²⁷⁶, а основной смысл его сводится к тому, что Готский двор передавался на вечные времена в распоряжение немецких купцов и Ревель был обязан платить Готланду ежегодно 5 рейнских гульденов «безо всякой хитрости».

Издавая этот документ, Г. Гильдебранд сопровождал его подробным комментарием, доказывающим неподлинность грамоты²⁷⁷. Главный аргумент исследователя основан на сопоставлении арендного договора 1424 г. с текстом грамоты 1425 г., в которой не упоминался заключенный год назад договор на 20 лет и не объяснялись причины, по которым договор 1424 г. оказался недействительным. Вместе с тем в 1447 г. сам Готланд, требуя от Ревеля задержанную арендную плату, ссылаясь на договор 1424 г. Кроме того, в 1454 г. судьи Готланда в письме к Ревелю предлагали установить новый срок аренды, ибо последний арендный договор был заключен 20 мая 1424 г.²⁷⁸.

Совершенно справедливо признавая грамоту 1425 г. подделкой, Гильдебранд вместе с тем считал, что в ней был заинтересован Ревель. Однако в действительности этот город, вынужденный многие годы платить ренту за Готский двор, стремился ос-

²⁷⁴ Ibid., № 1147.

²⁷⁵ LUB, VII, № 329.

²⁷⁶ См. Приложение.

²⁷⁷ LUB, VII, N 329. В легенде к грамоте издатель указал, что документ хранится в Ревельском городском архиве и имеет на обороте надпись, что это — копия с хранящейся на Готланде грамоты 1425 г., которую привез Тымме.

²⁷⁸ HR, II, 4, № 314.

вободиться от этой обязанности, а не взваливать ее на себя «на вечные времена». Совершенно очевидно, что отказ Ревеля платить в дальнейшем ренту за Готский двор и вместе с тем неоднократно высказанное им требование прислать подтверждающий его обязательства документ послужили причиной для составления на Готланде поддельной грамоты от имени Ревеля, якобы бравшего на себя обязательства платить арендную плату за Готский двор.

Поскольку в самом Ревеле не нашлось документа об аренде Готского двора, что заставило его просить копию у Готланда, последний, вероятно, был застрахован от разоблачения. Судя по дальнейшей истории двора, Ревель, видимо, принял фальшивку за подлинный документ.

После возобновления новгородско-ганзейских отношений в 1514 г. и открытия ганзейской конторы в Новгороде, Готский двор оставался в собственности Готланда, который продолжал получать за него арендную плату. В 1533 г. Ревель сообщал в Любек, что готландцы просят заплатить 85 гульденов за двор (это были просроченные платежи за 17 лет²⁷⁹). Следовательно, арендный договор был возобновлен в 1516 г. В том же письме Ревель подробно излагал всю историю аренды Готского двора немецкими купцами. Одновременно Ревель написал в Дерпт, которому в 1521 г. была передана новгородская контора, чтобы тот позаботился о доставке 85 гульденов. В 1537 г. в ответ на требования Ревеля употребить доходы новгородской конторы на уплату аренды за Готский двор Дерпт с раздражением отвечал, что уже несколько лет ничего не получал от конторы и платит ренту за Готский двор сам. Дерпт предлагал вообще закрыть контору, о чем неоднократно писал в Любек как главе Ганзы. Неизвестно, был ли получен от последнего какой-нибудь ответ, но вопрос с Готским двором решился сам собой. Во время бушевавшего в 1541 г. на Торговой стороне пожара сгорели почти все городские постройки, в том числе и иноземные дворы.

Очевидно, после этого пожара Готский двор больше не восстанавливался, так как с тех пор он не встречается ни в одном документе. В лавочных и писцовых книгах по Новгороду, составленных в конце XVI в., о Готском дворе, называвшемся в последние годы его существования Немецким речным двором, не упоминается.

²⁷⁹ HR, IV, 1, № 161.





УСТРОЙСТВО ГАНЗЕЙСКОЙ КОНТОРЫ В НОВГОРОДЕ

Рассказывая о внешнем устройстве Готского и Немецкого дворов, приходится с сожалением констатировать почти полное отсутствие сведений об их микропогографии, количестве построек, их размещении на территории дворов. Некоторые данные об этом содержатся в скре и писцовых книгах по Новгороду, а также в материалах раскопок Готского двора.

Готский и Немецкий дворы, расположенные внутри чуждого, порой и враждебного им города, были окружены частоколами, причем более мощными, чем частоколы новгородских усадеб. Последние устраивались обычно из жердей диаметром 12—14 см, редких случаях — 20—22 см. Частокол Готского двора, обнаруженный при раскопках, был устроен из бревен диаметром 8 см¹. Поддержание частоколов в порядке было одной из постоянных забот немецкого купечества во все время существования конторы. Частые пожары, случавшиеся в Новгороде, требовали всякий раз восстановления дворов, и в первую очередь их ограды. Нередко новгородские власти препятствовали устройству новых частоколов, требуя даров. При установке ограды вокруг юземных дворов жители соседних с ними улиц — Михайловой Готского двора и Ильиной у Немецкого — требовали, чтобы новые частоколы непременно ставились на старых местах и не занимали уличанской земли. Это правило впервые было записано в договоре 1269 г. Острый конфликт возник, например, в 1439 г. во время строительства частокола и новых ворот Готского двора, чем уже упоминалось в третьей главе. Тогда для установки столбов потребовалось подтесать на ширину ладони мостовую Ми-

¹ См.: Рыбина Е. А. Готский раскоп. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 210.

хайловой улитны, что вызвало резкое возмущение ее жителей, призвавших для разрешения конфликта посадника и тысяцкого².

Сами новгородцы не раз нападали на иноземные дворы и разрушали частоколы. Это, в свою очередь, заставляло немецких купцов принимать необходимые меры. В частности, в том же договоре 1269 г. была специальная статья, предусматривавшая наказание за повреждение ворот и тына иноземных дворов. Однако со стороны новгородцев это постановление постоянно нарушалось: сохранилось немало жалоб немецких купцов о повреждениях частоколов в XIV—XV вв., нанесенных русскими³. В 1371 г. вопрос об ограде дворов снова был включен в договорную грамоту Новгорода с ганзейским купечеством, где говорилось, что русские не должны вбивать брусьев в ограду⁴.

В XV в., когда часто случались острые конфликты в новгородско-ганзейской торговле и немецкие купцы покидали свои дворы, новгородцы спешили занять их своими постройками. Во время урегулирования раздоров немецкие послы неоднократно требовали возвращения ганзейских дворов незастроенными.

Главными зданиями внутри обоих дворов были церкви: на Готском — св. Олафа, на Немецком — св. Петра. Церковь св. Олафа вначале была деревянной; как сообщается в новгородской летописи, в 1152 г. она сгорела, о втором пожаре летопись упоминает под 1181 г., когда она загорелась «от грома», т. е. от молнии. Следовательно, еще и в это время церковь св. Олафа была деревянной. Очевидно, после пожара 1181 г. была выстроена каменная церковь, так как в пожар 1217 г. «в Варяжской божнице изгоре товар весь варяжский бес числа», а сама церковь не названа среди сгоревших. Последний раз Варяжская церковь упоминается на страницах новгородской летописи в 1311 г. в числе каменных церквей, пострадавших от пожара: «церквей каменных 6 огореша, а 7-я варяжская». В ганзейских источниках церковь св. Олафа на Готском дворе не встречается ни разу. Видимо, вскоре после пожара 1311 г. она разрушилась и больше не восстанавливалась, тем более что в 1340 г. на Торговой стороне бушевал огромный пожар, в огне которого «погоре... и церкви камены и древяные, и домове».

О немецкой церкви св. Петра⁵ новгородская летопись упоминает только один раз в рассказе о пожаре 1275 г., во время которого церквей «каменных 4 огореша, а 5-я немецкая». В данном случае речь идет действительно о церкви на Немецком дворе, так как пожар начался «на княжи дворе, подле немецкой двор» и не затронул Готский двор.

² HR, II, 2, N 325; см. также: ссылку 153 на с. 68.

³ HUB, V, N 1057, 1086; HUB, VI, N 97, 220; HUB, IX, N 180.

⁴ ГВНП, № 42.

⁵ Волоколамский и Ярославский списки легенды о посаднике Добрыне именуют немецкую церковь храмом святых апостолов Петра и Павла ошибочно. Видимо, в силу известной традиции, не разделявшей эти имена.

Церковь св. Петра, вероятно, сразу была выстроена в камне, поскольку купцы не раз обращались с просьбами к руководителям конторы о присылке каменщиков и кирпичников и даже камня для ремонта церкви. Рядом с церковью было расположено кладбище.

Церковь св. Петра была местом хранения не только казны конторы, но и ценностей самой церкви и архива двора. Все эти предметы купечество свято сохраняло и в случае опасности или закрытия конторы отправляло их в Ревель или Дерпт. Сохранилось несколько списков с перечнем этих предметов, из которых два наиболее полно отражают состав ценностей и других предметов, хранившихся в церкви. Один список был составлен в 1406 г. при отправке ценностей в Ревель; тогда предметы были упакованы в бочку и сопровождаены письмом, в котором перечислялось содержимое бочки: 6 серебряных чаш, 4 серебряных стакана, 1 золотой сосуд, 16 гривен серебра, 6 ноблей, 1 крона, 4 гельдернских гульдена, 1 рейнский гульден, 1 позолоченная кружка, 1 позолоченный кубок (потир?), 1 церковная шапка (клобук), 1 риза из белого шелка, 1 риза из синего шелка, 1 новая парчовая риза, 1 старая риза, 2 локтя белого шелка, также 10 церковных книг, 1 немецкая «памятная книга», 1 «памятная книга» с грамотами, 1 русская «книга памятная», 1 расчетная книга, а также книги св. Петра, сундук с письмами городов, обе печати св. Петра⁶.

Второй перечень ценностей был составлен в 1494 г. в момент закрытия конторы. В нем наряду с уже знакомыми предметами упоминаются и новые: 6 серебряных чаш, 6 серебряных кубков, 1 дароносица, 1 кубок, блюдо для просфоры, 1 крест, 2 кружки, 23 марки полноценного серебра, 2 красивых колокола, 1 хорошая сковорода для изготовления пива, 5 кувшинов для вина, много оловянных кувшинов, 1 серебряная брошь от клобука, другие ценности и деньги, которые не все были записаны⁷. По другим источникам известно, что тогда же в инвентаре церкви св. Петра находилось еще 3 требника, 13 книг, 1 Псалтирь, 2 ризы, 1 золотая гривна, 1 серебряная гривна, 1 клобук и некоторые другие предметы⁸, дальнейшая судьба которых неизвестна. Списки этих предметов в особых комментариях не нуждаются. В них наряду с церковным инвентарем в обоих случаях упомянуты хранившиеся в казне деньги, богослужебные книги. Отметим только, что во втором перечне называются и несомненно «светские» вещи: кувшины для вина, сковорода.

Заслуживает внимания упоминание в первом списке купеческих книг, среди которых были расчетная («*rekenschopbok*») и «памятные» («*denkebok*») книги. Расчетная книга была заведена

⁶ HUB, V, N 738.

⁷ HR, III, 3, N 502. См. также: Schlüter W. Die nowgoroder Schra in sieben Fassungen von 13. bis 17. Jahrhundert. Dorpat, 1911, S. 177—178.

⁸ LUB, II, 1, N 81.

купечеством, очевидно, в первой половине XIV в., во всяком случае в 1355 г. было внесено постановление, что старосты двора, которые покидают Новгород и, следовательно, освобождают должность, должны предъявить общему собранию купцов расчетную книгу с записями поступивших налогов и расходов на нужды конторы⁹.

«Памятные книги» тоже были важными финансовыми документами, куда записывались долги купцов, торговые операции. Тут же, вероятно, велась запись различных сборов, а также постановлений и решений общих собраний купцов. Время от времени города требовали эти книги для проверки. Обычно эту обязанность выполняли послы городов, приезжавшие для переговоров в Новгород и проверявшие правильность записей на месте. Но иногда эти книги увозили в Ревель или Дерпт, где записи проверялись в магистратах этих городов. Например, в 1424 г. в период острых конфликтов с Новгородом две «памятные книги» были отправлены через Дерпт в Ревель. Рига тогда предложила хранить книги в Дерпте, а копию прислать в Ригу¹⁰.

Церковь св. Петра предназначалась также и для хранения большинства товаров как самое надежное, хорошо охраняемое здание. Очевидно, она, как и многие русские церкви, использовавшиеся для хранения товаров, была двухэтажной. Заметим, что в постановлениях IV скры о размещении товаров внутри церкви говорится, что бочки, полотно и другие крупные товары нужно помещать под своды (IV,9). В письме приказчика двора о пожаре 1419 г. сказано, что церковь находится в хорошем состоянии как в верхней, так и в нижней части здания¹¹. Видимо, имелись в виду оба этажа церковной постройки¹².

Наряду с нижним этажом для хранения товаров использовалось и непосредственно церковное помещение, где товары размещались у стен в ящиках и бочках и обязательно помечались специальными знаками (IV, 11, 12). Возле алтаря как наиболее охраняемого места находились бочки с вином, но к самому алтарю следовало проявлять уважение и не ставить туда кружки и другие предметы (IV, 14, 15).

Кроме товаров в церкви св. Петра хранились большие (безмен) и малые весы для взвешивания серебра (IV, 17). Запрещалось оставлять без присмотра весы и гири вне стен церкви (IV, 17). Там же хранился опечатанный подлинник скры, которую необходимо было переписать для немцев и для русских, как было указано в специальном постановлении начала XIV в. (IIIa, 14).

⁹ LUB. III, N 1095.

¹⁰ HR, I, 7, № 696—699.

¹¹ Ibid., № 38.

¹² Было бы заманчиво реконструировать внешний облик католической церкви, однако пока мы не располагаем для этого необходимыми материалами. Возможно, будущие археологические раскопки на месте Немецкого двора обнаружат фундаменты церкви.

Сама церковь не раз служила надежным убежищем для немешких купцов во время конфликтов с новгородцами, о чем свидетельствуют разнообразные документы.

Кроме церквей во дворах находились и другие постройки, о числе и назначении которых трудно судить, особенно в первые периоды существования дворов (в XII—XIII вв.). Относительно XIV—XV вв. сведения о дворовых зданиях содержатся в разных редакциях скры, по которым можно составить хотя бы общее представление.

Установлено, что на Готском дворе располагались соляные амбары, в которых хранилась не только соль, но и другие товары. Здесь же располагалась Морнвегова комната¹³, очевидно, жилое помещение. Несомненно, что на Готском дворе имелись и другие жилые постройки и амбары. Некоторое представление о них дают материалы раскопок Готского двора, проведенные в 1968—1970 гг.¹⁴ Здесь были обнаружены остатки двух больших срубов, площадь которых равнялась 72,25 кв. м и 110,25 кв. м. Оба сруба были сложены из мощных бревен диаметром 50—60 см, в то время как любые новгородские постройки (жилые, хозяйственные, производственные) построены из бревен, диаметр которых не превышает 16—30 см. Внутри срубов сохранились настилы пола из горбылей диаметром 20—25 см и уложенных на бревнах-переводинах диаметром 20—30 см, что также превышает размеры бревен, используемых для настилов в новгородских постройках.

Открытые в ходе раскопок срубы, несомненно, были остатками амбаров для хранения товаров, чем вызваны значительные размеры строений, мощность бревен, из которых они сложены, отсутствие печей, неизменных для жилых помещений. При раскопках не обнаружено каких-либо следов товаров, некогда хранившихся в этих амбарах. Это может быть объяснено тем, что на участке встречены следы сильнейшего пожара, в результате которого погибли не только все товары, но и практически сами сооружения. Большой интерес для реконструкции Готского двора представляют обнаруженные при раскопках остатки каменного фундамента какой-то постройки. Несмотря на значительные утраты при строительстве позднейших сооружений (срезана до основания вся западная часть каменной постройки), представляется возможным восстановить основные приемы ее строительства и определить назначение.

Прежде всего заметим, что эта постройка непосредственно примыкала к одному из деревянных срубов. Сохранившаяся часть каменной постройки представляет собой фундамент, сложенный из валунов, скрепленных известковым раствором. Снаружи стены

¹³ Морнвег, представитель известной купеческой семьи из Любека, ведущий в конце XIII в. активную торговлю серебром в Новгороде (LUB, I, № 568; II, № 77). Возможно, он был в свое время старостой двора, и поэтому в память о нем была названа комната на Готском дворе.

¹⁴ См.: Рыбина Е. А. Готский раскоп, с. 197—226.

облицованы розовым ракушечником, а внутри заполнены бутовым камнем с известью; кладка сохранилась в высоту на 110 см. Конструктивные особенности соединения амбара и каменной постройки хорошо прослеживаются на стыке южной стены амбара и восточной стены постройки. В стене сруба был сделан паз шириной 60 см и глубиной 25—30 см специально для соединения каменного здания со срубом. Очевидно, каменная постройка представляла собой башню, о высоте которой судить трудно, но, несомненно, она возвышалась над деревянными постройками двора и выполняла роль сторожевой. Выдвинутая за пределы сруба башня давала возможность просматривать все пространство, примыкавшее к деревянным амбарам. Особенно важно было наблюдение за западной стеной амбаров, со стороны Волхова, где располагались пристани. Возможно, именно эта башня служила местом заключения провинившихся купцов. По II скре, человека, виновного в нанесении увечий другому лицу, обязывали заплатить пострадавшему 10 марок серебра; в противном случае виновный должен был содержаться 10 недель в башне, получая только хлеб и воду.

Раскопки Готского двора впервые дали конкретный материал об устройстве частокола и некоторых сооружений иноземного двора, познакомили исследователей с приемами строительной техники, существенно отличавшейся от новгородской, дали значительный вещевой материал, характеризующий быт немецких купцов.

Из разных редакций скры известно о существовании на иноземных дворах других строений. Жилые помещения назывались клетями, в каждой из которых размещалось не больше 8 купцов, в клетки переводчика можно было поместить 6 купцов (IV, 28). В IV скре упоминаются верхние и нижние клетки, следовательно, строения, составленные из отдельных клеток (комнат), имели по крайней мере два этажа (IV, 32). Каждая клеть, в свою очередь, имела места для сна внизу и наверху, т. е. была двухъярусной. В этих клетях купцы могли хранить небольшое количество товаров: не больше одной стопки сукна и 40 меховых шкурок (IV, 31). Ученикам купцов разрешалось вести в клетях мелкую торговлю.

По постановлению древнейшей скры все помещения двора были общими за исключением большой комнаты, которая принадлежала зимним гостям (I, 4). Она использовалась в качестве столовой, а также места для проведения общих собраний купцов.

Для молодых людей, обучавшихся торговому делу, была отведена специальная комната, называвшаяся детскою (kinderstube), в которой они обыкновенно обедали и проводили свободное время. Однако если во дворе не хватало места для товаров, то их размещали и в детской комнате и тогда молодые купцы временно лишались на нее права (I, 4).

Из V скры известно о существовании специальной комнаты для хранения запаса напитков (V, 136). По более ранним редак-

циям скры в XIII—XIV вв., вино хранилось в церкви св. Петра у алтаря и в Морнвеговой комнате (IV, 15). Кроме того, во дворе находились пивоварня, мельница, больничное помещение. Два последних здания могли использоваться в случае необходимости и под жилье для купцов, но не более трех дней (IV, 34, 35). Имелись во дворе баня (III, 31; VI, 70; VII, II, 31) и пекарня (VII, II, 18, 20).

Одна из построек Немецкого двора называлась гридница, назначение которой не вполне ясно. Согласно IV скре в ней нельзя было хранить больше одного рулона полотна, а меховой товар держать дольше одной ночи (IV, 46, 47). Вместе с тем только в гриднице можно было выколачивать меха и нигде в другом месте. Шлютер предполагает, что гридница могла служить также местом дворового суда и залом заседаний¹⁵.

Материалом для строительства дворовых построек, вероятно, являлось дерево, которое немецкие купцы согласно договору 1269 г. имели право рубить по берегам реки. Однако имеются сведения о существовании во дворе кирпичного дома, для возведения которого Дерпт посылал в Новгород своего мастера¹⁶.

Согласно проекту договора 1269 г. ганзейское купечество имело в Новгороде в своем распоряжении луга, где заготавливалось сено для лошадей.

Приезжать в Новгород и жить во дворах имели право только купцы ганзейских городов, всегда стремившихся к монопольной торговле с русскими. Во всех редакциях скры и в переписке городов настойчиво повторялся запрет вступать в компанию с неганзейцами, особенно с голландцами и фламандцами — главными конкурентами Ганзы, или привозить их товары в Новгород. Нужно сказать, что и ганзейские города не все пользовались одинаковыми правами во дворе. Чаше других посещали Новгород и пользовались преимуществами купцы из ливонских, вендских, вестфальских городов, в то время как купцы из прусских городов, входивших в Ганзу, были ограничены в торговле в Новгороде. Им запрещалось, например, привозить польские сукна, чтобы не создавать конкуренцию. Купцы ганзейских городов, редко посещавшие Новгород, имели от своих магистратов рекомендательные письма для получения права торговать в Новгороде. Так, в 1437 г. Бреслау (ныне Вроцлав) рекомендовал принять во двор некоего Андреаса, слугу бреславского гражданина, отправленного в Новгород по торговым делам своего господина, «так как наш город Бреслав и мы все принадлежим немецкой Ганзе»¹⁷.

На рубеже XIV—XV вв. в крупных городах Германии стали появляться объединения купцов, специализировавшихся на торговле с тем или иным городом или с той или страной. В одном только Любеке в начале XV в. насчитывалось около 10 таких

¹⁵ Schlüter W. Op. cit. Register, s. 25.

¹⁶ HR, I, 5, N 668, 1410 r.

¹⁷ LUB, IX, N 147.

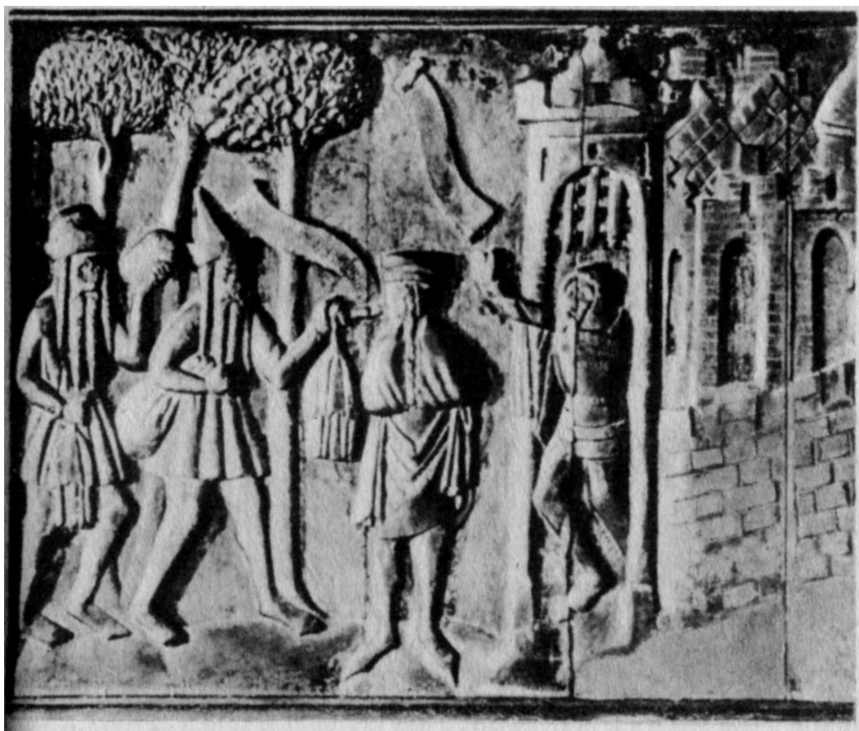


Фриз с изображением новгородцев. Фрагмент. Дерево.
Из книги: J. Schildhauer

объединений, среди которых было и новгородское. Купцы, ведшие торговлю с Новгородом, назывались Nowgorodfahrer (буквально — те, кто ездят в Новгород). В Штральзунде в церкви Николая сохранился резной деревянный фриз с изображением новгородцев, несущих воск и меха к Немецкому двору. Он был укреплен над скамьями купцов — «новгородцев» из Штральзунда¹⁸.

Купцы подразделялись на зимних и летних гостей, из которых первые прибывали в Новгород осенью во время последней навигации или с первым санным «поездом», а покидали город весной. Им на смену приезжали летние гости. Поначалу существовал только морской путь из Балтики по Неве в Ладожское озеро.

¹⁸ Heinsius P. Schnitzereien am Novgorodfahrer-Gestühl zu Stralsund als Beitrag zum Rußlandbild hansischer Bürger im 14. und 15. Jahrhundert. — In: Zeitschrift für Ostforschung (Länder und Völker im östlichen Mitteleuropa). 1962, 11. Heft 2. Marburg/Lahn., S., 243 — 252.



XIV—XV вв. Церковь Николая в Штральзунде.
Ж. Fritze, W. Stark. *Die Hanse*. Berlin, 1975.

ратем по Волхову в Новгород, но уже в начале XIII столетия упоминается «горный» путь, т. е. по суше. Поначалу морские гости имели преимущества перед сухопутными, что зафиксировано в первых редакциях скры. Однако постепенно разница между морскими и сухопутными гостями стерлась, тем более что с начала XIV в. немецким купцам обеспечивались «чистые» пути по суше.

Купцы различались не только по принадлежности к той или иной городской общине, но и по их социальному положению. Основную группу купеческого сословия, торговавшего в Новгороде, составляли *meistermänner*, самостоятельные купцы, имевшие собственный капитал и товары. Каждый из них мог привезти с собой двух человек, называемых *knecht* или *knabe* (буквально — «слуга»), на самом деле выполнявших обязанности не личных слуг купца, а его помощников по торговле. В другом случае это были *junge*, т. е. молодые люди, обучавшиеся торговому делу и помогавшие самостоятельным купцам. Во всех редакциях скры оговаривались взаимоотношения между *meistermann* и *knecht*, по которым

купец, взявший к себе помощника, не имел права отказать ему до возвращения в родной город без достаточных оснований. Вместе с тем помощник был обязан во всем помогать своему господину и «в счастии и несчастии», как сказано в скре (I, 5). Согласно древнейшей скре помощники выбирали себе старосту, к которому следовало обращаться в случае ссоры (I, II, III — 6). В позднейших редакциях скры староста помощников не упоминается.

Трудно сказать, какое максимальное число купцов могли вместить оба двора. Обычно источники называют около 150 человек: например, в зиму 1336—1337 гг. во дворе находилось 160 человек, в 1425 г. — от 116 до 150, самую большую цифру — 200 человек — называет документ 1439 г.¹⁹ Очевидно, 150—200 человек было обычной нормой для проживания на Немецком и Готском дворах в благополучные времена. С упадком конторы в XV в. число купцов, приезжавших в Новгород, сократилось, что было отражено даже в скре.

Вместе с тем поначалу при отсутствии мест для проживания на том или другом дворе не запрещалось останавливаться на постой в новгородских усадьбах: во всяком случае IV скра говорит как о само собой разумеющемся, что дежурить во дворе должны все купцы, как живущие в нем, так и вне его (т. е. в русских дворах; IV, 32). В статье о выборе фогта в каждой комнате также предусматривался выбор старосты для купцов, живших вне двора (IV, 36). Если оказывалось, что оба старосты церкви св. Петра жили в русских дворах, то один из них, выбранный последним, должен был переселиться во двор и освобождался от платы (IV, 71). Факт размещения немецких купцов в новгородских усадьбах зафиксирован и при археологических раскопках соседнего с Немецким двором участка, расположенного на нынешней улице Кирова. Здесь в слоях XIV в. были найдены западноевропейские бытовые предметы, несомненно, свидетельствующие, что на данной усадьбе жили и немецкие купцы. Среди обнаруженных находок не только многочисленные импортные предметы, но и разнообразный бытовой инвентарь: рейнская керамика, деревянные подсвечники с геометрическими знаками, аналогичные находкам на Готском раскопе, биллоновый игольник с лилиями, кустодий для восковых печатей²⁰.

Однако со временем положение изменилось настолько, что в V скру была включена статья, запрещающая останавливаться в русских дворах без особой необходимости²¹. Дело в том, что в первой половине XV в., когда запреты на торговлю с Новгородом следовали один за другим, находились купцы, приезжавшие в об-

¹⁹ HUB, II, № 599; HR, I, 7, № 828; HR, II, 1, № 586, § 5; LUB, IX, № 446.

²⁰ См.: Колчин Б. А., Рыбина Е. А. Раскоп на улице Кирова. — В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982, с. 233—234.

²¹ «Никто не должен стоять в русских дворах, когда Немецкий двор и Готский двор не заняты, штраф 1 марка без всякого снисхождения» (V, 127).

ход запретов в Новгород и размещавшие свои товары в русских дворах. Сохранились жалобы купечества ганзейской конторы 1421, 1431 гг. на купцов, проживавших у русских. Это заставило ливонские города на съезде в Вольмаре в 1434 г. принять решение о запрещении размещать немецкие товары в русских дворах и назначить штраф за невыполнение этого решения²².

Приезжавшие в Новгород из разных городов ганзейские купцы представляли собой во дворе единое немецкое купечество, которое руководствовалось во всем статьями скры и общими постановлениями и возглавлялось выбранными из его среды старостами.

Древнейшие правила выборов старост зафиксированы в I скре, откуда они без изменений перешли во II и III редакции и действовали во дворе в течение XIII — первой половины XIV в. Согласно этим правилам прибывающие в Новгород купцы избирали из своей среды старосту двора и старосту св. Петра, т. е. церкви; те, в свою очередь, выбирали себе четырех помощников, по два помощника каждому старосте. За отказ от должности старосты назначался штраф в 1 марку серебра, который мог увеличиться, если купец в третий раз отказывался от исполнения обязанностей старосты (I—III, 1).

С оформлением Ганзейского союза в середине XIV в. наступил новый этап в истории дворов, в связи с чем изменился и порядок выбора старост двора и церкви (IV, 65; V, 76), сохранявшийся до закрытия конторы в 1494. Этот порядок лишал немецкое купечество самостоятельности, так как теперь старост выбирали специально присланные для этой цели посланники городов. После восстановления конторы в 1514 г. установился новый порядок выбора старост, отразившийся в VI редакции скры. При наличии во дворе 30—40 человек, из их среды выбиралось 12 лиц, давших клятву (по 3 человека от каждой из четырех частей Ганзы: бранденбургской, саксонской, вестфальской, ливонской). В свою очередь, эти 12 присяжных избирали двух старост (VI, 3). В XVII в. старосту назначал магистрат Любека, что записано в одной из статей VII скры.

Староста двора имел определенные преимущества перед остальными купцами: он выбирал себе для жилья любое приглянувшееся ему помещение и освобождался от платы за него; в отличие от остальных купцов не участвовал в дежурствах по охране двора и церкви. За оскорбление старост назначался штраф (II, III, 39; IV, 20). Однако эти преимущества вряд ли привлекали купцов к исполнению обязанностей старост двора, поскольку со второй половины XIV в. штраф за отказ от должности старосты увеличился с одной марки до 50 марок и лишения членства купеческой общины. Таким образом, избранные старостами купцы вынуждены были соглашаться, если не хотели лишиться права торговать в Новгороде. Кроме того, в IV и V скре содержались

²² HR, I, 7, № 308, 313; HUB, VI, № 922; HR, II, 1, № 226, § 25.

статьи, запрещавшие старостам оставлять должность до их законного отъезда (IV, 69; V, 80). Согласно постановлениям II и III скры староста двора и его помощники получали третью часть от каждого внесенного в казну св. Петра штрафа; в последующих редакциях такой порядок не предусмотрен.

Староста был главным судьей во дворе, строго следящим за исполнением всех постановлений скры, назначающим предусмотренные ее статьями штрафы, а также другие виды наказаний. Он был призван улаживать все возникающие во дворе ссоры между самостоятельными купцами, а также между купцами и их помощниками (IV, 82). В случае необходимости староста имел право приговаривать провинившихся к телесным наказаниям и даже к смертной казни (IV, 78).

Судя по разным редакциям скры, в обязанности старост входили также ведение переговоров с русскими, проверка товаров и назначение досмотрщиков (II, 63; III 2a; V, 119), получение налогов с купцов (V, 131). При отъезде старосты обязаны были отчитаться в своей финансовой деятельности перед общим собранием и предъявить запись поступлений налогов и расходов конторы (V, 134, 142).

Наряду со старостами двора выбирались старосты церкви св. Петра, о чем подробно говорится в статьях IV и V скры, в то время как другие редакции эту должность не упоминают. Видимо, только в период наиболее активной ганзейской торговли в Новгороде, когда дворы посещало много купцов, староста двора не мог справиться со всеми делами конторы и поэтому появилась необходимость в должности старосты церкви св. Петра. Перед вступлением на должность старосте зачитывалась скра, чтобы он знал, чем ему руководствоваться в своей деятельности (IV, 116).

Главной обязанностью старост св. Петра было сохранение права церкви, всех привилегий и посланий городов, за утрату которых староста присуждался к уплате 50 марок штрафа и лишению прав члена двора. В обязанности старосты церкви входило также запечатывание воска специальной печатью св. Петра, за передачу которой другому лицу он должен был уплатить 10 марок штрафа (IV, 99). Старосты св. Петра принимали от купцов клятву соблюдать все постановления скры (IV, 90) и вместе со старостами двора запрещали отъезд купцам, находившимся друг с другом в ссоре и не уладившим раздор (IV, 82).

Староста св. Петра выполнял некоторые функции старост двора во время их отсутствия, например назначал досмотрщиков сукна и воска, а не выполнивший этой обязанности платил штраф в 10 марок (IV, 103). Вообще, отказ от обязанностей старосты церкви или невыполнение таковых наказывался штрафами от 10 до 50 марок и лишением прав двора (IV, 19, 69, 91, 99, 101, 103, 116).

Привилегии старост церкви св. Петра состояли в освобождении от платы за жилье, а в случае оскорбления их назначался штраф в 10 марок серебра.

Наряду со старостами двора и церкви св. Петра в XV в. в ганзейской конторе в Новгороде появились новые должности, причины возникновения которых рассмотрены в разделе III книги. Речь идет о должности управляющего, или начальника двора (Vorstender), и приказчика двора (Hovesknecht). Должность управляющего впервые упоминается в 1422 г., в дальнейшем этот термин встречается в документах все чаще²³. Управляющие заменяли старост двора во время их отсутствия и выполняли их функции. Уже по V и VI скре должности управляющего и старосты равнозначны.

Должность приказчика двора появляется в период фактического перехода руководства ганзейской конторой в руки ливонских городов и впервые упоминается в документах в 1409 г.²⁴ Впоследствии на протяжении всего XV в., вплоть до закрытия двора в 1494 г., эта должность постоянно встречается в переписке двора, из которой многих приказчиков мы знаем по именам. Она была учреждена для ведения всех хозяйственных дел двора, за что приказчик в качестве вознаграждения имел право продавать напитки и содержать трактир.

Первоначально приказчик был подчинен старосте двора и еще в 1442 г. не мог заменять его или управляющего, выполнявшего функции старосты. Однако постепенно значение этой должностиросло и со временем приказчик стал основным лицом в администрации двора и успешно заменял старост и управляющего в их отсутствие. Приказчиков двора обычно назначал Дерпт, ближайший из ливонских городов к Новгороду и занимавшийся всеми хозяйственными делами конторы.

Термин Hovesknecht появляется только в V и VI редакциях скре, где в одной из статей подтверждается право приказчика принимать на себя обязанности старост двора в их отсутствие (VI, 2). О заботах приказчика по сохранению порядка во дворе, восстановлению церкви и дворов после частых новгородских пожаров рассказано в разделе III книги.

Кроме главных административных должностей существовали еще фогты, выполнявшие роль старост комнат, где жили купцы. Скре предписывала в каждой комнате выбирать своего фогта, который, в свою очередь, выбирал себе двух помощников (причем выбирать фогта должны были и купцы, живущие вне дворов). За отказ от должности фогта нужно было уплатить 1 марку штрафа. Фогт со своими помощниками назначал ответственных за отопление, освещение в комнатах, за порядок в подклете (где, вероятно, хранились товары), за порядок в самом спальном помещении. Каждую субботу фогты проводили свои судебные заседания и имели право присуждать купцов к штрафу в 15 кун. За неподчинение распоряжениям фогта общее собрание купцов

²³ HUB, VI, № 413.

²⁴ HUB, V, № 888.

назначало штраф в 1 марку серебра. Оскорбление фогта и его помощников каралось штрафом также в 1 марку (IV, 36, 37).

Как видно, вся административная система иноземных дворов в Новгороде была хорошо организована, продумана до мелочей и, видимо, безотказно действовала во времена активной торговли Ганзы с Новгородом. С сокращением числа приезжавших в Новгород ганзейских купцов эта сложная многоступенчатая система управления не оправдывала себя, так как не хватало людей для распределения между ними всех административных должностей. Поэтому постепенно вместо привычных в XIII—XIV вв. старост появились заменившие их управляющий и приказчик двора.

К середине XV в. заведенные в конторе порядки постоянно нарушались, особенно молодыми людьми. Они наряду с приказчиком вели торговлю спиртными напитками в розлив, играли в азартные игры, оставались во дворе на длительный срок и т. д. В связи с этим города решили повысить ответственность должностных лиц конторы, обязав их отчитываться в своей деятельности перед ними. Старосты и другие, ответственные за порядок в конторе, должны были докладывать магистрату одного из ливонских городов, насколько строго и верно они соблюдали скру и осуществляли контроль за выполнением ее постановлений и за порядком во дворе. Если их деятельность не получала положительной оценки, они платили штраф в 10 марок серебра. В связи с этим ливонским послам, отправлявшимся в Новгород в 1465 и 1468 гг., была дана инструкция: «поскольку скра в Новгороде уничтожается и не соблюдается, то послы имеют полномочия и ответственность скру в Новгороде улучшать, помещая в нее по своему усмотрению и соответственно со сложившейся обстановкой статьи, которые они (послы. — *Е. Р.*) признают служащими общему благу, чтобы немецкое купечество привести тем самым в повиновение и поддерживать хорошее управление им»²⁵.

Наряду с административными во дворе было несколько других лиц, призванных обслуживать купцов. Главной фигурой среди них был священник, основная обязанность которого состояла в проведении богослужения. Поначалу, в XII—XIII вв. и первой половине XIV в., во время действия первых редакций скры, священника привозили купцы. Следовательно, они сами приглашали по своему усмотрению человека на эту должность. Специальная статья древнейшей скры была посвящена содержанию священника во дворе. Во-первых, никто не мог привозить священника за счет двора св. Петра, но зимние гости должны были содержать священника только во время пути в Новгород и обратно, а по прибытии в Новгород ему выдавали из казны св. Петра 50 марок с тем, чтобы он сам мог себя содержать. Однако летние гости обязаны были оплачивать священника сами, как по пути в Новгород и обратно, так и во время его пребывания во дворе. Не возбранялось ни зимним, ни летним

²⁵ HR, II, 5, № 587, § 5, 7. HR, II, 6, № 62, § 4, 5.

гостям дополнительно оплачивать священнику какие-либо услуги, которые он оказывал купцам (например, писание писем).

Священник, прибывший с новым «поездом» (все равно зимних или летних гостей), занимал место священника, уже находившегося во дворе, и все живущие там обязаны были обращаться только к новому священнику.

С общей переменой в середине XIV в. управления и вообще всей жизни иноземных дворов в Новгороде священника стали назначать на год поочередно Любек и Висбю. Жалование ему выдавалось из казны св. Петра в размере 10—12 марок, кроме того, он имел бесплатное питание, получал в качестве приплаты мех и дополнительно по полмарки на проезд в Новгород и обратно.

С переходом руководства ганзейской конторой в Новгороде к ливонским городам последние стремились взять в свои руки и назначение священника, что вызвало резкий протест Любека и Висбю²⁶.

Кроме его непосредственных обязанностей священнику обычно поручалось писание писем, причем письма от имени двора он писал бесплатно, а частные — за определенную плату. Священник объявлял об общем собрании (IV, 19), ему же передавались ключи от церкви, если отсутствовали старосты св. Петра и его помощник. Он занимал во дворе отдельную спальню, в которой разрешалось отвешивать серебро плавильщикам серебра (IV, 45). Очевидно, комната священника использовалась для этих целей потому, что его присутствие гарантировало честность операций.

Известно о пребывании во дворе специального переводчика, которого IV скра упоминает в связи с размещением в его спальне еще шести купцов; в V скре есть статья, определяющая плату переводчику за его услуги в 8 гривен серебра и не меньше (V, 112). К сожалению, подробных сведений об условиях работы переводчиков в конторе источники не содержат. Судя по решениям городских съездов 1402 и 1405 гг., о переводчике заботились сами города, именно они указывали немецкому купечеству в Новгороде, когда оплатить работу переводчика или дать ему отпуск в связи с бесполезностью его пребывания в конторе. Вероятно, переводчик не всегда требовался во дворе, поскольку среди купцов постоянно находилась группа молодых людей, приезжавших в Новгород специально для обучения русскому языку. Видимо, они в случае необходимости и выполняли обязанности переводчиков. Их возраст не должен был превышать 20 лет, что оговорено статьей скры (IV, 92).

Согласно скре для проверки различных товаров, особенно воска и сукон, назначались досмотрщики, т. е. лица, устанавливающие доброкачественность товаров. Порядки осмотра воска и сукон были строгие: купцы, не представившие для осмотра свои товары, платили штраф в 10 марок серебра, а если они оспаривали реше-

²⁶ Глава III, с. 66—68.

ния досмотрщиков, то также присуждались к штрафу в 10 марок (IV, 56, 58, 75). В 1405 г. была установлена должность досмотрщика вина и медового напитка.

Находились во дворе и ливцы серебра, портной, пекарь, пивовар. До XV в. пиво варили по очереди сами купцы, при этом разрешалось варить его только на Немецком дворе (IV, 114).

Главным законодательным органом конторы было общее собрание (*meypen stevene*) всех присутствующих во дворе купцов под председательством старост двора и св. Петра или заменяющего их управляющего двора. Собрание обсуждало все важнейшие дела двора: здесь зачитывались письма городов, сообщения послов, вершился суд в торговых и уголовных делах. Общее собрание утверждало постановления фогтов. За неявку на собрание полагался штраф, по I—III скре, в 5 кун, а в некоторых случаях — в 10 кун; по IV скре, штраф увеличился до 1 марки серебра.

Все принятые собраниями решения непременно записывались в специальную книгу (*denkebok*), а новые юридические постановления сначала отправлялись для утверждения в города и только в случае их одобрения включались в скру. Некоторые важные постановления вывешивались для всеобщего обозрения. Здесь же на лестнице вывешивались имена новгородских купцов, с которыми по тем или иным причинам запрещалось торговать. Ганзейские города просили сообщать им эти имена, чтобы бойкотировать названных новгородцев там, где они появятся²⁷.

Вся жизнь двора была строго регламентирована постановлениями скры. Немецкое купечество в Новгороде постоянно заботилось об охране дворов и церкви от пожаров и от всяких посягательств со стороны русских. Уже в I редакции скры имелись постановления об охране дворов и церкви (I, 7), полностью перешедшие во вторую и третью редакции. Согласно этому постановлению дворы охранялись и днем и ночью всеми купцами без исключения; в церкви дежурили только ночью. Для охраны содержались собаки, которых на ночь спускали с цепей. За уклонение от дежурства по охране двора или церкви назначался штраф 1 марки кун, за неявку на охрану виновный платил марку серебра. Специально оговаривалось, что «держать стражу» двора обязаны были наравне с морскими и сухопутные гости. В III скре было добавление о том, что несовершеннолетние не привлекались к охране двора.

IV скра гораздо подробнее обсуждает вопросы охраны и безопасности двора и церкви, придавая им первостепенное значение: большинство постановлений об этом помещено в самом начале скры. На ночь в церковь отправляли двух сторожей, которые не должны быть братьями, компаньонами или помощниками од-

²⁷ HR. I, 5, № 69. При урегулировании конфликта между новгородскими и ганзейскими купцами в 1436 г. в договоре было записано: «а кто из русских у немцев записан на лестнице, тех с лестницы снять и торговать с ними по старине». — ГВНП. № 67.

ного купца; нарушение этого правила каралось солидным штрафом в 10 марок. Они обязаны были закрыть все церковные окна и запереть изнутри дверь на засов. За каждое незакрытое окно и незапертую дверь назначался штраф в 1 марку. Если сторожа оставляли непогашенной свечу в церкви, они платили штраф в 10 марок (IV, 2). Это постановление, несомненно, было принято во избежание пожаров. В тех же целях штрафовалось использование в церкви свечи без подсвечника.

Вторая часть статьи была посвящена дневной охране церкви, которую следовало запираить на замок, а ключи отдавать старосте св. Петра, или его помощнику, или священнику. За вынос ключей от церкви с территории двора назначался штраф в 10 марок, а если ключи мог увидеть какой-нибудь новгородец, то виновный в открытом ношении ключей платил штраф в 1 марку (IV, 2).

Сторож, стоящий днем у церкви, обязан был следить не только за тем, чтобы двери церкви были закрыты, но и чтобы никто из русских не входил в нее и даже не ступал на крыльцо. Если сторож допускал это, то платил соответственно штраф в 10 и в 1 марку серебра (IV, 2).

В одной из статей IV скры (49) подробно перечислялись обязанности лица, отводившего в церковь ночных сторожей. Если кто-то случайно оказывался запертым в церкви, должен был уплатить штраф в 10 марок (50).

Другая статья определяла очередность ночного дежурства в церкви, которое обязаны были нести все купцы, живущие во дворе и вне его. Строгие правила охраны двора и церкви не только ночью, но и днем были вызваны тем, что днем во двор приходили русские купцы, ведшие торговлю с немцами, поэтому важно было уберечь от их глаза находящиеся во дворе товары. Их присутствие во дворе строго ограничивалось определенными помещениями, в которых немецкие купцы предлагали свои товары в обмен на русские. В определенный час давался сигнал о закрытии двора, после которого каждый немец должен был проводить русских партнеров по торговле, затем сторож спускал собак (IV, 54).

Все купцы, прибывающие в Новгород, должны были платить налог (Schoß) с привезенного товара. Первые три скры при назначении налога различали зимних и летних гостей, а также морских и сухопутных. Если зимние гости платили со 100 марок стоимости товара 1 фердинг, то летние — только половину фердинга; сухопутные гости в обоих случаях платили половину налога, который давали морские гости.

Во всех последующих редакциях скры налог устанавливался одинаковым для всех купцов независимо от способа их приезда в Новгород (морем или сушей) и времени прибытия (зимой или летом). Во всех случаях со 100 марок товара следовало уплатить 1 фердинг, соответственно с 50 марок — полфердинга. Кто имел товара на меньшую сумму, должен был платить с каждой марки товара 1 куну (IV, 76). В V и VI редакциях скры статья о налоге была дополнена постановлением, согласно которому налог должен


 ir is die sra uan nougarden.
 at si wetelic unde open
 bare alle den genen. !
 dhe nie sin. unde hir
 na comen solen. dhe dhesse sra
 sen vñ horen. dhat uan ganceme
 rade. vñ eneme gemenen wilore.
 dher wisten uan allen steden.
 van dhudische lande. Recht
 dhat uan aneginne gehalten is
 un gewesen heuer in dheme ho-
 ne dher dhudisten to nougarden
 bescreuen is. al dus to haldende

Скра Немецкого двора. Фрагмент

был вручаться обоим старостам двора, не имеющим права при-
 нимать его в одиночку, и сразу быть помещенным в специальный
 ларь св. Петра, от которого каждый староста имел свой ключ
 (V, 131; VI, 49). Вероятно, это добавление было направлено про-
 тив возможных злоупотреблений по утаиванию налога.

Кроме налога на товары устанавливалась также плата за про-
 живание во дворах (своего рода плата за наем жилья). I—III ре-
 дакции и здесь определяли разную сумму для зимних и летних
 гостей: первые платили 1 фердинг, вторые — 1 марку кун (ст. 9).
 По IV и V скре, плата за проживание в Немецком дворе равнялась
 1 фердингу независимо от продолжительности пребывания в нем.
 Для тех, кто останавливался на Готском дворе в течение 6 недель,
 она равнялась 1 золотнику еженедельно, для проживающих там
 больше этого срока — 1 фердингу (IV, 76). Согласно VI скре в
 XVI в. купцы, приезжавшие с товарами, платили 18 денег за жилье,
 а те, кто привозил с собой собаку, которая служила на пользу ку-

печеству, освобождались от платы за жилье (VI, 49). В это время плата за проживание не зависела ни от времени пребывания в Новгороде, ни от того, в каком дворе, Немецком или Готском, купец останавливался. За жилье платили, как следует из постановлений скры, только самостоятельные купцы. Ученики купцов и их помощники не платили, но и не имели особых прав на отдельное место во дворе. Если купец привозил больше двух помощников, он должен был сам заботиться об их размещении (IV, 30). Еще строже по отношению к ученикам была VI скра, согласно которой они, при отсутствии мест во дворах, должны были спать на полу, «под кроватями» (VI, 19).

Собранный с товаров налог, плата за жилье, разнообразные штрафы, которым подвергались купцы во время пребывания во дворах, составляли общественную казну конторы, использовавшуюся для нужд двора: приобретения необходимого инвентаря и предметов для службы в церкви св. Петра, для ремонта колоколов и церкви, оплаты священника (в XIV—XVI вв.) и других целей. Остаток общественной суммы согласно постановлению трех первых редакций скры отправлялся на Готланд, где хранился в церкви св. Марии в особом сундучке, ключи от которого находились в Любеке, Висбю, Дорпмунде и Зёсте. В дальнейшем, как известно, ключ от сундука с казной находился в Риге, которую в 1360 г. Любек просил отправить его в Новгород с тем, чтобы купечество могло использовать казну по своему усмотрению. Со второй половины XIV в. казна хранилась в церкви св. Петра.

Начиная с середины XIV столетия сохранилось немало документов, свидетельствующих, что часть общественной казны св. Петра шла на покрытие посольских расходов. Все посольства, направляемые в Новгород для решения разных спорных вопросов и заключения торговых соглашений с ним, должны были оплачиваться самими купцами. В частности, на посольство 1371 г. Любек субсидировал 1000 марок, которые впоследствии требовал от ливонских городов и немецких купцов в Новгороде²⁸. На посольство 1392 г. Любек израсходовал 1684,5 любекской марки²⁹, также значительную сумму истратил Висбю на это посольство, который еще спустя 20 лет после этого посольства требовал от немецких купцов ее возврата³⁰.

Для возмещения расточительных расходов по организации посольства 1392 г. и восстановления дворов после пожаров 1385 и 1399 гг. и вообще возобновления конторы после долгих лет торговой войны на ливонском съезде 1392 г. было принято решение увеличить налог еще на 1/4 процента и взимать с каждых 100 марок не 1 фердинг (1/4 процента), а полмарки серебра (т. е. 1/2 процента). Новый налог следовало собирать до тех пор, пока не

²⁸ LUB, III, № 1074.

²⁹ HR, I, 4, № 417.

³⁰ LUB, V, № 2020, 2414.

будут компенсированы расходы любчан, готландцев, всех ливонских городов, а церковь и дворы отремонтированы³¹.

Немецкому купечеству в Новгороде было предписано дважды в год посылать собранный налог и отчет о расходах в Дерпт; далее ливонские города должны были делить присланную сумму между пятью городами (Любеком, Висбю, Ригой, Ревелем и Дерптом) согласно той сумме, которую каждый из них истратил на дела купцов³².

В 1403 г. новгородская контора, отправляя часть собранного налога в Дерпт, решительно заявила, что в дальнейшем налог будет употребляться только на строительство церкви и восстановление конторы³³. Этот шаг немецкого купечества был вполне оправдан, так как в это время купцов в Новгород приезжало немного, дворы после пожаров были разрушены и неоткуда было взять деньги на их восстановление.

В дальнейшем казна двора св. Петра пополнялась плохо. Постоянные пожары требовали возобновления хотя бы элементарной ограды вокруг дворов и укрепления стен и сводов церкви, чтобы было где хранить товары, что стоило немалых средств. В казне конторы их почти никогда не было, и она вынуждена была брать в долг деньги на самые необходимые нужды. В связи с этим на общем собрании немецких купцов в Новгороде в 1423 г. было высказано предложение не делить остатки налога, а помещать их в ливонских городах, чтобы дворы освободились от долгов³⁴. В ответ на это общеганзейский съезд просил прислать отчет о финансовой деятельности за прошедшие 20—30 лет с указанием, сколько за это время было получено взносов и сколько истрачено на строительство, чтобы окончательно решить эту проблему³⁵. Впоследствии вопрос о налоге не раз обсуждался на ливонских и ганзейских съездах. В частности, в 1453 г. на съезде в Любеке был поднят вопрос о сборе средств, необходимых для организации посольства в Новгород³⁶.

Ни в русских, ни в ганзейских источниках нет прямых указаний, как и где велась торговля в Новгороде с иноземцами, многочисленные сведения из постановлений городских съездов, переписки двора, статей скры дают возможность, хотя бы в общих чертах, восстановить способ и характер торговли. Очевидно, что

³¹ HR, I, 4, № 47.

³² HR, I, 5, 27.

³³ Ibid., № 113.

³⁴ HR, I, 7, № 568.

³⁵ Ibid., № 609, § 13.

³⁶ HR, II, 4, № 96, § 24. «А что касается расходов, то, поскольку у купечества в Новгороде не собраны деньги, заморские города полностью согласно с посланцами ливонских городов, что начиная с предстоящей пасхи в течение одного года нужно брать со всех ввозимых товаров со 100 любекских марок до 1 фердингу, а шкипера должны давать со своего груза. Когда этот год пройдет, то ливонские города должны написать магистрату Любека, сколько они собрали за этот год и по этим данным нужно рассчитывать расходы. А названные деньги честно хранить до вышепозванного съезда».

новгородско-ганзейская торговля была меновой и оптовой, впрочем, как и вообще вся средневековая торговля. Известно, что ткани продавались поставами, запечатанными специальными пломбами³⁷, соль — мешками, мед, вино, сельдь, цветные металлы — бочками³⁸. Даже такие мелкие штучные товары, как перчатки, нитки, иголки, которыми разрешалось торговать ученикам купцов в клетях, должны были продаваться дюжинами, сотнями, тысячами штук (IV, 33). Русские товары также закупались большими партиями: воск — кругами, меха — сотнями шкурок. Вместе с тем розничная торговля, судя по некоторым данным, также имела место. В 1416 г. новгородское вече объявило запрет на ведение розничной торговли немецкими купцами. В отчете ливонских послов о переговорах с Новгородом в 1436 г. содержится просьба, чтобы и в будущем «немцам было разрешено вести мелкую торговлю, где они могут, как это было раньше»³⁹. Видимо, немецким купцам в прежние времена было разрешено вести торговлю в розницу, но в XV в., с общим ужесточением торговых правил со стороны русских, такая торговля была запрещена, о чем купцы жаловались немецким городам.

Поскольку торговля была оптовой, то купцам не было необходимости выходить со своим товаром на рынок. Судя по статьям скры, основным местом торговли был иноземный двор, куда приходили русские, чтобы договориться о сделках и забрать товар (IV, 54, 61, 62). Немецкие купцы приобретали новгородские товары также непосредственно на усадьбах русских партнеров. В скре говорится, что купцу нельзя выходить на покупку с братом, компаньоном или своим помощником, но обязательно с другим купцом. Выбранный товар нельзя было забирать в течение трех дней, пока не было получено согласия другого купца, с кем отправлялись на покупку (IV, 60).

Особенно строго следила скра за соблюдением менового характера торговли, т. е. наличный товар за наличный товар («gade um gade»). Впервые запрет брать что-либо в долг у русских появился еще во II и III редакциях скры. В 1318 г. на общем собрании купцов в Новгороде было принято решение, категорически запрещающее торговлю в кредит под угрозой конфискации товара, купленного таким незаконным способом (IV, 94). В дальнейшем это правило постоянно возобновлялось и включалось во все редакции скры (V, 3; VI, 10; VII, III, 3). Торговля в кредит не раз обсуждалась на городских съездах, и всякий раз она решительно запрещалась под угрозой потери товара и доброго имени купца. Вместе с тем постоянное возобновление правила торговли «налич-

³⁷ См.: Рыбина Е. А. Товарные пломбы из Турнэ в Новгороде — СА, 1981, № 1.

³⁸ На усадьбах богатой посадничьей семьи Мининичей Ошчифоровичей в большом количестве были найдены дюнца бочек с геометрическими знаками, отражающими западноевропейскую систему знаков собственности. В этих бочках оставался в Новгород ганзейский товар.

³⁹ LUB, IX, № 80, § 49.

ный товар за наличный товар» свидетельствует, что оно также постоянно нарушалось купцами. Известны конкретные случаи торговли в кредит: например, в 1406 г. двор жаловался в Ревель, что два ревельских купца торгуют с русскими в кредит⁴⁰. В связи с этим в 1407 г. на съезде городов было принято очередное решение, что, бы при торговой сделке оба товара (покупаемый и продаваемый) были налицо («один товар рядом с другим») и поставлять их нужно было не иначе как через порог⁴¹. В XV в. это правило продолжало нарушаться, что заставило города усилить меру наказания. В 1453 г. было вынесено постановление, карающее за торговлю в кредит «высшей мерой без всякого снисхождения»⁴².

Условия проживания немецких купцов в Новгороде определялись, с одной стороны, интересами ганзейского купечества и принятым во дворе порядком, с другой — зависели от взаимоотношений с купцами и жителями Новгорода и от распоряжений новгородских властей. Ганзейские города всегда стремились к монопольной торговле с Новгородом и поэтому старались исключить, какую бы то ни было конкуренцию не только со стороны неганзейских купцов, но и внутри самого ганзейского товарищества. В частности, срок пребывания в Новгороде был ограничен одним сезоном, т. е. зимним или летним периодом. Правда, предусматривались возможные задержки купцов, но и в этом случае максимальный срок пребывания во дворах не должен был превышать одного года и дня, в противном случае купец лишался права посещать контору (IV, 87). Точно так же была ограничена стоимость ввозимых товаров тысячей марок и не больше. Купец, нарушивший это правило, лишался товара, который переходил во владение двора; кроме того, виновному запрещалось впредь привозить свой товар в Новгород (IV, 86). Эта мера была вызвана заботой о сохранении стабильных цен на ганзейские товары. Только в критической ситуации, когда ганзейская торговля стала приходить в упадок, города разрешили повысить стоимость товаров до 1500 марок.

Скра строго регламентировала не только весь распорядок жизни и быта немецких купцов, но и само ведение торговли. Особенно этим отличались IV и последующие редакции, содержащие разнообразные статьи о правилах торговли воском, мехами, тканями, вином, пивом⁴³.

Что касается новгородских условий, то они определялись стремлением Новгорода держать под контролем немецких купцов и, кроме того, обеспечивать доход новгородцам. Отъезд немецких купцов из Новгорода целиком зависел от воли города, так как им было предписано пользоваться услугами только новгородских посылщиков при переносе товаров во дворы и обратно. Кроме того, ганзейские суда не поднимались по Волхову в Новгород, а оставались в устье Невы или у порогов, где происходила перегрузка

⁴⁰ LUB, IV, № 1704.

⁴¹ HR, I, 5, № 370, 371.

⁴² HR, II, 4, № 96, § 27.

⁴³ См.: Приложение.

товаров в новгородские ладьи, управляемые новгородскими лощанами. Это правило, считает Гетц, облегчало новгородцам возможность задержания немецких купцов в Новгороде в случае необходимости, чем они неоднократно пользовались на протяжении всего периода торговли с Ганзой. Сначала плата за переноску товаров была строго определена договором 1269 г.: 15 кун на Немецкий двор, 10 кун — на Готский. В IV скре плата за разгрузку товаров устанавливалась в 15 кун и не больше. Однако в XV в. новгородские носильщики самовольно назначали цены за разгрузку и погрузку товаров, что вызывало постоянные нарекания со стороны ганзейцев. Кроме того, немецкие купцы были недовольны тем, что не имели права сами переносить свой товар, как это было заведено в ганзейских городах⁴⁴.

Что касается регулирования юридических взаимоотношений между иноземными гостями и новгородцами, то, судя по нормативным источникам, разрешение споров в торговых делах целиком находилось в компетенции тысяцкого и купеческих старост. В частности, в «Рукописании князя Всеволода» говорится: «А яз князь великий Всеволод поставил есмь святому Ивану 3 старосты: от белых людий и от черных тысяцкого, а от купцев 2 старосте, правляти им всякаа дела торговаа Иваньскаа и гостинаа; Мирославу посаднику в то не вступатися, ни иным посадникам Иваньское ни в чтоже, ни боярам новгородским»⁴⁵. В статьях договора 1269 г. отмечается, что «кончать ссору» между немцами и новгородцами следует во дворе св. Ивана (церковь Иоанна Предечи на Опоках) перед тысяцким⁴⁶. Только пристав тысяцкого имел право приглашать провинившиеся стороны на суд.

Немецкие купцы также постоянно настаивали на том, чтобы место купеческого суда было во дворе св. Ивана и нигде в другом месте, «перед тысяцким и двумя старостами немецкими»⁴⁷. Дело в том, что на практике торговые споры часто приводили к столкновениям и конфликтам, влекущим за собой нарушения не только торгового, но и уголовного законодательства, а в этом случае требовалось вмешательство новгородских властей. Совокупное указание буквально всех договорных грамот Новгорода с западными контрагентами начиная с древнейшей, конца XII в., и кончая документами XV в. свидетельствует, что в разборе конфликтных дел новгородцев с иноземцами активно участвуют высшие власти Новгорода, включая князя или княжеского наместника, посадника тысяцкого. О том же говорят и донесения ганзейской конторы, содержащиеся описания конкретных конфликтов.

⁴⁴ Одна из тем переговоров 1436 г. касалась новгородских носильщиков: первую очередь мы (послы. — *Е. Р.*) говорили о носильщиках, которые переносят товары со двора и на двор. Носильщики принуждают купцов, чтобы платили им то, что носильщики требуют, и что бедные купцы не имеют права ни переносить свое имущество». — *IUB*, IX, № 80, § 2, 49.

⁴⁵ НПЛ, с. 508. См. также комментарий к этому документу в кн.: Российское законодательство, т. 1. М., 1984, с. 274—275.

⁴⁶ ГВНП, № 31, с. 60.

⁴⁷ *HUB*, II, № 569, § 8.



ИНОЗЕМНЫЕ ДВОРЫ В НОВГОРОДЕ В XVI—XVII вв.

После присоединения Новгорода в 1478 г. к Московскому государству город еще долгое время не утрачивал своего значения торгового центра Северо-Западной Руси. Сохранялись, хотя и значительно сократившиеся, его связи с Ганзейским союзом, контора которого продолжала существовать в Новгороде в XVI в. В 1603 г. Любек выговорил право иметь собственный торговый двор в Новгороде.

Образование единого Русского государства способствовало расширению старых и налаживанию новых торговых связей с другими европейскими странами, стремившимися к ведению свободной торговли в России и устройству в ее городах своих факторий. Новгород, унаследовавший от времен независимости прочные торговые отношения с Западной Европой и хорошо организованную систему торговли, привлекал внимание иностранных купцов нового времени. В течение XVI в. неоднократно возникал вопрос об организации здесь Шведского и Датского дворов. Кроме иностранных, существовали в это время в Новгороде и дворы русских купцов — Псковский и Тверской.

Шведский двор

Сохранилось немало документов, по которым история Шведского двора в Новгороде восстанавливается достаточно полно и подробно. Большая часть их опубликована в нескольких сборниках¹. Некоторые данные по истории Шведского двора в Новгороде

¹ Русско-шведские экономические отношения. М.—Л., 1960 (далее — РШЭО); Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. Москва—Стокгольм, 1978 (далее — Экономические связи...). Об истории Шведского двора см. также Рыбина Е. А. Шведский двор в Новгороде в XVII в. — В сб.: Русский торговый двор в Новгороде в XVII в. — Новгородский исторический сборник. вып. 6. М., 1983, с. 75—90; Паскольский И. П. О деятельности Шведского гостиного двора в Новгороде в XVII в. — Новгородский исторический сборник. вып. 2 (12). Л., 1984, с. 188—202.

извлеченные из Стокгольмского архива, содержатся в обзоре, шестивенном Г. В. Форстенем еще в конце прошлого века². Значительно недавно в ЦГАДА были обнаружены интересные материалы по истории Шведского двора в 1656 г.³

Согласно источникам история Шведского двора в Новгороде начинается в XVI в., когда находившийся в России швед Эрих Туссон сообщал в 1508 г. в Швецию, что великий князь московский не уступит шведам Немецкий двор в Новгороде. Однако этот двор так и остался в ведении ганзейских купцов, а шведам пришлось долгие годы добиваться разрешения на устройство своего торгового двора в Новгороде.

В 1526 г. шведский посол Флемминг добавил к договору, заключенному в Новгороде, статью о том, что шведским купцам разрешается иметь свой двор в Новгороде⁴. В Тязвинском мирном договоре, подписанном в 1595 г., также была статья об устройстве торговых дворов шведов в Москве, Новгороде и Пскове, причем текста договора следовало, что шведские дворы и прежде существовали в России: «Также свейского королевства подданным купцам в Москве, в Новгороде, в Пскове и в иных местах в Русской земле, которые дворы и огороды за ними были со всеми их землями с поволностью даны будут, а в которых местах дворов за ними не было и тем бы дворы беззаборно даны были, где им товары класть»⁵.

По Столбовскому миру, заключенному в 1617 г. после прожитой русской-шведской войны, в Москве, Новгороде и Пскове устраивались торговые дворы шведских купцов. В статье, относящейся к Новгороду, говорилось, что там шведские купцы и перед сего... имели вольный торговый двор», т. е. предполагалось, что уже в XVI в. в Новгороде был Шведский двор. Между тем нет ни прямых, ни косвенных свидетельств о существовании такого двора⁶. Возможно, в Тязвинском и Столбовском договорах имелись в виду не собственно шведские дворы, а дворы новгородских посадских людей, на которых шведы останавливались со своими товарами.

После заключения Столбовского мира, в котором почти не нашло отражения вопросы торговли, между русским правительством и шведскими послами велись длительные переговоры о порядке ведения торговли между государствами. Важнейшим результатом

См.: Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине в. (1648—1700). — ЖМНП, 1898, № 2, 4, 5.

Новые материалы о шведском дворе в Новгороде. — Подг. Е. А. Рыбина. — Географический ежегодник за 1982 г. М., 1983, с. 264—268.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по годам), ч. VI. М., 1902, с. 117.

Цит. по: Цветаев Д. В. Вероисповедное положение протестантских в России в XVI—XVII вв. М., 1885. Приложение X, с. 45.

Подробную аргументацию по этому вопросу см. в работе И. П. Шаскольской «Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским царством» (М.—Л., 1964, с. 99—100).

этих переговоров стала жалованная грамота 1618 г., данная русским царем шведским купцам. В ней обуславливалось право шведов на ведение свободной торговли в Русском государстве, устройство гостиных дворов для шведских купцов, определялись их права и обязанности⁷.

Что касается Новгорода, то место для Шведского двора по этой грамоте отводилось в нем на Софийской стороне: «... в Земляном городе или на посаде, где пригоже... а вдоль тех мест ...велено дати по 30 сажень, а поперег 20 сажень». Однако гостинный двор шведов на Софийской стороне так никогда и не был устроен. Судя по документам, поначалу шведские купцы, не имея собственного двора, останавливались с товарами у новгородских посадских людей на Торговой стороне. В 1620 г. шведский купец Троклос пытался даже купить у новгородца Истома Демидова, жившего на Рогатице, его усадьбу для устройства там двора «на приезд» себе и другим шведским купцам до тех пор, пока не будет устроен специальный Шведский гостинный двор⁸.

Сохранилось донесение новгородского воеводы в Посольский приказ в Москву об этом деле. Вообще, в 1620 г. велась интенсивная переписка между новгородскими воеводами и царем о выборе места для строительства Шведского торгового двора в Новгороде. Вероятно, к этому времени шведские купцы стали постоянно бывать в Новгороде, что вызывало необходимость скорейшего устройства для них гостиного двора. В этом были заинтересованы и новгородские власти, так как тогда им было бы легче следить за соблюдением правил торговли и собирать пошину. Кроме уже упомянутой отписки о дворе Истома Демидова, посланной в феврале, обширная записка была послана воеводой Д. И. Мезецким относительно пропуска шведских купцов в Москву и предоставления им гостиного двора на Торговой стороне, так как шведы отказывались ставить свой двор на Софийской стороне, а просили готовые дворы на Торговой⁹. Ответом была грамота из Посольского приказа от 15 марта о том, что шведы должны ставить себе двор на Софийской стороне, а если они этого не сделают, то не разрешать им останавливаться у новгородцев, потому что «тем посацким людем теснота»¹⁰.

Несмотря на такое вполне конкретное указание в начале мая 1620 г. новгородский воевода посылает более подробную отписку о необходимости устройства Шведского двора¹¹. В начале документа пересказывается содержание полученной в марте царской грамоты, после чего воевода излагает существо дела во всех дета-

⁷ См.: там же, Приложение 2.

⁸ Экономические связи..., № 7. В описи Новгорода 1617 г., составленной сразу после заключения Столбовского мира, среди дворов на Рогатице улице упоминается двор торгового человека Истома Демидова.

⁹ Там же.

¹⁰ РИШЭО, № 4, помета к грамоте на с. 30, а также примечание на с. 556.

¹¹ Там же, № 8.

х. Шведские купцы упорно отказывались от места, отведенного на Софийской стороне, потому что после войны там почти не осталось построек¹². Ставить двор на пустом месте они не хотели, просили устроить гостиный двор для них на Торговой стороне. С издавна был Торг и где удобно было вести торговлю. Построить Шведский торговый двор в Новгороде было совершенно необходимо, замечал воевода, потому что многие мелкие товары шведские купцы, приезжая в Новгород и останавливаясь на новгородных подворьях, утаивают или продают тайно, отчего «в пошлинах убыль». Что касалось торговли русских купцов в шведских владениях, то им у посадских людей останавливаться не разрешали, ставили на гостином дворе и собирали с них постоялое и пошлина за все товары.

В конце отписки воевода просил царя прислать указ, где ставить шведам двор, на Софийской или на Торговой стороне. При этом он еще раз подчеркивал, что на Софийской стороне шведы жить не хотят. Вероятно, новгородские власти не возражали против строительства Шведского гостинного двора на Торговой стороне, но без царского указа не смели дать соответствующее решение.

В ответ из Москвы 14 мая была послана грамота¹³, в которой подчеркивалось, что ставить двор шведов на Торговой стороне нельзя, потому что это было бы нарушением мирного договора. Там же вновь указывалось, что если шведы не поставят себе двор на Софийской стороне, то не разрешать им останавливаться на Торговой стороне у новгородцев. В этой же грамоте был дан ответ на запрос о дворе Истома Демидова. Шведским купцам царь не разрешал его продавать, а велел продать, если в этом возникнет необходимость, «иных земель торговым немцом». В конце грамоты было постановлено ставить Шведский двор на Софийской стороне вскоре. И все-таки вновь новгородский воевода обратился к царю в конце июля 1620 г. с тем же вопросом, потому что шведы, несмотря на постоянные отказы царя, на Софийской стороне свой двор не выжили и не собирались ставить¹⁴. Новгородский воевода писал, что поскольку на Софийской стороне шведы строить двор не хотят, а на Торговой и впредь не разрешат останавливаться у новгородских посадских людей, то шведские купцы вообще перестанут приходить в Новгород с товарами, отчего государевой казне будет убыток. И снова воевода просил уже в который раз царского указа, где поставить в Новгороде Шведский гостиный двор, вероятно, надеясь, что царь учтет создавшееся положение и разрешит ставить его на Торговой стороне. Однако царь был неумолим, о чем

¹² Действительно, в описи 1617 г. указывалось, что «на Софийской стороне их 24 двора, а жильцов в них 25 человек; тяглых 40 дворов, а жильцов в них 4 человек. Да в 4-х дворах в тяглых живут вдовы, тяглы не тянут. А опричь на Софийской стороне дворов нет, вся Софийская сторона стоит пуста».

¹³ Экономические связи ... № 9.

¹⁴ Там же, № 11.

свидетельствует посланная в Новгород в начале августа 1620 г. грамота. В ней вновь было отказано устраивать Шведский двор на Торговой стороне, потому что это было бы против мирного договора, и, кроме того, подчеркивалось, что «поступитца немцом в малом, не устоять будет и в великом». Вместе с тем царь велел «товаров смотрити и беречи крепко в таможене и во дворах, чтобы пошлина не пропадала»¹⁵.

Постоянные запросы новгородского воеводы царю в течение нескольких месяцев 1620 г., несмотря на совершенно определенные категоричные и аргументированные отказы, несомненно, свидетельствуют, что действительно в Новгороде были готовы уступить шведам и дать им место для двора на Торговой стороне и надеялись убедить царя. Об этом говорит отписка воеводы 1623 г.¹⁶, в которой в очередной раз докладывалось о нежелании шведов ставить двор на Софийской стороне, потому что «она пуста и от Торгу далеко». Далее в этой отписке воевода писал, что если царь разрешит строить Шведский гостиный двор на Торговой стороне, то расходы по его устройству обойдутся примерно в 100 рублей. Новгородские власти даже подсчитали примерную стоимость строительства двора и только ждали царского разрешения.

К сожалению, мы не знаем, как развивались события в первой половине 20-х годов, так как документы с конца 1620 г. и вплоть до 1626 г. не сохранились. Во всяком случае Шведский двор на Софийской стороне так и не был устроен, а из уже упомянутой отписки 1644 г. ясно, что в 1624 г. в Новгороде была получена царская грамота (вероятно, ответ на запрос 1623 г.), разрешающая строительство Шведского гостиного двора на Торговой стороне¹⁷. Сама грамота не сохранилась, но ее содержание, так же как и отписка воеводы 1623 г., пересказано в документе 1644 г., посланном в Москву в связи с восстановлением Шведского двора после пожара. В частности, в царской грамоте 1624 г. было указано «свейским торговым немцом поставити на торговой стороне дворец, где будет пригож, смотря на их приезд, как им мочно уставицца, а товары свои устраивать»¹⁸.

Далее в отписке 1644 г. упоминалось, что тогда же, в 1624 г., по царскому указу прежний новгородский воевода и дьяки отвели место для Шведского двора на Торговой стороне, «где наперед сего бывали мясные ряды, меж Николы Чюдотворца, что на дворищах, а меж Ивана Крестителя, что у Немецкого двора, а зделан

¹⁵ Экономические связи..., № 11, помета к грамоте на с. 30.

¹⁶ Содержание этого документа пересказано в отписке новгородского воеводы, отправленной в Москву в октябре 1644 г. — Экономические связи..., № 50.

¹⁷ Вероятно, все предшествующие годы новгородские воеводы убеждали царя разрешить устройство Шведского двора в Новгороде на Торговой стороне и доказывали выгодность этого предприятия, в результате чего царь в конце концов дал свое согласие.

¹⁸ Экономические связи..., № 50, с. 85.

был тот немецкой двор со всем во сто пятнадцать рублей»¹⁹. В конце отписки сообщалось, что грамота 1624 г. сгорела при пожаре 1635 г., когда горела государева съезжая изба. Очевидно, тогда же погибли и другие документы 20-х годов относительно шведской торговли в Новгороде, которые хранились в этой избе. Во всяком случае следующее сообщение о Шведском дворе в Новгороде известно только из записи переговоров шведских послов с русским правительством в 1626 г. об условиях торговли для шведских подданных в России. Судя по этой записи, Шведского двора в Новгороде еще не было, так как русские представители в ответ на претензии шведских купцов отвечали, что «только б государя вашего торговые люди похотели себе двory ставить на Москве и в Новгороде, и им места очищены, и двory себе на тех местах ставить и ныне привольно»²⁰. Далее говорилось, что в Новгороде место дано на Софийской стороне, несмотря на то что уже существовала царская грамота 1624 г., разрешающая устройство Шведского двора на Торговой стороне. Вероятно, в Посольском приказе не сохранилось никаких документов об этой грамоте и русские послы ссылались в переговорах со шведами только на жалованную грамоту 1618 г. Возможно также, что русские послы сознательно ссылались только на этот документ в связи с тем, что шведы требовали себе больших привилегий в торговле, чем было дано по жалованной грамоте.

Точной даты постройки Шведского двора в Новгороде неизвестно, однако в марте 1627 г. он уже был организован, так как в отписке новгородского воеводы И. В. Оболенского, посланной в Посольский приказ в марте 1627 г. Шведский двор упоминается как существующий: «... велели мы, холопи твои, на немецком на гостином дворе у свейских торговых немец быти для береженья новгородскому помещику Богдану Голованову»²¹. Следовательно, между апрелем 1626 г., когда велись переговоры, и мартом 1627 г. Шведский двор в Новгороде был построен. Как и предполагали новгородские воеводы еще в 1620 г., строительство Шведского двора обошлось русской казне в 115 рублей.

Конкретные топографические указания на место Шведского двора имеются в отписке новгородского воеводы Г. И. Морозова, посланной в Москву в октябре 1644 г. В ответ на запрос царя, где находился Шведский двор до пожара 1633 г., новгородский воевода и дьяки писали, что «немецкое дворовое место смежно с Никольским протопопом, всего промеж ими три сажени; а по другую сторону от того дворового места до церкви Николая Чюдотворца, что на дворище, и святые Пятницы по двадцати сажени, по третью сторону от Большой Пробойной улице, от мосту, от того дворового места восемь сажени, а по четвертую сторону

¹⁹ Там же. Подробно вопрос о месте Шведского гостинного двора в Новгороде будет рассмотрен ниже.

²⁰ Экономические связи..., № 12, с. 31.

²¹ Там же, № 15, с. 34.

до церкви Иоанна Крестителя десять сажен. И всего того немецкого дворового места кругом в длину и поперег восемьдесят сажен, со всех четырех сторон по двадцати сажен»²².

Несмотря на такие точные топографические данные, И. П. Шаскольский, много занимавшийся взаимоотношениями, особенно торговыми, между Россией и Швецией в XVII в., почему-то считает, что Шведский двор находился между Никольским собором и церковью Иоанна на Опоках²³, хотя в документах последняя ни разу не упоминается. Более того, в примечании к документу, в котором пересказывается отписка 1644 г., он писал, что «Шведский гостинный двор стоял на Ярославовом дворище между собором Николы на дворище, церковью Параскевы-Пятницы на «Торгу» и церковью Ивана на Опоках. Поскольку все эти здания существуют до сих пор, место, занимавшееся Шведским двором, может быть установлено без большого труда на городском плане и в натуре»²⁴. Нам же представляется как раз весьма трудным поместить Шведский двор между названными тремя памятниками, поскольку все они находятся примерно на одной линии и, кроме того, церковь Иоанна на Опоках значительно удалена от двух других церквей.

Между тем существует план Новгорода XVII в., сделанный шведом Э. Пальмквистом, на котором обозначены и места иноземных дворов того времени: Шведского и Любского²⁵. Хотя этот план, снятый при помощи глазомерной съемки, не вполне точен, участки, занятые иноземными дворами, определены в нем достаточно верно и вполне согласуются с указаниями письменных источников.

Необходимо отметить, что, когда шведы просили устроить двор на Торговой стороне, они никогда не упоминали о прежнем Готском дворе, о котором к XVII в. не сохранилось никаких воспоминаний. Шведский двор XVII в. хотя и находился неподалеку от прежнего Готского двора, однако на совершенно другом месте. Поэтому высказанное нами ранее предположение, что Шведский двор XVII в. занял территорию Готского двора²⁶, считаем ошибочным.

Имея конкретные письменные данные о размерах Шведского двора и о расстояниях, отделявших его со всех четырех сторон от соседей, можно совершенно точно определить местоположение двора в Новгороде в XVII в. и его площадь. Сажень, которой измерялись размеры Шведского двора, составляла, вероятно, 216 см.

²² Там же, № 50, с. 85.

²³ См.: Шаскольский И. П. Устройство шведских гостиных дворов в городах России после Столбовского мира 1617 г. — В кн.: Скандинавский сборник, вып. X. М., 1965, с. 87.

²⁴ РШЭО. Прим. с. 566.

²⁵ См.: Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. МИА, № 31, М., 1952, с. 40—41.

²⁶ См.: Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV веков. М., 1978, с. 151.

так как к тому времени, о котором идет речь в документах (к середине XVII в.), во всей России применялась сажень в 216 см.

Следовательно, от Никольского собора и церкви Параскевы Шведский двор отстоял более чем на 43 м (216×20), от церкви Иоанна Крестителя у Немецкого двора было 50 саженей (20 саженей от Никольского двора до Шведского двора, 20 саженей — одна из сторон двора, 10 саженей от него до церкви Иоанна Крестителя), т. е. 108 м. Остатки фундамента церкви Иоанна Крестителя, обнаруженные при археологических исследованиях летом 1975 г., были удалены от Никольского собора как раз примерно на 100 м. Кроме того, на плане Г. Охлопкова 1723 г. отмечена и церковь Иоанна Крестителя у Немецкого двора, расстояние от которой до Никольского собора по этому плану составляет именно 50 саженей.

Таким образом определены восточная и западная границы Шведского двора. На севере он был удален примерно на 17 м (216×8) от мостовой Большой Пробойной улицы, иначе Славной. С южной стороны гостиный двор шведов был ограничен дворовым местом никольского протопопа, и между ними было всего лишь около 6,5 м (216×3) (см. рис. 1).

Определив границы Шведского двора, можно установить и площадь всей его территории. Как указано в документе, каждая из четырех сторон равнялась 20 саженям, т. е. 43 м 20 см. Следовательно, территория, занятая Шведским двором, составляла 18 666 кв. м и примерно равна была площади новгородских боярских усадеб времен независимости.

Судя по обнаруженной в архиве росписи двора 1656 г., на этой площади размещались жилые постройки с амбарами для товаров, а также специальные сени для товаров с чуланами, амбарами, чердаком; некоторые из этих построек соединялись переходами. Кроме того, на дворе находились поварня, пивоварня, баня, колодец, погреб, возле которого размещались конюшня с шестью стойлами и сенником наверху, крытый навес для возов с товарами. Был во дворе и небольшой яблоневый сад (21 дерево). Двор был окружен тыном, в котором имелись большие «створистые» и малые ворота²⁷.

Статус Шведского гостиного двора в Новгороде и в других городах был определен жалованной грамотой 1618 г. и в какой-то степени походил на статус прежних иноземных дворов в Новгороде. Шведский двор в Новгороде имел полную автономию, все его постройки принадлежали Швеции; на территории двора можно было строить любые здания, кроме церкви. Запрет на строительство католических церквей в шведских дворах в России был обусловлен еще Столбовским миром и во всех последующих документах постоянно возобновлялся.

Шведские купцы были полновластными хозяевами на представленном им дворе. В качестве дворников и других служителей

²⁷ Новые материалы о шведском дворе в Новгороде.

здесь должны были быть только шведские купцы; они не были подвластны суду местных властей, и только в исключительных случаях (убийство, воровство, грабеж), в которых были замешаны купцы из Швеции или их слуги, Посольский приказ в Москве и местные власти Новгорода и Пскова имели право расследовать дело и судить виновных.

Шведский двор в Новгороде, построенный, вероятно, во второй половине 1626 г., просуществовал сравнительно недолго. В 1633 г. он сгорел²⁸, после чего снова на долгие годы затянулась переписка между шведским и русским правительствами и новгородскими воеводами о месте, отведенном для восстановления двора. Уже в первых числах августа 1634 г. в Посольский приказ было отправлено большое письмо шведского посла о жалобах купцов на условия торговли в Новгороде и Пскове, среди которых была и жалоба о том, что местные власти не разрешают ставить Шведский гостинный двор на месте сгоревшего, «а хотят на ином неугожем месте строить»²⁹.

Ответом на эти жалобы были царские грамоты, посланные новгородскому и псковскому воеводам, о строгом соблюдении условий торговли для шведских купцов в России. В частности, в грамоте, отправленной из Посольского приказа в Новгород 31 октября 1634 г., было сказано, чтобы Шведский двор в Новгороде ставили на старом месте, где он стоял прежде по царскому указу.

Несмотря на довольно быстрое решение вопроса царем, еще спустя семь лет после царской грамоты шведский двор в Новгороде восстановлен не был. Из челобитной шведского резидента Крузбиорна, поданной царю в начале февраля 1642 г., известно, что в это время Шведский двор в Новгороде все еще не возобновлен и «от пожара пуст»³⁰. На его место претендовали новгородцы, просившие царя раздать им участок двора. В июне 1642 г. в Новгород была послана царская грамота, приказывавшая строить Шведский двор на прежнем месте, а всем челобитчикам, претендовавшим на этот участок, отказать³¹. Однако в Новгороде не спешили выполнить царский указ, так как было не ясно, на средства какой казны, русской или шведской, восстанавливать двор.

Очередная царская грамота, в которой вновь подтверждалось право шведов устраивать себе двор на старом месте, была отправлена в Новгород в августе 1644 г.

Не сохранились документы или хотя бы косвенные свидетельства о том, почему так долго не восстанавливался в Новгороде Шведский двор. Только некоторые более поздние документы позволяют предположить, что новгородцы сами были заинтересованы в использовании территории Шведского двора под свои нужды

²⁸ См.: Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII в. — В кн.: Русское летописание. М., 1979, с. 278.

²⁹ РИЦО, № 58, ст. 4.

³⁰ РИЦО, № 85.

³¹ ЦГАДА, ф. Сношения России со Швецией. 1642, № 2, л. 49—51.

(в частности, здесь была устроена конская площадка, где собирали конную пошлину) и чинили поэтому шведам препятствия.

Кроме того, новгородцы жаждали справедливости и равноправия в устройстве русских дворов в Швеции и шведских в России. Узнав о царских указах ставить Шведский двор на старом месте (т. е. вблизи Ярославова Дворища), новгородский пятиконецкий староста с товарищами обратился с челобитной в Новгородскую приказную избу, где писал, обращаясь к своему государю, что шведам царь разрешил строить двор «на том же месте, где оной-де двор был устроен на Ерославле дворище, на том же месте, где был твой государев двор меж соборных церквей в самых рядах и в жилом месте. А у них, государь, во всех городех, нам, твоим государевым русским людям, устроены двory за городом на пустых местах». Поэтому новгородцы просили царя также и шведам устроить гостинный двор в Новгороде за городом³².

Между тем в Новгород уже прибыл шведский подданный для устройства двора на старом месте. Однако несмотря на имевшееся царское распоряжение новгородские власти отказали ему и решили написать еще один запрос царю. Эти действия новгородцев заставили шведского резидента в России вновь обратиться с челобитной к царю о строительстве Шведского двора на прежнем месте, против Любского двора³³; с аналогичной просьбой резидент обращался в Москву в 1645 г.

Наконец, в августе 1645 г. новый царь Алексей Михайлович посылает новгородскому воеводе Урусову грамоту³⁴, в которой подробно пересказывалась история переписки между царем и новгородскими воеводами о месте Шведского двора и о челобитных шведских резидентов. В ней вновь излагалось содержание грамоты 1624 г., разрешавшей строительство гостиного двора шведов на Торговой стороне. В конце грамоты новый царь приказывал новгородским властям без промедления строить двор для шведских купцов на том месте, где он был устроен до пожара 1633 г. Лес и другие необходимые материалы для строительства покупать «повольною торговлею», т. е. беспошлинно. Следовательно, на этот раз Шведский двор устраивался на средства шведской казны, что подтверждается документом 1649 г., в котром сказано, что «в Новгороде свейской гостин двор строен королевина же величества казною»³⁵.

Получив разрешение ставить двор на старом месте, шведы спешили быстрее закончить его строительство, надеясь, что с воцарением Алексея Михайловича для них наступят лучшие времена. Из обзора шведских архивных документов, сделанного Г. В. Форстенем, известно, что по окончании работ шведский резидент

³² РШЭО, № 89.

³³ Экономические связи ... № 51.

³⁴ РШЭО, № 90.

³⁵ РШЭО, № 103, § IX.

А. Эберс отправил своему правительству полный отчет о расходах на строительство двора и план самого двора³⁶.

Сообщение об уже действующем Шведском гостинином дворе в Новгороде находим в документе 1648 г.³⁷ Тогда по царскому указу в новгородской земской избе были собраны новгородские купцы для того, чтобы рассказать о всех своих обидах и жалобах и о несоблюдении шведскими властями условий торговли. Среди прочего новгородские купцы выразили недовольство тем, что шведам гостинный двор устроен «среди города у торгу», а не за городом и что на этом дворе безвыездно живет шведский подданный Адольф с женой и ведет мелкую розничную торговлю, в то время как русским купцам в Стокгольме такая торговля запрещена.

В дальнейшем, вплоть до 1656 г., никаких сведений о Шведском гостинином дворе в Новгороде не сохранилось. Начавшаяся в 1656 г. война между Россией и Швецией прекратила всякие торговые сношения между государствами, а Шведский двор со всеми его постройками перешел в собственность России. 30 июня 1656 г. была послана новгородскому воеводе царская грамота из Москвы, в которой было приказано перевести шведских купцов на другой двор, подальше от церквей и торговых рядов, поставить к ним «крепкую сторожу», купеческие товары оценить, переписать и запечатать. Все эти указания были выполнены, кроме того, новгородский воевода И. А. Голицын велел выбрать из новгородских посадских людей подходящего человека для «береженья» Шведского двора, пока он не будет отдан в чье-нибудь распоряжение³⁸.

Из черновика отписки новгородского воеводы патриарху Никону узнаем, что освободившийся Шведский двор просили себе «в припуск для пространства» архимандрит Иверского монастыря с братией, чье подворье находилось рядом со Шведским двором, а сам «монастырский двор весь огнил и жить не в чем». Торговые люди и плотники оценили Шведский двор в 95 рублей, о чем новгородский воевода уведомил патриарха. В ответ было получено «благословение» передать двор Иверскому монастырю, а деньги за него отправить в Новгород с новгородским человеком Артемием Ивановым и, как только тот прибудет в Новгород, «взять у него эти деньги и положить в казну, а двор отдать Иверскому монастырю»³⁹. При передаче Шведского двора Иверскому монастырю, очевидно, была составлена подробная роспись всех построек двора с перечислением окон, печей, с указанием размеров дворовых строений. Документ этот чрезвычайно важен для истории Шведского двора, так как является единственным сохранившимся сви-

³⁶ См.: Форстен Г. В. Указ. соч. — ЖМНП, 1898, № 2, с. 213.

³⁷ РШЗО, № 96.

³⁸ Новые материалы о шведском дворе в Новгороде.

³⁹ Там же. Личное участие Никона в передаче Шведского двора Иверскому монастырю, в выплате денег за двор объясняется тем, что монастырь являлся резиденцией патриарха.

детельством, составленным в тот момент, когда все постройки двора были целы. Расписи двора, сделанные после окончания русско-шведской войны, фиксируют уже запущенное состояние двора, когда многие постройки пришли в негодность.

В 1658 г. между Россией и Швецией было заключено перемирие, а в 1661 г. подписан Кардисский мирный договор, по которому шведам возвращались их гостиные дворы в русских городах, в том числе и в Новгороде⁴⁰. Так, в мирном договоре 1661 г. записано: «... под те торговые дворы отвести им подлинные места, в которых преж сего под дворы им места буде не отведены и им повольным быти на тех местах строить...»

Однако, поскольку вопросы торговли в мирных договорах практически не затрагивались, в марте 1662 г. состоялись переговоры между русскими и шведскими послами по урегулированию торговых отношений между государствами⁴¹. Русское правительство гарантировало беспрепятственную торговлю шведским подданным в России и возвращение им отобранных во время войны гостиных дворов. Аналогичных действий оно требовало и от шведской стороны.

По окончании переговоров из Посольского приказа в Москве были посланы соответствующие распоряжения во все города, связанные торговыми отношениями со Швецией. В марте 1662 г. была отправлена грамота новгородскому воеводе о возвращении шведским купцам их гостиного двора под расписку. Причем если во дворе были выстроены какие-то здания на русские средства, то следовало взять со шведов стоимость этих построек; если, напротив, какие-то шведские постройки оказывались попорченными, то предписывалось вернуть шведам убытки и доложить обо всем царю⁴². Известно, что отписка из Новгорода была послана в мае 1662 г., и, хотя она не сохранилась, не приходится сомневаться, что в Новгороде были готовы выполнить царский указ, так как же в начале 1663 г. туда прибыл для приема двора шведский приказчик О. Баркузен⁴³.

Передать Шведский двор было поручено новгородскому дворянину Семену Охлебаеву, который составил подробный перечень всех хозяйственных и жилых построек на дворе, отметив в них утраты и поломки⁴⁴. В свою очередь, шведский приказчик написал расписку о приеме двора, также отметив в ней те постройки, которые требовали ремонта⁴⁵. Судя по описи Охлебаева и расписке Баркузена, утраты на Шведском дворе были значительными: в большинстве построек не доставало окон, была сломана часть печей, сгнили некоторые деревянные части построек, был засорен

⁴⁰ РШЭО, № 128, 136.

⁴¹ Там же, № 138, 139.

⁴² Экономические связи..., № 69.

⁴³ Там же, № 73.

⁴⁴ РШЭО, № 151.

⁴⁵ Экономические связи..., № 74.

колодец, во многих местах сломан забор, крытый навес также весь поломан. И, как написал в конце своей описи Охлабаев, «в хоромах на дворе все засорено гораздо». Никаких других построек, поставленных на дворе новыми владельцами, не было.

На основании этой описи и расписки Баркузена новгородский воевода И. Б. Репнин-Оболенский отправил в первой половине февраля 1663 г. отписку в Посольский приказ, в которой сообщал, что Шведский двор, отданный по царскому указу и повелению патриарха в 1657 г. Иверскому монастырю, он забрал обратно и передал с распиской шведскому приказчику, который тоже составил перечень поломок и недостающих деталей во дворе. В связи с этим воевода писал, что в новгородской приказной избе не сохранился документ о передаче Шведского двора Иверскому монастырю и поэтому неизвестно, в каком состоянии двор был передан монастырю. Воевода не знал, восстанавливать ли поломанные постройки за счет государевой казны или за счет Иверского монастыря, и просил прислать по этому поводу указ⁴⁶. Уже в конце февраля в Новгороде была получена грамота, по которой царь велел все постройки Шведского двора восстановить за счет государевой казны⁴⁷. Из сообщений шведского приказчика узнаем, что в 1664 г. из царской казны было передано 150 рублей на восстановление Шведского двора.

Шведский двор возобновил свою деятельность лишь в мае 1664 г., так как О. Баркузен был отозван для участия в Плюских переговорах, после чего заболел, и только в мае вернулся в Новгород⁴⁸.

Переговоры между русскими и шведскими послами велись на реке Плюссе в октябре—декабре 1663 г. и вторично в июле—октябре 1666 г. по урегулированию спорных вопросов в торговле. В ответ на письма шведских послов в отношении шведских гостиных дворов в русских городах русские послы заявляли, что «те дворы, в которых они преж сего жили, по договору им отданы со всяким строением...»⁴⁹.

Совсем мало документов сохранилось о Шведском дворе в Новгороде в последней четверти XVII в. Все сведения относятся к 1684 г., когда встал вопрос о необходимости обновления построек двора.

В мае 1684 г. велись переговоры между русскими и шведскими послами по некоторым спорным вопросам в русско-шведских отношениях, в том числе и касающихся торговли. В частности, шведские послы докладывали, что Шведский двор в Новгороде весь обвалился и сгнил и на его восстановление присланы из королевской казны деньги, а новгородские власти требуют пошлину с этих денег. Послы обращались к русскому царю с прось-

⁴⁶ РШЭО, № 150.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 96, л. 52—53.

⁴⁸ Экономические связи..., № 79.

⁴⁹ РШЭО, № 184.

бой не брать в этом случае пошлину⁵⁰. Отметим, что речь шла о возведении каменных построек на дворе. Новгородские воеводы проявили здесь полную самостоятельность, поскольку в Посольском приказе не было получено от новгородских воевод ни одной отписки по этому поводу и дьяки Посольского приказа в Москве не знали о проявленной новгородцами инициативе.

Во избежание осложнений в русско-шведских отношениях в Новгород была послана царская грамота, в начале которой излагалась жалоба шведов на взимание незаконной пошлины, а в конце указывалось: «с медных денежных плотов, буде присланы... на строение свейского двора, и с покупки, что он на тое плоты торгового свейского двора строение купит, пошлин не имать». Одновременно царь велел своим воеводам строго следить, чтобы на эти деньги шведы не покупали других товаров беспошлинно и не отвозили их за рубеж⁵¹. Эта грамота была действительно для всех последующих новгородских воевод и бояр.

Шведский двор в Новгороде просуществовал, как и остальные гостиные дворы шведов в России, до начала Северной войны, когда он был передан в собственность Русского государства.

Сохранились некоторые документы, свидетельствующие о судьбе Шведского двора в Новгороде в XVIII в. В 1731 г. в связи с предстоящей перепланировкой Новгорода учеником архитектуры Г. Охлопковым был составлен проект застройки Торговой стороны, в котором наряду с предлагаемой автором новой планировкой была показана и старая сетка улиц с обозначением дворовых участков. Среди них имелся участок с каменным строением, названный «её императорского величества старый каменный дворец». Топография и размеры участка полностью совпадают с местоположением Шведского двора XVII в. Следовательно, сохранившаяся до 1731 г. каменная постройка, известная в это время как императорский старый дворец, была остатком каменных сооружений Шведского двора, возведенных в 1684 г. В материалах 1745—1748 гг. о ремонте Воеводского двора сохранилось описание этой постройки, имевшей в длину чуть больше 20 м, а в ширину — около 10 м.

Датский двор

Впервые упоминания о Датском дворе в Новгороде появляются в документах 1516 г., когда датчане претендовали на место Готского двора в Новгороде⁵², но ганзейским купцам удалось сохранить право владения Готским двором в своих руках. Однако уже в следующем году датчане получают от великого князя жалованную грамоту, по которой им разрешалось иметь собственные дворы в Новгороде и Ивангороде. В русском варианте по сравне-

⁵⁰ Там же, № 260.

⁵¹ Там же, № 264.

⁵² См. раздел III книги, с. 82.

нию со списком, хранящимся в Копенгагене, имеются существенные подробности, из которых следует, что Василий III разрешил датским купцам не только построить торговые дворы в Новгороде и Ивангороде, но и иметь на них свои храмы и священников⁵³. По этой грамоте место для Датского двора в Новгороде отводилось на Торговой стороне вблизи Волхова, стороны участка составляли 60 сажень в длину и 30 сажень в ширину, что значительно превышает размеры других иноземных дворов в Новгороде. Однако в первой половине XVI в. Датский двор в Новгороде так и не был устроен.

Возобновление переговоров о строительстве датских дворов на Руси относится к началу 60-х годов XVI столетия, когда в 1562 г. Иван Грозный подписал грамоту с Фридрихом II о постройке датских дворов в России и русских дворов в Копенгагене и на Готланде⁵⁴. Согласно этой грамоте церковей на дворах ставить не разрешалось; это отражало негативное отношение правительства Ивана Грозного к католической церкви. Указанная грамота долгое время являлась основой во всех последующих переговорах России с Данией.

Русский двор в Дании вскоре был устроен, и, чтобы ускорить строительство датских торговых дворов в России, Иван IV издал 4 ноября 1563 г. новый указ об отведении датским купцам места для строительства их торговых дворов в Новгороде и Ивангороде. Однако отношения между Россией и Данией вскоре осложнились и Датский двор опять не был построен.

Вопрос о Датском дворе в Новгороде вновь возникает в начале XVII в. в царствование Бориса Годунова, который в 1603 г. сообщал датскому королю, что он пожаловал датских людей торговыми дворами в Новгороде и Ивангороде. Однако политическая обстановка в России и в Новгороде в начале XVII в. сложилась крайне неблагоприятно для устройства иноземных дворов: наступило Смутное время, началась польско-шведская интервенция. В 1611 г. Новгород был оккупирован шведскими войсками, и только в 1617 г. был подписан мирный договор между Россией и Швецией. В связи с указанными событиями не было осуществлено строительство Датского двора в Новгороде.

Только в 1637 г. датское правительство через своего посла снова обращается к царю с просьбой о разрешении датским купцам торговать на Руси и иметь дворы в Новгороде и Пскове. Для выяснения вопроса об устройстве датских дворов в этих городах из Москвы были посланы запросы в Новгород и Псков: стояли ли там раньше датские дворы? Из Пскова пришел отрицательный ответ, а донесение новгородского воеводы не сохранилось. Лишь в августе 1641 г. датским послам сообщили, что русский царь позволил датчанам купить и поставить по одному двору

⁵³ РИБ, т. XVI, № 9. См. также: Цветаев Д. В. Протестантизм и протестанты в России до эпохи преобразования. М., 1890, с. 132.

⁵⁴ РИБ, т. XVI, № 20, 90.

в Новгороде и Пскове⁵⁵. Однако это разрешение так и не было реализовано и Датский двор в Новгороде не был построен.

Что касается **Английского двора**, то имеется косвенное свидетельство того, что английская торговая компания владела в Новгороде (примерно с 60-х годов XVI в.) собственным двором, однако царской грамотой 1587 г. это право не подтверждено⁵⁶.

Наряду с торговыми дворами иностранных купцов в XVI в. в Новгороде находились и гостиные дворы русских купцов из других земель. Известно о существовании здесь Псковского и Тверского дворов, сведения о которых сохранились в писцовых и лавочных книгах конца XVI в., а также в некоторых актовых материалах.

Время возникновения **Псковского двора** в Новгороде точно неизвестно. Во всяком случае, в начале XV в. он уже существовал, что зафиксировано показаниями летописи о пожаре княжеского двора в 1406 г.: «Погоре князь дворъ на Торговой стороне от Гоцкаго двора до Плесковьскаго»⁵⁷. Старый Псковский двор упоминается и в лавочных книгах, в которых указано расстояние от Великого ряда до старого Псковского двора, равное 40 саженьям⁵⁸. Этими скудными фактами исчерпываются сведения источников о Псковском дворе в Новгороде раннего периода. Учитывая местоположение княжеского, Готского дворов и Великого ряда, можно предположить, что Псковский (старый) двор находился с северной стороны Ярославова Дворища.

Во второй половине XVI в. Псковский двор был устроен на Лубянице неподалеку от Волхова, что засвидетельствовано в писцовых книгах: «В Плотенском конце на Лубянице отъ реки от Волхова по правой стороне: двор Федоровской Катунина. И тот двор подошел под гостин под Псковский двор»⁵⁹. Точная дата устройства нового Псковского двора неизвестна, но в таможенной грамоте 1577 г. сказано, что псковичи и немцы должны ставиться со своими товарами на своих дворах⁶⁰. Сохранилось описание этого Псковского двора в лавочных книгах: «Двор гостинной Псковской, а на нем 4 горнице на подклетех от реки от Волхова до других ворот, что ко Льяному ряду по правой стороне 24 анбара на подклитех, а по левой стороне 17 анбаров на подклитех; да от реки от Волхова до других ворот 30 саж. с лохтем»⁶¹.

⁵⁵ См.: Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты..., с. 170.

⁵⁶ Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862, с. 19, 22, 37.

⁵⁷ НПЛ, с. 399.

⁵⁸ Лавочные книги Великого Новгорода 1583 г. Пред. и ред. С. В. Бахрушина. М., 1930, с. 110.

⁵⁹ Цит. по: Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911, с. 222.

⁶⁰ ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 298, с. 361.

⁶¹ Лавочные книги..., с. 92.

Тверской двор известен в Новгороде только с XVI в. Очевидно, он был устроен в 1578 г., поскольку именно в этот год, как сообщает писцовая книга, на Иванской улице были отведены дворы новгородцев «под гостин Тверской двор»⁶². Он предназначался не только для купцов Твери, но и других городов, так как в его описании говорится: «Двор гостиной Тверской, а ставятца на нем гости из всяких городов». Здесь же подробно описаны постройки двора, среди которых было 46 амбаров на подклетах, 3 жилые горницы с сенями, 3 избы и каменная палата, которая к моменту составления описи двора была уже разрушена⁶³. Другие свидетельства о дворах русских купцов в Новгороде неизвестны, но и перечисленные достаточно определенно отражают торговую жизнь Новгорода XVI в.

В истории иноземных дворов, находившихся в Новгороде на протяжении XII—XVII вв., нашла отражение внешнеторговая политика Новгородской феодальной республики и Русского централизованного государства, а также политическая ситуация, складывавшаяся в этот период в балтийском регионе.

Длительное существование иноземных дворов в Новгороде — свидетельство сохранения традиций раннего средневековья во внешней торговле России, органически пронизывавших всю жизнь страны в XVII в., с одной стороны, и зримое весомое доказательство значительной роли Новгорода во внешних сношениях России вплоть до XVIII в. — с другой.

Можно надеяться, что изучение истории иноземных дворов в Новгороде будет полезным и для понимания общих закономерностей развития международной торговли в средневековье.

⁶² Греков Б. Д. Опись Торговой стороны в писцовой книге по Новгороду Великому. СПб., 1912, с. 12.

⁶³ Лавочные книги..., с. 91—92.



IV Schra¹

IV скра.

Пер. И. Э. Клейненберга¹.

1

1

Desse schra scal men lesen, also dicke
it nutte dunket wesen, unde scal sich na
lessen dichten to allen tiden richten.

Эту скру нужно читать так часто,
как покажется это необходимым, и ру-
ководствоваться ее предписаниями во
все времена.

2

2

Weten scolten alle de ghene, de desse
scrift sen unde horen lesen, dat des
hofes olderman² unde sine wisesten³ un-
de de mene dudesche copman, de do to
Nougarden weren, des to rade worden
in ener meynen stevene, dat men sal
olden al kerken recht unde des hofes
recht unde al sante Peters recht, et si
siene eder grot, also et van olders is en
recht unde en sede gewesen.

Знать должны все те, кто эту грамо-
ту видит и слышит ее чтение, что ста-
роста двора² и его помощники³ и объ-
единенные немецкие купцы, которые
были в Новгороде, решили на общем
собрании, что нужно соблюдать все цер-
ковное право и право двора и все пра-
во св. Петра, будь то в мелочах или
в крупных делах, как это было исста-
рым правом и обычаем.

To den ersten: dat nene twe brodere
to samene scolten slapen in der kerken,
dat nene twe kumpane van gelde⁴, oc nen
nesterman⁵ sal laten slapen in der ker-
ken twe knechte⁶ bi X marken⁷. Vort-
mer worden de kerkenslepers entslapen-
ge unde leten en lecht bernen, dat be-
weyn worde, de breken X mark, Oc verge-
sen se de vinstere open, en juwelich vins-
ter is I marc, unde den bom⁸ vor de dore
to legghende, bi I marc.

Во-первых, не должны спать в церк-
ви [для ее охраны ночью] ни два бра-
та, ни два складника⁴, также не дол-
жен самостоятельный купец⁵ посылать
спать в церковь двух [своих] подруч-
ных⁶, [иначе] штраф 10 марок⁷. Далее,
[если] эти ночные сторожа заснут и
оставят горящей свечу, что будет за-
мечено, они платят штраф в 10 марок.
Также, [если] забудут открытыми ок-
на, то за каждое окно 1 марка штра-
фа, а не закроют двери брусом⁸, штраф
1 марка.

C. Vortmer, de vor der kerken sta-
te beware se also, dat he in nenen sca-
len daraf en come; wante were, dat en
Russe queme uppe den ersten sten, dat
were ene marc, in de kerken, dat were
I marc.

C. Далее, тот, кто стоит перед цер-
ковью [сторожем] тот должен охранять
ее так, чтобы не понести от этого убыт-
ка; если случится, что русский взойдет
на первый камень [ступени], это бу-
дет [для караульного] одна марка
штрафа, [если русский войдет] в цер-
ковь, штраф будет 10 марок.

C. Vortmer, weme de kerke boret to
utene, vorgghete he jenich slot oppen,
dat bevunden worde, de breke X marc.

C. Далее, если тот, кому положено
запирать церковь, забудет какой-нибудь
замок незапертым, что будет обнару-
жено, тот платит 10 марок штрафа.

C. Vortmer weret sake, dat jenich man
de slotete droge uteme hofe, de breke
I marc.

Далее, если случится, что кто-нибудь
вынесет ключи со двора, тот платит
10 марок штрафа.

C. Weret oc sake, dat en de slotete
droghe openbare, dat jenich Russe seghe,
de breke I marc.

C. Если также случится, что кто-то
носит ключ открыто, так что [их] уви-
дит какой-нибудь русский, тот платит
1 марку штрафа.

C. Vortmer scal men de slotete ant-
forden deme oldermanne eder sime kne-

C. Далее, нужно вручать ключи ста-
росте или его подручному⁹. Если же

chte⁹. Were oc nen olderman in deme hofe, so solde men se antworten deme prestere.

C. Vortmer de gut in de kerken sloge unde de dore rorde eder de uppe demerise¹⁰ leghe, dat were ene marc.

Vortmer neman ga mit lichte ane luchten in de kerken, bi I marc.

3

Vortmer welich man gut bringet, et si winter eder somer, de rumet also he vordest mach, wan he it in sleit, unde bringet up des sulven dages, bi I marc.

4

Vortmer weret, dat jemanne de line feylede, unde dat stucke untfelle, dat were ene marc.

C. Weret oc sake, dat jeman de packen hasteliken nedersloge, dat behort worde, dat were oc I marc.

C. Vortmer sloge jeman ene packen uppe de treppen, also men geit uppe de Morneweges kameren¹¹ eder uppe dat nye werk, dat were I marc.

5

Och en sal men nen spinsal noch linwant leggen eder schere maken, dar de packen plegen to stande, noch nenerleye dinch, bi I marc.

C. Bleue oc jenich stro ligghen na spinsale eder na linwande, dat were ene marc.

6

Vortmer verghete jeman jenich dink open des nachtes, dat were I marc. Och neman make mer schere den ene, bi I marc.

7

Vortmer, de was kopet, de settet bi de muren bi I marc; Stunde oc jenich slottunne in der stede, de solde he enwech setten. Spreke dar jeman weder, de solde broken hebben I marc.

во дворе не окажется старосты, то нужно вручить их священнику.

C. Далее, кто поместил товар в церкви так, что он касается дверей или лежит на железе¹⁰, за это будет одна марка штрафа.

Никому не ходить со свечой без подсвечника в церковь, штраф I марка.

3

Далее, каждый человек, который приносит товар, зимой или летом, [должен] разобрать его по возможности быстро; если он его не сложит и не занесет [на место хранения] в тот же день, штраф I марка.

4

Далее, если у кого-нибудь веревка не выдержит и [несомый] предмет упадет, это будет одна марка штрафа.

C. Если случится, что кто-нибудь так поспешно сбрасывает тюки, что это будет слышно, то штраф также I марка.

C. Далее, сбросит кто-нибудь тюк на лестницу, по которой поднимаются в комнату Морнвега¹¹ или на новую пристройку, штраф I марка.

5

Также нельзя складывать пряжу и полотно или делать перегородки там, где обычно стоят тюки, и никакие [другие] предметы [не помещать там], штраф I марка.

C. Оставит кто-нибудь лежащей солому после [распаковки] пряжи и полотна, то штраф одна марка.

6

Далее, [если] забудет кто-то какой-нибудь предмет на ночь, то штраф I марка. Также никто не должен делать больше одной перегородки, штраф I марка.

7

Далее, кто купит воск, тот [должен] поместить его у стены, [иначе] штраф I марка; если на этом месте стоит закрывающаяся бочка, ее нужно убрать. Если кто-нибудь будет протестовать, тот должен уплатить I марку.

C. Vortmer copper unde by dat scal men merken unde vliet bi de muren, bi I marc.

C. Vortmer berevene tunnen, linwant unde unrum scal men bringen under den swichbogen¹², bi I marc. Oc neman ene werpe secke mit werke van den tunnen, he ene legge se weder up, bi I marc.

C. Vortmer weret, dat jeman unlust dede under der missen, et were wormede et were, de breke I marc.

C. Vortmer weret, dat jemannes tunne mit gude des sunavendes bi der muren nicht en stunde eder buten den swichbogen, de breke I marc.

Vortmer en juwelich merke sine kisten unde sine tunnen des sunavendes, bi I marc.

C. Vortmer welich man silver weget, de henge dat Bret¹³ weder up unde brenge de klyen und de doke¹⁴ van denne, bi I marc.

C. Vortmer mach men dat altar gerne eren unde setten de kannen unde sodan dink van den altare; wente gote he gicht uppe dat altar, he breke I marc.

Vortmer sal men den win vlien bi dat altar, wat mens dar vlien mach, den anderen in des Morneweges kameran, bi I marc.

C. Vortmer neman neme licht eder was, sante Peters tunnen mede to begietene¹⁵, bi I marc.

C. Далее, медь и свинец нужно метить и помещать у стен, [иначе] штраф I марка.

C. Далее, бочки, оббитые веревками, полотно и мелкие упаковки нужно помещать под своды¹², иначе штраф I марка. Также никто не должен сбрасывать мешки с пушниной с бочек. Если он не положит их обратно, штраф I марка.

Далее, если кто-нибудь будет шуметь во время богослужения независимо от того чем, тот платит I марку.

C. Далее, если чья-нибудь бочка с товаром в субботу не поставлена к стене или [находится] не под сводами, тот платит I марку.

Далее, каждый [должен] пометить свои ящики и бочки в субботу, [иначе] штраф I марка.

C. Далее, кто взвешивает серебро, тот должен повесить доску¹³ опять на место и унести отруби и тряпки¹⁴, [иначе] штраф в I марку.

C. Далее, нужно [оказывать] сознательное уважение алтарю и убирать с алтаря кружки и подобные предметы; так как, если кто прольет что-нибудь на алтарь, платит штраф в I марку.

Далее, вино нужно помещать у алтаря, сколько можно там уместить, остальное же в комнате Морнвега, [иначе] штраф I марка.

C. Далее, никто не должен брать свечи или воск, [принадлежащие] св. Петру, чтобы поливать им бочки¹⁵, штраф I марка.

Vortmer neman late den pundere eder dat lode buten der kerken, wanne de kerke tosloten is, ane orlof, bi I marc, noch de gaffeln¹⁶, bi eme verdinghe¹⁷.

Vortmer weret, dat jeman sunte Peters dinch ergerde mit gichte, dat in de kerken hort, de breke I marc.

Vortmer wan de prester kundeghet en stan, nen mesterman ga ut, bj I marc, nen knecht bi enen verdinge, ane koke unde rekelude. Verslepe oc jeman de stevene, wan se gekundeget is, de breke I marc.

Hir bewaren sich sante Peters olderlude an, dat se dat recht nicht ene vorsumen in dissien dingen, bi V marken.

Vortmer were jenich man, he were we he were, de sante Peters olderlude eder de wisesten vorachte mit jenighen worden, wan hir nen hofes olderman en is, de solde wedden unde beteren X marc, des nicht to latene.

Weret oc sake, dat de copman utvore, so moghen VI mesterman unde IX knechte, unde nicht min, de kerken open holden¹⁸; nenen knecht to mestermanne to makene, bi X marken, uppe de vorwart, dat se de kerken open holden.

Vortmer wan men utvaret, so scal men de slotele besegelen unde don den enen deme bischope van Nougarden, den anderen deme abate van sante Juriane¹⁹.

C. Dat dusse olden dink uppe en nye vorgaderet sint, dat schach in ener meynen stevene mit vulbort des meynen du-

Далее, никто не должен без разрешения оставлять безмен или гири вне церкви, когда церковь заперта, иначе штраф 1 марка; если это вила¹⁶, то штраф 1 фердинг¹⁷.

Далее, если кто-нибудь попортит чем-нибудь предмет св. Петра, который принадлежит церкви, тот платит штраф в 1 марку.

Далее, когда священник объявляет собрание, ни один самостоятельный купец не имеет права выйти, штраф 1 марка, и ни один подручный -- при штрафе в один фердинг: [выйти могут] повара и уборщики. Проспит также кто-нибудь общее собрание, когда оно объявлено, тот платит 1 марку.

Здесь нарушения этого постановления должны беречься старосты св. Петра, [ибо с них] штраф 5 марок.

Далее, если какой-нибудь человек, кто бы он ни был, оскорбит какими-нибудь словами старост св. Петра или помощников, когда отсутствует староста двора, тот должен заплатить 10 марок штрафа, от чего освобождения нет.

Если случится, что большинство купцов уедет, то могут 6 самостоятельных купцов и 9 подручных, но не менее, держать церковь открытой¹⁸; нельзя делать из подручных самостоятельного купца, чтобы держать церковь открытой, за это штраф 10 марок.

Далее, при выезде всех купцов со двора нужно ключи опечатать и передать один епископу повгородскому, другой -- игумену [монастыря] св. Юрия¹⁹.

C. То, что эти старые постановления здесь вновь собраны, произошло в общем собрании при согласии объед-

deschen copmannes na der bort unses
heren MCCCIIII jare in sante Gre-
gorius dage.

24

C. Vortmer we mit lodien eyrst bi den
strant komet, de scal deme hofe negest²⁰
wesen, of he in deme hofe stan wil.

25

Vortmer weret sake, dat jeman ene
lodien bemannen wolde, vordere den se
hedde wesen den strant to begripene,
dat en solde nene macht hebben, unde
al darna, dat de lodien bi den strant
comet, darna scolten se upscepen. Were
jeman in dissen dinghen to vorvange, de
scolde hebben gebroken I mark silvers
to sante Peters²¹ behuf.

26

Vortmer van der lodien sal men geven
up to scepene XV kunen; min, mach ment
hebben, unde mer nicht.

27

C. Vortmer we met sleden comet, de
ersten scolten deme hofe negest wesen, of
se dar inne stan willen.

28

Vortmer in deme hofe scolten stan uppe
den dren cleten²² XXIIII mesterman unde
VI uppe des tolkes klete, mer nicht, et
ene were sake, dat sante Peters older-
lude na gemake mochten er mere vlien.

29

Vortmer, de want hebbet uppen kleten,
de scolten slapen uppe rapaten²³, de gelt
hebben, dar benedene.

30

Vortmer nen mestermann sal hebben
mer dan twe knechte-under sich slapene;
hevet he er mer, he se, war he se late,
unde queme dar jenich clage af, he breke
ene marc.

енного немецкого купечества в 1354 го-
ду от Рождества Христова в день св.
Григория 12 марта.

24

С. Далее, кто первым причалит с
лодьями к берегу, тот должен быть пер-
вым и во дворе²⁰, если он захочет в нем
остановиться.

25

Далее, если случится, что кто-нибудь
захочет послать грузчиков на лодью до
того, как она пристала к берегу, то это
недопустимо; только после того, как
лодья подошла к берегу, можно ее раз-
гружать. Если кто-нибудь в таких делах
поступит во вред другим, тот платит
штраф в 1 марку серебра в пользу св.
Петра²¹.

26

Далее, за разгрузку лодьи нужно пла-
тить 15 кун; меньше можно, но не
больше.

27

С. Далее, первые прибывающие на
санях должны быть первыми и во дворе,
если они хотят в нем остановиться.

28

Далее, во дворе должны стоять в трех
клетях²² 24 самостоятельных купца и 6
в клетки переводчика и не больше, за
исключением того случая, когда старо-
сты св. Петра вынуждены поселить там
больше [купцов].

29

Далее, у кого в клетях при себе сукно,
те должны спать на полатах²³, а кто
имеет деньги, спит под ними (полата-
ми. — Е. Р.).

30

Далее, ни один самостоятельный ку-
пец не должен иметь более двух под-
ручных, спящих при нем; если у него
их больше, то пусть сам смотрит, где
их пристроить, а если это вызовет ка-
кую-нибудь жалобу, то платить ему
штраф в 1 марку.

Vortmer nen man scal hebben mer den enen piler wandes uppen klete, och nicht mer den en tymmer ruware²⁴ to logende, bi 1 marc.

Vortmer dat kerkenslapen scal beginnen in deme oversten klete van nedene up de rapaten, unde also vort umme, beide binnen hofes unde buten hofes; unde en scal den anderen toseggen in der etentit.

Vortmer de jungen in den kleten solen vorcopen: bi par hanschen, blawe garn bi punden, unde min nicht: spinsal, lewant, wamel²⁵, al dat men met, bi halven repen²⁶, unde min nicht; zwevel bi griwenicken unde alsodanich dinch; ducnatelen bi dusenden, lubesche natelen bi hunderden, paternostere bi cleynen dosinen; rotlaseh bi kunen²⁷; perment bi halven hunderden; breke jeman an dessen dingen, de hedde vorboret 1 marc; queme he oc hirvan teghen de Russen in jenigen scaden, des sta he sin eventure, unde so vele he breke an de Russen, so vele solde he och hebben ghebroken sante Petere.

Vortmer neman sal stan uppen malstoven lengh wen drey daghe; steit he lengh, he scal geven sante Petere enen verdigh.

C. Vortmer den seykstoven scal neman bekummern lengh wen dre daghe, bi 1 marc.

Vortmer in ener juweliken dornsen binnen hofes unde buten hofes scal men holden enen voget²⁸. So wen men dar to kuset de scal willich wesen, bi 1 marc; de voget scal keysen sine wisesten, enen van den mestermannes, den anderen van den knapen²⁹, mit den scal he keysen

Далее, никто не должен иметь в келли более одной стопки сукна, также не более сорока шкур²⁴ для их растяжки, штраф 1 марка.

Далее, ночное дежурство должны начинать [постояльцы] самой верхней келли, [сначала спящие] внизу, затем [спящие] на полатах и так по кругу, как [живущие] во дворе, так и вне его; [дежуривший ночью] передает дежурство другому в обеденное время.

Далее, ученики имеют право продавать в келлях: перчатки парами, синие нитки фунтами, и не меньше; ткани, полотно, ватмал²⁵, — все то, что измеряют по полверевки²⁶ — и не меньше; сеору — гривенками, как и другие товары такого рода; иголки для шерстяных тканей — тысячами, любекские иголки — сотнями, четки — малыми дюжинами; кожи красного дубления — кунами²⁷, пергамент — полусотнями; если кто нарушит эти предписания, тот платит штраф в 1 марку; если он из-за [такой] торговли потерпит убыток также со стороны русских, то в этом он сам виноват, и сколько штрафа он уплатит русским, столько же он также должен уплатить св. Петру.

Далее, никто не должен квартировать в помещении мельницы дольше, чем 3 дня; если он живет там дольше, он должен дать св. Петру 1 фердинг.

C. Далее, никто не должен занимать больничное помещение [под жилье] дольше, чем 3 дня, иначе штраф в 1 марку.

Далее, в каждой спальне во дворе и вне двора нужно иметь фогта²⁸. Тот, кого для этой должности выберут, должен с этим согласиться, иначе платит штраф в 1 марку; фогт должен выбрать себе помощников, одного от самостоятельных купцов, другого — от подруч-

vurvinders, lechtvinders, potkletvinders, dornsendvinders unde sodan dingh. Sin richte scal he sitten al sunavende. De voget mach beyden bi XV kunen; de dat vorsete unde queme it vor de stevene, he hedde gebroken ene marc, des nicht to latende.

37

Weret oc, dat jeman den voget eder sine wisesten vorachtete mit worden binnen hofes eder buten, de scal hebben gebroken I marc.

38

Vortmer neman scrive, steke eder tosnide de tafelen bi I marc; neman tosnide eder tosteke och de bolen in der dornsen eder in den kleten, eder berne se mit lechte, eder vorsenge se eder tohone se, et si an sullen eder an stenderen eder an bolen, bi I marc.

39

Vortmer, twe knechte scolten inboten in de ovene unde hebben bi sich vor den ovenen enen ketel waters; worden se entslapende eder gingen se van den ovenen, de wile dat dat vur brende, eder vunde men vur na en eder na den beckers, dat were I marc.

40

Vortmer worde jenich vur los binnen hofes eder buten hofes, dat men de lochne seghe, dat weren X marc.

41

C. Vortmer tobreke jeman sante Peters dinch in deme bruhus, de scal dat weder kopen unde beteren I verdingh.

42

Vortmer de gebuwen hevet, de scal dat bruhus reyne upantworden unde allet, dat dar to behoret, bi I verdinghe.

ных²⁹; с ними он должен выбрать топников, ответственных за освещение, за порядок в подклете, в спальне и т. д. Каждую субботу он должен проводить свое судебное заседание. Фогт может штрафовать на 15 кун; кто этому не подчинится, тот предстанет перед общим собранием и уплатит штраф в 1 марку, от чего не может быть освобожден.

37

Если кто-нибудь оскорбит фогта или его помощников словами во дворе или вне его, тот платит штраф в 1 марку.

38

Далее, никто не должен под угрозой штрафа в 1 марку писать на столешнице, втыкать [в нее ножи] или резать ее, иначе штраф в 1 марку; никто [не должен также] в спальном помещении или в клетях втыкать [ножи] в деревянные [части постройки] или резать их, будь то пороги, стойки или половицы, жечь их свечами или подпаливать, или рубить их [топором], иначе штраф в 1 марку.

39

Далее, два подручных должны топить печи и иметь у каждой печи котел воды; если они заснут или отойдут от печей в то время, как [в них] горит огонь, или если найдут огонь [в печах] после их [дежурства] или после [работы] пекарей, то штраф 1 марка.

40

Далее, если вспыхнет какой-нибудь огонь во дворе или вне двора, так что пламя будет видно, то [виновные] платят штраф в 10 марок.

41

С. Далее, [если] кто-нибудь ломает предмет, принадлежащий св. Петру в пивоварне, тот должен купить [вместо него новый] и уплатить штраф в 1 фердинг.

42

Далее, кто варил пиво, тот должен пивоварню убрать и весь относящийся к ней [инвентарь], штраф в 1 фердинг.

Vortmer en juwelich sal sin beyr vlien
des anderen dages, na des it gespun-
det is, bi I verdinghe.

Och neman ene scal enen Russen laten
in dat potklet³⁰ gan bi I verdinghe.

Vortmer nen werk scal men beseyn
uppe des papen dornsen; men silver
scal men dar uppe utwegen den silver-
berners.

C. Vortmer neman sal hebben uppe
der gridenissen³¹ mer den ene rullen
enerleye linwandes, unde de des aven-
des jo weder in de kerken to bringene,
bi I marc, he ene hebbet mit der ol-
derlude orlove.

C. Vortmer hedde jenich man ruwar
uppe der gridenissen, de scal he nicht
leng besluten den ene nacht, bi I marc.
Vortmer de ruwar scal men kloppen³²
uppe der gridenissen, unde anders ner-
gene binnen hofes.

Vortmer wey becket eder bruwet, de
howe sin holt bi daghe, des ghelich de
in de ovene bot, also dat se nemanne
ungemach en doen mit howene eder mit
singhene, bi eme verdinghe.

C. Vortmer so we de kerkenslepere
to bedde bringet, der en scal stan vor
der kerkendore und dar nicht af to
gande, de kerke en si to gesloten, bi
I marc, unde scal och neman in de ker-
ken laten gan ane orlof der olderlude.
Dede dat jeman, de hedde gebroken
I marc, und weret, dat de vor der ker-
ken stunde, es nicht en meldede, de hed-
de och gebroken I marc.

Далее, каждый должен убрать свое
[сваренное] пиво на другой день пос-
ле того, как оно [разлито] в бочки,
[а их разливные отверстия] заткнуты,
иначе штраф в I фердинг.

Также никто не должен допустить,
чтобы русский зашел в подклет³⁰, ина-
че штраф в I фердинг.

Далее, нельзя осматривать меха в
спальне священника; только серебро
можно в ней отвешивать плавильщикам
серебра.

C. Далее, никто не должен иметь в
гريدнице³¹ более чем один рулон одного
вида полотна, а его нужно вечером
опять унести в церковь, если он [купец]
не имеет разрешения старост [на обрат-
ное], штраф I марка.

C. Далее, если кто-нибудь имеет в
гريدнице меховой товар, то его он не
должен хранить там дольше, чем одну
ночь, иначе штраф в I марку. Далее,
меховой товар [следует] выкола-
чивать³² в гريدнице и больше нигде
внутри двора.

Далее, кто печет или варит пиво,
тому колоть свои дрова днем, равным
образом это [относится] и к истопни-
кам, чтобы никого не тревожить [шу-
мом] колки или пением, [иначе] штраф
в I фердинг.

C. Далее, тот, кто отводит в церковь
спящих в ней сторожей, тот должен
стоять перед церковной дверью и не ухо-
дить, пока церковь не будет заперта.
[иначе] штраф в I марку, и он не дол-
жен никому позволять входить в цер-
ковь без разрешения старост. Если
кто-нибудь сделает это [войдет в цер-
ковь], тот платит штраф в I марку, а
если тот, кто стоит перед церковью об
этом не доложит, тот тоже платит
I марку.

C. Vortmer. lete sich jeman besluten in der kerken, de breke X marc.

C. Vortmer neman scal stigen over de planken, bi X marken, noch ene werpe darover, bi I marc.

C. Och neman werpe uppe de kerken, eder late sin dir³³ darup lopen, bi I marc.

Weret oc sake, dat en der³³ jemanne scaden dede, deme dat der tohoret, de scal den scaden uprichten.

C. Weret ok sake, dat jeman sloghe eder worpe enen hunt, de sante Peters tobehoret, dat de galperde, de hedde gebroken I marc.

Vortmer wanne men den hof tokloppet, so scede sich en juwelich van den Russen, wente behelde he enen Russen, wanne men de hunde ut leyte, de hedde gebroken I verdingh, unde queme de Russe in jenighen scaden van den hunden, so scolde he sich beweten mit den, de ene vorholden hedden.

Vortmer wan en man want eder jeni-ger hande gut utantwordet, dar ene scal nen man sine hant an slan to besende, bi I marc.

C. Vortmer welich man was coft, de scal dat bringen vor de kerken unde dat was scal neman besteken eder beru-ken ane de wasvinders, bi I marc; broch-

C. Далее, если кто-нибудь даст себя запереть в церкви, тот платит 10 марок.

C. Далее, никто не должен перелезть через ограду [двора], штраф 10 марок, а также ничего не бросать через нее, [иначе] штраф в 1 марку.

C. Также никто не должен бросать [оставлять] около церкви или позволять там бегать своему животному³³, иначе штраф в 1 марку.

Если случится, что животное нанесет кому-нибудь вред, то тот, кому принадлежит животное, должен возместить убыток.

C. Если случится, что кто-нибудь уд-рит собаку, которая принадлежит св. Петру, или будет бросать [в нее камня-ми, палками] так, что она завоюет, тот платит штраф в 1 марку.

Далее, когда дают сигнал о закрытии двора, то каждый [купец] должен рас-прощаться с [пришедшими к нему] рус-скими, так как, если он оставил бы [у себя] русского, когда выпускают [на ночь] собак, то ему платить штраф в 1 фердинг, а если русскому собаки нанесут какой-нибудь вред, то он [рус-ский имеет право] потребовать от того, кто его задержал у себя, возмещения за вред.

Далее, если кто-нибудь [из немецких купцов] выдает [русскому покупателю] сукно или какой-нибудь иной товар, то ни один человек [из немецких купцов] не должен касаться его [товара] рукой, чтобы рассмотреть его, иначе штраф в 1 марку.

C. Далее, [если] кто-нибудь покупает воск, то он должен принести его к церк-ви и этот воск никто не должен колупать или обнюхивать, кроме досмотрщиков

te he oc dat was unbesendes in de kerken, he scolde beteren sante Petere X marc.

57

Och so ene scal nen man was utvo-
ren unbesegelt, bi X marken unde dat
was vorboret.

58

C. Vortmer neman dreghe want ut
der kerken unbesendes bi X marken.

59

C. Vortmer en juwelich scal sin klet
besluten beyde benedene unde bovene,
bi I marc; worde iemannes loes open
gevunden, unde ut den klete gicht vor-
stolen, de ghene scolde den scaden be-
leggen.

60

C. Vortmer neman scal gan up enen
kop allene mit sime brodere eder mit
sime kumpane van gelde eder mit si-
me knechte, bi X marken.

Vortmer de man, de mit den ande-
ren up enen kop geyt, de ene scal den
cop nicht copen binnen dren dagen, he
ene hebbet mit vulbort des anderen,
bi X marken.

61

C. Vortmer welich man van den Rus-
sen gut enfeit, de late sich sine tale
vul tellen unde betale den Russen nicht
al, he en si van den Russen alrest al
betalet; unde dat gut sal gan uppe des
Russen eventure bet in den hof.

62

C. Vortmer wat de Russe van den
Dudeschen utfeyt, wanne it over den
sulle des hofes kumt, so scal et gan uppe
des Russen eventure.

воска, [иначе] штраф в 1 марку; если
[купивший воск] занесет его неосмот-
ренным в церковь, то он должен уплатить
св. Петру 10 марок.

57

Также никто не должен вывозить
воск неприпечатанным [досмотровой]
печатью, под угрозой штрафа в 10 ма-
рок и конфискации воска.

58

C. Далее, никто не должен выносить
из церкви недосмотренным сукно, иначе
штраф в 10 марок.

59

C. Далее, каждый должен запирать
свою кладовую, как внизу, так и на вер-
ху, [иначе] штраф в 1 марку. Если у
кого-нибудь будет обнаружен незапер-
тым замок и из клетки [окажется] что-
нибудь украденным, то тот должен по-
нести [лично] этот убыток.

60

C. Далее, никто не должен выходить
на покупку только со своим братом или
со своим складником, или со своим
подручным, за это штраф в 10 марок.

Далее, никто, кто выходит на покуп-
ку с другими [купцами], не должен за-
бирать купленный товар в течение трех
дней, пока не получит согласия другого
[купца, которому приглянулся этот то-
вар], штраф 10 марок.

61

C. Далее, если кто-нибудь получает
от русских товар, тот должен [требо-
вать], чтобы русские ему полностью от-
считали [положенное ему] количество
[товара], и не должен уплатить рус-
ским за все, пока ему русские сперва
не заплатят полностью [за проданный
товар]; русские отвечают за [продан-
ный] товар [на территории] двора.

62

C. Далее, [за товар] который русский
получает от немцев, он несет полную
ответственность [с того момента], ког-
да он вынес его за порог двора.

C. Vortmer neman scal den Russen sulver to hus bringen bi X marken, eder ander gut, bi I marc.

C. Vortmer welich man coft boven en verdendel werkes, de scal dat werk beseyn in siner were unde anders nerne, bi I mark; och en scal he et nicht upnemen, he ene hebbet beseyn, bi I marc.

Vortmer wan es nod is, dat men eynen hofes olderman keysen sal, den scolten keysen de gene, de van den steden utghesant werden; wolde de ghekorne dat vorseggen, so scolden eme enbeyden sante Peters olderlude to dem eyersten male unde to deme anderen bi X marken, to deme dridden male bi viftigh marken unde bi des hofes rechte³⁴.

Des hofes olderman scal men keysen to ener tid van Lubeke, tor anderen tit van Gotlande.

Wanne des hofes olderman sitten get, so scolten sante Peters olderlude de slotete upantworden, unde al ammete de sin den vry, unde weme he de slotete unde ammete bevelet, dat si stede.

C. Weret oc sake, dat sante Peters olderman utvore bi des hofes oldermannes tiden, darumme bedarf men nene lude van den steden utsenden, men des hofes olderman scal ene keysen.

C. Vortmer wanne des hofes olderman nicht en is, so scal men utsenden lude van den steden, de scolten keysen sante Peters olderlude van Lubeke unde van Gotlande; weren der hir nicht, so scolde men dar to kesen lude, de darto vellich weren, bet to der tid, dat jeman van Lubeke eder van Gotlande queme; der gelich scal men keysen de wisesten.

C. Далее, никто не должен приносить русским серебро на дом, [иначе] штраф в 10 марок, или другой товар при штрафе в 1 марку.

C. Далее, если кто-нибудь купит более чем одну четверть мехов, то он должен меха осматривать в своем жилом помещении и нигде иначе, штраф 1 марка; также он не должен принимать меха, не осмотрев их, иначе штраф 1 марка.

Далее, когда возникает необходимость выбора старосты двора, то его должны выбирать те, которые будут [с этой целью] присланы городами; если избранный будет отказываться, то старосты св. Петра должны ему предложить [эту должность] в первый раз, а затем во второй — под угрозой штрафа в 10 марок; а после [отказа] в третий раз ему грозит штраф в 50 марок и [лишение] прав двора³⁴.

Старосту двора нужно выбирать на один срок [из купцов] Любека, а на другой срок [из купцов] Готланда.

Если староста двора устраивает заседание, то старосты св. Петра должны [ему] вручить ключи, а все должностные лица освобождаются от своих обязанностей; а к кому он передаст ключи и должности, то неоспоримо.

C. Если случится, что староста св. Петра выедет во время [пребывания во дворе] старосты двора, то из-за этого не надо высылать людей из городов [выборщиков], но староста двора должен выбрать [сам ему преемника].

C. Далее, когда староста двора отсутствует, то нужно прислать из городов людей, чтобы они избрали старост св. Петра [из наличных купцов] Любека и Готланда; если таковых здесь не окажется, то нужно избрать людей, которые были бы на это пригодны, до того времени, когда предет кто-нибудь из Любека или с Готланда; равным образом нужно избирать помощников старосты двора.

C. Vortmer de van Lubeke unde de van Gotlande scolen hir setten den pres-ter malch sin jar.

C. Vortmer worde jenich man to sante Peters olderman gekoren, unde vore dor des willen ut unde mochte anders nene redelike sake bewisen, de hedde gebroken X marc sulvers. Vortmer we gekoren weyrt to aldermanne, he si junch eder olt, de scal bliven also lange bet he utvaret.

C. Vortmer we och velliger is van den olderluden dat wort to holdene, war is to donde is, de sal et holden.

C. Vortmer were dat sake, dat jeman velleghe, were dat wort to holdende unde den copman to vorantworden, deme moghen beyden sante Peters olderlude enewerve unde anderwerwe bi X marken, tome derden male bi viftigh marken unde bi des hofes rechte.

Vortmer were dat sake, dat sante Peters olderlude beide buten hofes stonden, de lest gekoren worde, de scolde in den hof varen unde wesen vry hushure.

C. Vortmer neman, de in sante Peters rechte wesen wil, scal here bringen in dat lant vromede gheste, it si Lumbarde eder Vlaminghe, eder wat lude it sin, noch he en scal ere gut in dit lant voren bi L marken unde bi des hofes rechte. Vortmer neman, de in sante Peters rechte wesen wil, scal kumpenie hebben mit Vlamingen unde mit sodanen luden, de buten des copmannes rechte sint, here in dit lant to vorende, bi L marken unde bi des hofes rechte.

C. Далее, любчане и готландцы должны здесь [поочередно] назначать священника, каждого на один год.

C. Далее, если кто-нибудь был избран старостой св. Петра и из-за этого выехал [из двора] и не смог оправдать [свой выезд] другой уважительной причиной, тот платит 10 марок серебра. Далее, кто будет выбран старостой [св. Петра], будь он молод или стар, тот должен [оставаться в этой должности] до своего [законного] отъезда.

C. Далее, тот из старост [св. Петра], кто способен вести переговоры, где это необходимо, тот и должен это делать.

C. Далее, если случится, что кто-нибудь окажется способнее вести переговоры и защищать [интересы] купцов, тому могут оба старосты св. Петра [это поручить], при первом отказе и при втором отказе он платит штраф в 10 марок, а при третьем — 50 марок и лишается прав двора.

Далее, если случится, что оба старосты св. Петра проживают вне двора, то выбранный последним должен переселиться во двор и быть освобожден от платы за жилое помещение.

C. Далее, никто, кто хочет пользоваться правами [двора] св. Петра, не должен сюда в страну привозить чужеземных гостей, будь то ломбардцы или фламандцы, или кем бы эти люди ни были, а также он не должен привозить в эту страну их товары [под угрозой] штрафа в 50 марок и лишения прав двора. Далее, никто, кто хочет пользоваться правами [двора] св. Петра, не должен объединяться в компанию с фламандцами и с подобными людьми, которые не имеют прав [ганзейских] купцов и привозить в эту страну их [под угрозой] штрафа в 50 марок и лишения прав двора.

C. Vortmer were dat sake, dat jeman, de in des copmannes rechte to Nougarden wesen wolde, jenigherleye breyve worve, des de copman to Nougarden beswaret worde, de scolde gebroken hebben L marc unde vorboret des hofes recht.

C. Vortmer wanne men lude utsendet van den steden umme en recht to vindende, spreke dar jeman up, et were binnen landes³⁵ eder buten landes, de hedde gebroken X marc.

C. Spreke och jeman des gelich uppe de wantvindere eder uppe de wasvinders, de hedde och gebroken X marken sulvers.

C. Vortmer von hundert marken scal men scheiten enen verdingh, von viftigh marken enen halven verdingh; we dar min hevet, de scal scheten van der mark ene kunen.

Vortmer de ghene, de dar scheten, de geven alsodan silver eder schin ut, dat se eren ed bewaren.

Vortmer welich man steyt in der Dutschen hove, he sta lange eder kort, de scal utgeven enen verdingh; we och steit uppe der Goten hove VI weken, de scal utgeven to der weken enen soltingh³⁶, steit he lenger wan VI weken, so scal he geven ut I verdingh.

C. Vortmer hebbe wi overen gedreghen dor nut willen des meynen copmannes, dat neman scal dobelen, et si dach eder nacht, bi teyn marken. Och neman scal dobelen in Ruschen hoven, dar nene Dudeschen stat, bi viftigh marken unde bi des hofes reghte.

Vortmer neman scal spelen uppen worttafele boven enen halven verdingh, eder andere spil, dar men gelt mach mede vorleyesen, bi X marken; dit scal men holden ane allerhande arge list.

C. Далее, если случится, что кто-нибудь, кто желал бы пользоваться правами купцов [общины двора] в Новгороде, получил бы [от своих сюзеренов] какие-нибудь грамоты, которые были бы во вред купцам в Новгороде, тот должен уплатить штраф в 50 марок и лишиться прав двора.

C. Далее, если присылают из городов людей для судебного разбирательства и если кто-нибудь, будь в стране³⁵ или вне ее, будет опротестовывать [решение суда], тот платит штраф в 10 марок.

C. [Если] также кто-нибудь будет оспаривать [решение] досмотрщиков сукон или воска, тот платит штраф в 10 марок серебра.

C. Далее, со ста марок нужно уплатить взнос в 1 фердинг, с 50 марок — полфердинга; кто имеет меньше, должен платить с марки 1 куну.

Далее, те, которые платят взнос, дают тогда [столько] серебра или кун, чтобы не нарушить своей клятвы.

Далее, каждый, кто проживает в Немецком дворе, будь то долго или недолго, должен уплатить 1 фердинг [платы за постой]; также тот, кто проживает в Готском дворе 6 недель, должен платить за [каждую] неделю 1 золотник³⁶, кто проживает дольше, чем 6 недель, тот должен платить 1 фердинг.

C. Далее, мы согласились ради пользы для общины купцов, что никто не должен играть в кости, будь то днем или ночью, [под угрозой] штрафа в 10 марок. Также никто не должен играть в кости в русских дворах, где нет [постояльца] немца, [под угрозой] штрафа в 50 марок и лишения прав двора.

Далее, никто не должен делать ставки при игре на досках выше полфердинга [это также касается] других игр, в которых можно терять деньги, [за нарушение этого] штраф 10 марок; это нужно соблюдать без всяких попыток утайки.

C. Vortmer des hoves olderman de hevet macht to richten an hals unde an hant³⁷; were dat sake, dat en man den anderen doet steke, de hedde sin lif vorbort; efte en man den anderen wundede mit vorsate, de hedde vorbort sine hant.

C. Vortmer were, dat en man sin mes toghe oppe den anderen, de hedde gebroken X marc; unde were, dat en man den anderen sloghe bla unde bloet, de hedde gebroken X marc.

Vortmer sloge en man den anderen mit haste in de wanghen, de breke V marc.

C. Vortmer, dat en man deme anderen quade wort geve ane sine scult, de hedde gebroken ene mark.

C. Vortmer were dat sake, dat twidracht opstonde tuschen twen hir to Nougarden, de ene scolden van Nougarden nicht varen, se ene hedden sich vorliket, also vere als it en enbode des hoves olderman ofte sante Peters olderule bi des hoves reghte; hedde och jenich man over disser twidracht gewesen unde des den olderluden nicht openborde, de hedde gebroken X marc.

Vortmer worde jenich man begrepen mit dufte, he hedde vordeynet de ghalgen, de broke were so vele an V vellen also an eme tendelinghe, an eme tendelighe so vele also an eme tymmere, an eme tymmer so vele als an eme dusende; na sime vordeynden scal men eme richten in ener meynen steven openbare vor oghen.

Vortmer were dat men enen utbrengihen solde, de des lives vorboret hedde, dar ene solde des hoves olderman nicht

C. Далее, староста двора имеет право присуждать как к телесным наказаниям, так и к смертной казни³⁷; если кто-нибудь нанесет другому [смертельную рану] ножом, тот потерял и свою жизнь; если кто-нибудь умышленно ранит другого, тот лишается руки.

C. Далее, если кто-нибудь выхватит свой нож [и замахнется им] на другого, то он платит штраф в 10 марок; а если один человек избьет другого до синяков и крови, то платит штраф в 10 марок.

Далее, если ударит один другого в злобе по щеке, тот платит [штраф в] 5 марок.

C. Далее, если один оскорбит без вины скверными словами другого, тот платит штраф в 1 марку.

C. Далее, если возникнет раздор здесь в Новгороде между двумя [купцами], они не могут уехать из Новгорода, не придя к соглашению, поскольку это им не разрешили староста двора или старосты св. Петра, [иначе они лишаются] права двора; если кто-нибудь имел такие раздоры и не заявил старостам об этом, тот платит штраф в 10 марок.

Далее, если кто-нибудь будет схвачен на воровстве, то он заслуживает виселицу, кража 5 мехов приравнивается [к краже] десятка, [кража] десятка к [таковой] в сорок [мехов], кража же сорока [мехов] к [таковой] в тысячу; по [размерам] его проступка следует его открыто судить на общем собрании на глазах [у всех].

Далее, если надо будет вывести кого-нибудь, кто приговорен к смертной казни, то старосты двора в этом не

mede utteyn, zonder he scolde twen sine macht bevelen, to doende liker wis, ofte he dar selven were. Vortmer, de dar mede to genomet werden, de sollen mede varen bi des hofes reghte.

85

C. Vortmer were dat sake, dat jenich man besproken worde mit duifte eder mit saken, de den meynen copman enteghen, ghengen, de solde liggen in deme hofe to Nougarden jar unde dach unde entseggen sich siner unschult, bi des hofes rechte.

86

Dit si witlich alle den genen, de dussen breyf seyn unde horen; de nu to Nougarden sint jeghenwerdich, dat de meyne dudesche copman van allen steden, de to der tid hir weren des to rade worden dor nut des meynen kopmannes, dat hir nemant des jares boven duzent marc scal hebben, dat si sines egenen gudes eder an kunpenie ofte an sendeve eder an jenegerleye dinge; were dat sake, dat jeman guet brechte boven dit vorbenomede guet, dat scolde vorvaren guet wesen unde horen to sante Peters behof, darto sin gut nummer in sunte Peters hof to bringende eder to comende, he ne hebbet an sante Peters minnen.

87

Vortmer so ne scal hir neman liggen boyen jar unde dach³⁸ bi des hoves reghte. Awer so ne scal hir neman sin gut uppe dat andere guet brengen eder senden, dat eyrste gut en si gans vorkoft unde ut deme lande gesant. Hirumme so beware sich en juwelich darvore, dat he an nenen scaden come.

88

Vortmer so ne scal neman riden umme lant mit gude, dat si dor Prucen eder dor Kurlant eder dor Sweden; och en scal neman mit gude varen to Osele³⁹ eder to Kurlande eder jenighen wegh, dat wakeware⁴⁰ heyten mogen, sunder

участвуют, но они должны передать свои полномочия двум [другим лицам], чтобы они поступали так, как будто он там сам присутствует. Далее, те, кто на это назначены, должны поехать [с приговоренным], иначе они теряют права двора.

85

C. Далее, если кто-нибудь будет обвинен в краже или в поступках, которые вредят интересам общины купцов, тот должен оставаться во дворе в Новгороде год и день и доказать свою невиновность, иначе [ему грозит] потеря прав двора.

86

Да будет ведомо всем тем, которые видят и слышат эту грамоту, кто находится в настоящее время в Новгороде, что объединенные немецкие купцы из всех городов, которые в то время здесь были, решили ради пользы объединенных купцов, чтобы никто в одном году не имел бы здесь с собой [товара] более чем на тысячу марок, будь то своего собственного, или в складничестве, или взятого на комиссию, или как-нибудь иначе; если случится, что кто-нибудь привезет товара более, чем выше названо, то этот товар должен быть конфискован и перейти во владение св. Петра, сверх того [этот купец лишается права] впредь привозить свой товар во двор св. Петра или приезжать [в него], если он не имеет на это разрешения св. Петра.

87

Далее, никто не должен здесь находиться больше года и дня³⁸, [иначе] он теряет права двора. Также никто здесь не должен [дополнительно] к своему товару привозить или посылать еще другой, пока первый не продан полностью [или не] выслан из страны. Об этом должен заботиться каждый, чтобы не потерпеть никакого убытка.

88

Далее, никто не должен ехать с товаром сухим путем, будь то через Пруссию, или Курляндию, или Швецию; также никто не должен ехать с товаром на [остров] Эзель³⁹, или в Курляндию, или [каким-нибудь] путем, который

allene ut to segelende van der Righe,
van Revele unde van der Pernowe.

89

C. Vortmer van den makedem werke, also uns de stede enboden hebben, so sint wi des to rade worden mit ener vullenkommenen endracht dor nut willen des meynen copmannes, dat neman sal kopen valsch werk, noch getoghen werk, eder dat gemaket si buten sin wesent, eder harwerk⁴¹, dat van Ruschen to gemaket si eder ut anderen werke getoghen si, noch genegede eder ingebundene doyenissen⁴²; hervestwerk mach men wol kopen eder des ghelich, dat ungevelschet is na sime werde.

C. Dit vorbenomede werk scal neman kopen, de in des kopmannes reghte wesen wil, noch to Nougarden, noch to Plescow noch to Ploscow, noch to Righe, noch to Darbete, noch to Revele, noch to Velin⁴³, noch to Gotlande, noch nergen dar Russen pleget to varende; we dit vorbenomede werk cofte, de scolde vorboret hebben dat gut unde darto X mark, des nicht to latende, to sante Peters behof. In desseme werke breken so vele in eme tymbere also in eme dusende; in eme tendelinghe so vele also in eme tymbere; wente dit gedan is dor nut des meynen kopmannes, unde och allerhande werk daraf gevelschet unde geergert weyrt.

90

Vortmer so bewaren sich sante Peters olderlude hirane also, dat sy van yliken manne nemen synen ed aldus, dat eme got also helpe und alle godes hilghen unde de gude here sante Peter, dat he den willekore dusses breyves hebbe gehalten sunder allerhande argelist.

91

Unde were dat sake, dat men jenigen man mede bevunde, de hemeliken enwech vore eder mit argelist, den solde men anspreken, it were buten landes eder binnen landes, bi des hofes rechte; weret oc sake, dat sante Peters olderlude dut vorsumeden unde des edes van allermalke nicht ene nemen, de scolden broken hebben X mark sante Petere.

можно назвать «водным путем зимой»⁴⁰, но только плыть из Риги, из Ревеля и из Пернова.

89

C. Далее, об обработанных мехах мы, как нам приказали города, полностью единогласно приняли решение на пользу объединенного купечества, что никто не должен покупать фальсифицированного меха, а также растянутые меха, или лишенные обработкой своего природного характера, или беличий мех «на волосу»⁴¹, изготовленный русскими или вышипанный из другого [сорта] меха, также сшитые и связанные «дойницы»⁴²; следует же покупать [только] осенне- [зимние] меха или равные им, качество которых неподдельно.

C. Вышеназванные меха никто не должен покупать, кто хочет пользоваться правами купеческой общины, ни в Новгороде, ни в Пскове, ни в Полоцке, ни в Риге, ни в Дерпте, ни в Ревеле, ни в Феллине⁴³, ни на Готланде, нигде, куда имеют обыкновение ездить русские; кто такие вышеназванные меха купит, то этот товар его подлежит конфискации, а он платит вдобавок штраф в 10 марок в пользу св. Петра, от чего нет освобождения. За сорок таких мехов он платит штраф как за тысячу, за 'десяток столько же, как за сорок, так как это установлено на пользу объединенного купечества из-за того, что фальсифицируются разные меха и [купечество] терпит убытки.

90

Далее, старосты св. Петра поступают при этом так, что они от каждого человека [купца] принимают клятву, чтобы он соблюдал постановления этой грамоты безо всякой хитрости, чтобы ему также помогли бог и все божьи святые и добрый господин св. Петр.

91

А если случится, что обнаружат кого-нибудь, кто тайно уехал или со злым умыслом, того нужно привлечь [к ответственности], будь то за границей или в пределах страны с лишением права двора; если также случится, что старосты св. Петра упустят принять у кого-нибудь эту клятву, то им платить штраф в 10 марок св. Петру.

C. Vortmer nen lerekint boven twintigh jar olt scal leren de sprake in deme Nougardeschen righte noch to Nougarden enbinnen, he si we he si, de in des copmannes rechte wesen wil. Datum anno domini M^oCCC^oXLVI^o in festo cat-hedre sa Petri.

C. Witlich si et deme meynen dutschen copmanne van allen steden, de den hof to Nougarden soken unde nu hir jeghenwordigh sint, dat se holden scolten den willekore, de hir gemaket is, umme den branden valschen voet van deme wasse, de dorgh nut des meynen dutschen kopmannes grot gut hevet gekostet an gifte deme koninge unde den sinen; unde de koning des selven bekant was, dat sodan gut valsch was, unde och de Russen uns nu zodanen valschen branden vot gherne afdon; hirusme so is de meyne dudesche kopman des to rade worden mit eneme meynen vrien willekore, dat sodan gut neman ne cope bi X marken zilvers. Weret aver, dat dit jeman breke, des geldes scal men eme mit nichte laten; darumme so beware sich en juwelich darvore. Dat dusse willekore gemaket wart, dat was na der bort unses heren MCCCXV to mitvasten.

C. Witlich si dat alle den genen, de dussen breyf seyn unde horen, dat de olderman unde sine wisesten mit des meynen kopmannes vulborde, de in deme hofe to Nougarden do weren, des to rade worden in ener meynen stevene, dat neman to Nougarden gut copen noch borgehen ne sal to Darbete noch anderswar to betalene, wan dar, dar dat gut gekoft is; wante dusse dinc darumme gedan sint dorch nut willen des hoves unde des menen copmannes unde dor angestes willen, dat dar ungemach van comen mochte. Were jenich man, de den willekore nicht ne hedde, de scolde also vele gudes vorboret hebben, also he gecoft hedde, to sante Peters behof. Were it vortmer also, dat jenich man van hen-

C. Далее, ни один ученик старше 20 лет не должен изучать [русский] язык ни в Новгородской земле, ни в самом Новгороде, кем бы он ни был, если он хочет пользоваться правом купеческой общины. Это установлено в 1346 году от Р. Х. в праздник храма св. Петра [22 февраля].

C. Да будет ведомо объединенным немецким купцам из всех городов, которые посещают двор в Новгороде и в настоящее время в нем присутствуют, что они должны соблюдать постановление, которое здесь вынесено об осадке из загрязнений, [который получается при переплавке воска], [борьба] с которым ради пользы объединенному купечеству стоила большого количества товаров для подарков князю и его [приближенным]; и князю этим самым стало известно, что такой товар является некачественным, а также, что русские охотно продают [воск] с такими загрязнениями. Поэтому объединенное немецкое купечество, посоветовавшись, приняло единогласно постановление, чтобы никто не покупал такой товар [под угрозой штрафа] в 10 марок серебра. Но если кто-нибудь нарушит это [постановление], то от уплаты этих денег [штрафа] никоим образом освобожден не будет; поэтому пусть каждый остергается этого. Это постановление было принято в 1315 году от Р. Х. в середине поста [2 марта].

C. Да будет ведомо всем тем, которые видят и слышат эту грамоту, что староста и его помощники с согласием объединенного купечества, которые находились во дворе в Новгороде, приняли решение на общем собрании, что никто не должен покупать в Новгороде товар, ни брать его в долг с [условием его] оплаты в Дерпте или в каком-нибудь другом месте, кроме того, где товар куплен; эти решения приняты на пользу двора и объединенного купечества из-за боязни, что [несоблюдение их] может вызвать тяжелые нарушения [нормального хода торговли]. Если кто-нибудь не будет соблюдать [указаний] этого постановления, у того должно быть отобрано в пользу св.

nen queme mit behendichet mit sodanen gude, also he gecoft hedde, unde kunde men dat utgan mit der warheyt, den solde men anspreken umme also vele gudes, wor men ene vunde, to sante Peters behof, wante he hadde gebroken den wilkore, den de meyne copman gewilkoret hevet in deme hove to Nougarden; hirurgme so beware sich en juwelich man. Dat dusse wilkore gemaket wort, dat was na der bort unses heren dasen jar CCCXVIII^o in sante Jacobes dage des hilligen apostels.

95

C. Witlich zi it alle den genen, de dussen bref sen unde horen, dat des hoves olderman unde sine wisesten unde de mene dudesche copman, de do to Nougarden weren, des to rade worden in ener meynen stevene, dor nut des meynen copmannes, na den bode, alse de stede in den hof to Nougarden geboden hadden, umme dat valsche was, dat mit manigerleye valsche gevelschet was; dat en scal neman copen, de in sante Peters rechte wesen wil, noch to Nougarden, noch to Plescowe, noch to Ploscowe, noch to der Righe, noch to Darbete, noch to Revele, noch to Gotlande, noch anderswor na sante Peters unde sante Pauweles daghe, de nu tokomet; were dat sake, dat jeman na deme daghe cofte valsch was, dat mit smere eder mit ekerne eder mit harpoyse eder mit buteren eder mit erwiten eder mit jenigerleye valsche gevelschet were, de scal hebben sante Petere gebroken X marc silvers, unde des nicht to latende, unde dat was to bernende, also des tede here hebben enboden.

96

Vortmer na dusseme daghe, de vorbenomet is, scal men copen reyne was, alse it got gevet, mit sines silves vote. Swin⁴⁴, de ungevelschet sin, de mach men copen na eren werde. Weret och sake, dat jenich man dit vorbenomede was to Nougarden cofte hemeliken unde mit behendicheyt van dennen breghte, unde he mit der warheyt utgegan worde, wor men ene vunde, den solde men anspreken

Петра то количество товара, которое он купил [таким незаконным образом]. Если далее случится так, что кто-нибудь уедет тайно с таким товаром, приобретенным таким образом, и можно будет это правдиво доказать, то следует там, где его найдут, отобрать в пользу св. Петра столько товара, сколько он купил [незаконным образом], так как он нарушил постановление, которое вынесло объединенное купечество во дворе в Новгороде; этого должен остерегаться каждый. Это постановление вынесено в 1318 году от Р. Х. в день св. Якова, св. апостола [25 июля].

95

C. Да будет ведомо всем тем, которые видят и слышат эту грамоту, что старосты двора и его помощники, и объединенное немецкое купечество, [члены] которого находились тут в Новгороде, приняли решение на общем собрании на пользу объединенного купечества по указанию, направленному городами двору в Новгороде о фальсифицированном воске, который фальсифицируется различными способами; такой [воск] никто не должен покупать, кто хочет пользоваться правами [члена общины] св. Петра, ни в Новгороде, ни в Пскове, ни в Полоцке, ни в Риге, ни в Дерпте, ни в Ревеле, ни на Готланде, ни где-нибудь еще после наступающего дня св. Петра и Павла [29 июня]; если случится, что кто-нибудь купит после этого дня фальсифицированный воск, который фальсифицирован [добавкой] жиров или желудей, или [смеси] дегтя, вара и смолы, или масла, или гороха, или любого другого [постороннего вещества], тот должен платить св. Петру штраф в 10 марок серебра, от чего освобожден быть не может, а воск должен быть сожжен, как это приказали [в своем письме] города.

96

Далее, после этого вышеуказанного дня должны покупать чистый воск, каким его дает бог, с [естественным для него] осадком. Свин⁴⁴, который не фальсифицирован, можно покупать по его стоимости. Если случится, что кто-нибудь в Новгороде купит тайно выше названный воск и с хитростью вывезет оттуда и это можно будет правдиво доказать, то там, где его найдут,

vor L marc silvers to sante Peters behuf, darto scolde he den hof to Nougarden voboret hebben. Weret oc sake, dat jenich man valsch was cofte, dat hire vorbenomet is, buten sante Peters reghte, unde he darna to Nougarden queme, so en scolde he sin gut nicht bringen in sante Peters kerken noch in der Dudeschen rechte to wesende, he ene hebbe sante Peter sine broke gebetert unde he en hebbet mit vulbort des hoves oldermannes unde der meynen Dudeschen. An dessen valschen wasse breke en so vele an eme halven lispunde also in eme scippunde, in eme sceppunde also vele also in eme duzende. Aldus so hode sich en juwelich man, dat he nenen scaden ne kome. Datum anno domini MCCC^oXXXII feria secunda proxima post conversionis festum beati Pauli.

97⁴⁵

Aldus hevet geendighet de biscop van Nougarden unde de namestenike Fodere des groten koninges unde de hertighe Astaphie unde de olderman Cider der koplude unde de meynen coplude to Nougardene unde darto de meynen Nougardere mit den dudeschen kinderen, Jordane Koninghe van Gotlande unde Alberte Scelen van Lubeke unde mit Lubeken Doninghe van der Righe unde mit Roste van Dortmunde unde mit Arnolde Dumen van Munstere unde mit Vrederike Buchorne van Gotlande unde mit Hinrike van Volmestenen unde mit Harteken Wisen van Gotlande unde mit Hermanne van Dulme unde mit Johannes Riddere unde mit Johannes van Minden unde mit alle den dudeschen kopluden umme dat smerge was. Dat scolen de Dudeschen nemen van den Nougarderen wente to sante Peters unde sante Pauweles daghe also, also se it herto genomen hebben; unde na sante Peters unde sante Pauweles daghe scolen se nicht mer nemen smerch was van den Nougarderen, noch dat mit buteren, noch mit ekeren eder mit harpoyze eder mit erwiten gemenget si, noch to Nougarden, noch to Plescowe, noch to Ploscowe, noch to Darbete, noch to der Ryghe, noch to Revele, noch to Gotlande. C. De Dudeschen scolen nemen reyne was van den Nougarderen also, also it got gevet mit sines selves vote, also also he selven geworden is. De Nougardere scolen van den Nisowern nicht

его нужно оштрафовать 50 марками серебра в пользу св. Петра, к тому же он лишается права двора в Новгороде. Если случится, что кто-нибудь купит фальсифицированный воск, который здесь выше назван, вне [сферы действия] права св. Петра и затем приедет в Новгород [с этим воском], то он не должен помешать свой товар в церкви св. Петра и пользоваться правами немцев, пока он не уплатит св. Петру свой штраф и не получит разрешения старосты двора и объединенного немецкого купечества. За этот фальсифицированный воск он платит штраф за половину ливского фунта столько же, сколько за один шиффунт, за один шиффунт — столько, сколько за дюжину. Пусть каждый остерегается, чтобы не потерпеть такой убыток. Дано в ближайший праздник, следующий после праздника откровения блаженного Павла в 1332 г. от Р. Х. [27 января].

97⁴⁵

Так dokonчили владыка новгородский и наместник великого князя Федор, и тысяцкий Остафий, и староста купеческий Сидор, и все купцы новгородские, а также все новгородцы с немецкими детьми Иорданом Конинге с Готского берега, и Альбертом Шеде из Любека, и с Лудеке Донинге из Риги, и с Ростом из Дортмунда, и с Арнольдом Думе из Мюнстера, и с Фредериком Бухорне с Готского берега, и с Гинриком фан Фольместенен, и с Гартеке Визе с Готского берега, и с Германом из Дюльмена, и с Иоганном Руддером, и с Иоганном из Миндена, и со всеми немецкими купцами о воске с примесью. Немцам не брать его от новгородцев до дня св. Петра и св. Павла так, как до сих пор они брали; а после дня св. Петра и св. Павла им больше не брать от новгородцев воска с примесями, который был смешан с маслом или с желудями, или со смолой, или с горохом, ни в Новгороде, ни в Пскове, ни в Полоцке, ни в Юрьеве, ни в Риге, ни в Колывани, ни на Готском берегу. Немцам брать у новгородцев чистый воск таким, какой он есть, каким бог его дает, с его собственной подсадой. Новгородцам не брать воска с примесями ни от низовых, ни от корелов. А будет, что привезет кто-либо поддельный воск в Новгород и случится с ним что-либо из-за этого, то не жаловаться ему ни на кого, а только на самого себя.

nemen smerch was, noch van den Kapuleren; weret also, dat jenich man to Nougarden brechte valsch was, dat eme daraf beschege, dat ene solde he nemanne claghen mer sich selven. Dat disse dinch geendighet worden, dat scach na der bort unses heren M^o jar CCC^o jar in dem XLII jare, in tweleften daghe. C. Aldus spreket de rusche breyf, den uns de Nougarden gegeven hebbet uppe dat was, den hevet uns bezegelt de biscopph van Nougarden unde de namestenicke van des koninghes weghene unde de borchgreve unde de hertoghe van der menen Nougardere weghene.

98

C. Witlich sit al den genen, de dussen breyf seyn unde horen, dat de olderluden unde de wisesten unde de meynen Dudeschen, de dar to Nougarden weren, sin des to rade worden umme de waswaghe, dar de lude⁴⁶ vele schaden hebben van genomen unde gehat in eremegude unde vele ungemakes teghen de Russen er se it also vere bracht hebben, dat men hir scal weghen, also men plecht to weghene in dudeschen steden, also dat de scale mit dem lode scal stan uppe der erden unde dat lode mekeliken aftonemende unde in den kloven to wegende. Hirumme were dat sake, dat jenich man dat overseyn wolde ofte vorsumen unde laten sich nicht vul weghen unde reghte, also dicke he sich nicht vul weghen lete, so scolde he in ener juweliken wichte sante Petere hebben gebroken V marc silvers, unde de nicht to latende. Wente were dat sake, dat en man eder twe dit wolden overseyn, so mochte dar mer scaden af komen. Hirumme so beware sich en jewelich man, dat he dessen wilkore nicht ne breke, uppe dat he in nenen scaden ne come, unde der Dudeschen reght nicht over ene geve. Dit is gescheyn na godes bort M^o jar CCC^o jar in deme XLI jare, des donnesdaghes na mitvassten.

99

C. Witlich si it allen dudeschen copluden, de to Nougarden varet, dat des hoves olderman unde sine wisesten unde de mene dudesche copman, de do to

А когда на этом деле dokonчали, было по Рождестве господа нашего лет 1000 и 300, в 42 году в двенадцатый день [6 января].

С. Так гласит русская грамота, которую нам дали новгородцы о воске, [к этой грамоте] привесили свои печати епископ новгородский и наместник за князя, и посадник, и тысяцкий за всех новгородцев.

98

Да будет ведомо всем тем, которые видят и слышат эту грамоту, что старосты и их помощники, и объединенные [купцы] — немцы, которые находились в Новгороде, приняли [посоветовавшись] постановление о весах для воска, из-за которых люди⁴⁶ потерпели большие убытки [при обмене] своих товаров [на воск] и имели много недоразумений с русскими до того, как они добились, что здесь следует взвешивать так, как имеют обыкновение взвешивать в немецких городах, то есть так, что чаша весов с гирями должна покоиться на земле, а гири с нее [при взвешивании] следует снимать осторожно и взвешивать, [пока стрелка весов не остановится] в обойме. Поэтому, если случится, что кто-нибудь недосмотрит или просмотрит это и допустит, что ему взвесят неправильно и не [дадут] полного веса, то так часто, как он позволит себя обвесить, он за каждое такое взвешивание должен уплатить св. Петру 5 марок серебра, от чего не может быть освобожден. Ибо, если случится, что один или два купца не обратят на это [обвес] внимания, то из-за этого может возникнуть больший вред. Поэтому пусть каждый остерегается нарушить это постановление, чтобы ему не потерпеть убытка и чтобы [он] не был осужден на основании права немецких купцов. Это постановлено в 1341 г. от Р. Х. в четверг после середины поста [22 марта].

99

С. Да будет ведомо всем немецким купцам, которые ездят в Новгород, что староста двора и его помощники, и объединенные немецкие купцы, которые

Nougarden was, des overen gebreghen hebben dor nut des meynen copmannes, dat dat was, dat de wasvindere gut vindele, dat men to Nougarden mit sante Peters zegele bezegelt, dat dat neman mit sante Peters zegele bezegelen sal, den sante Peters olderlude silven; were dat also, dat dat zegel under jemanne beseyn worde, de dat was mede besegelde, dar sante Peters olderlude nicht bi ene weren, dar solden sante Peters olderlude umme wedden unde beteren X mark sulvers; des scolde men en nicht laten. Stolpen⁴⁷ eder swin sal men nicht bezegelen.

100

C. Weten scolten al de gene, de den hof to Nougarden soket, dat de olderlude unde ere wisesten unde de menen coplude, de do to Nougarden weren, des to rade worden in ener menen stevene dor nut des meynen copmannes, dat neman deme weghere scal geven copper noch tin eder bly noch nerleyghe gut, dat de Russen entfaet van den Duschen, uppe des koninges schale. Were dat sake, dat jenich man dissen wilkore breke, also dicke also he dat dede, also dicke scolde he beteren sante Petere I mark silvers, des nicht to latende. Hiran beware sich en juwelich man, dat he in nenen scaden kome.

101

C. Weten scolten alle de gene, de dusen breyf seyn unde horen lesen dat des hofes olderman unde sine wisesten unde de meyne dudiesche kopman, de do to Nougarden weren, des to rade worden in ener meynen stevene, dat men holden scal wasvinders, bede winter unde zomer, dat jar dor unde dore; wente dat nutte is den meynen dudieschen copluden. Hiran bewaren sich sante Peters olderlude unde vorsumen nicht sante Peters recht; were dat sake, dat se sich hirane vorsumeden, er juwelich scolde beteren V marc silvers to sante Peters behof, unde des nicht to latende.

102

Vortmer were jenich man, de brechte jenighen slageduc⁴⁸, de buten der kore

находились тогда в Новгороде, приняли решение на пользу объединенного купечества, что воск, который досмотрщики воска находят качественным, припечатывается в Новгороде печатью св. Петра, что никто не должен прикладывать печать св. Петра, кроме как сами старосты св. Петра; если случится, что печать увидят у кого-нибудь другого, который припечатывал бы его воск, причем старосты св. Петра [при этом] присутствовали бы, то старосты св. Петра за это должны быть оштрафованы и уплатить 10 марок серебра. Освобождения от этого не допускается. Столпен⁴⁷ и свин припечатыванию не подлежат.

100

C. Знать должны все те, которые поещают двор в Новгороде, что старосты и их помощники, и объединенные купцы, которые находились тогда в Новгороде, приняли решение на общем собрании на пользу объединенного купечества, что никто не должен давать медь, олово или свинец, никакой товар, который русские получают от немцев, [для взвешивания] на весах князя. Если случится, что кто-нибудь нарушит это постановление, тот должен уплатить св. Петру I марку серебра так часто, как он это сделал; освобождения от этого не допускается. Пусть каждый остерегается, чтобы не потерпеть убытка.

101

C. Знать должны все те, которые видят эту грамоту и слышат ее чтение, что староста двора и его помощники, и объединенные немецкие купцы, которые тогда были в Новгороде, приняли на общем собрании решение, что нужно иметь [во дворе] досмотрщиков воска как зимой, так и летом, в течение всего года; ибо это полезно объединенным немецким купцам. Этим [должны] руководствоваться старосты св. Петра и не нарушать право св. Петра; если случится, что они нарушат, то каждый должен уплатить штраф в 5 марок серебра в пользу св. Петра, освобождения от этого не допускается.

102

Далее, если кто-нибудь привезет оберточное сукно⁴⁸, которое изготовлено

gemaket were, de slageduc scolde voreboret wesen to sante Peters behof. C. Were och hic jenich man in dem hove to Nougarden, de mit behendicheyt van eine valschen lakene makede enen slachdich, worde dat utgegan, he scolde gebroken hebben dat laken unde X marc to sante Peters behuf, unde dar nicht af to latende. Hirvore beware sich en jewelich man, dat he in nenen scaden kome. Dit wort gemaket na der bort unses heren M jar CCC^o jar in deme XXXIII jare, des manendaghes na paschen.

103

C. Weten scolten al de ghene, de dussen breyf seyn unde horen, dat des hoves olderman und sine wisesten unde de meynne dudesche copman ghewilkoret hebben in ener meynen stevene, dat men scal holden wantvinders des somers alsoe des winters; wente vele wandes wert vorcoft, wanne nene wantvinders sint, dat valsche is⁴⁹, unde de Dudeschen darvan vele smaheyt van den Russen hebben geleden, unde schedelich is deme meynen dudeschen copmanne, de den hof to Nougarden soken; des scolten setten sante Peters olderlude dat jar dor unde dore wantvinders, ofte dar nen hoves olderman en were. Hir bewaren sich sante Peters olderlude vore, dat se sante Peters recht nicht ene vorsumen. Weret och sake, dat sante Peters olderlude sich hirane vorsumeden, se scolden hebben gebroken X marc silvers sante Petere. Dat dusse breyf gescreven wort, dat was na der bort unses heren MCCC^o in den XXXII jare, des negesten manendages na sante Pawele alsoe he bekart wart.

104

C. Weren scolten al de gene, de dussen breyf seyn unde horden, dat des hoves olderman unde sine wisesten unde de meynen Dudeschen, de do to Nougarden weren, des to rade sint geworden, dat se des nicht ne willen, dat men jeniger hande lakene, de buten der korene gemaket sint, mere here to Nougarden bringhe, wante dar grot ungemach dicke af gescheyn is; diksmudesche lakene, ypersche lakene unde lange markesche lakene⁵⁰, de mach en jewelich man here wol bringen. Were dat sake, dat jenih man andere lakene here breghte, de uppe desse vorhenomede lakene gecoppet eder gevolden weren, de buten der kore ge-

не по правилам, то это оберточное сукно должно быть конфисковано в пользу св. Петра. С. Если также здесь во дворе в Новгороде окажется кто-нибудь, кто умышленно сделает из неподобающего сукна оберточное сукно, то при обнаружении этого сукно конфискуется и он платит в пользу св. Петра штраф в 10 марок серебра, освобождения от этого не допускается. Пусть каждый остерегается, чтобы не понести от этого убытки. Это [постановление] вынесено в 1333 году в понедельник после пасхи [5 апреля].

103

C. Пусть знают все те, которые видят и слышат эту грамоту, что староста двора и его помощники и объединенные немецкие купцы постановили на общем собрании, что необходимо иметь [во дворе] досмотрщиков сукна как летом, так и зимой, так как продается много сукна, когда досмотрщиков нет, что неправильно⁴⁹, и немцы из-за этого претерпели много обид со стороны русских, [что] вредит объединенному немецкому купечеству, посещающему двор в Новгороде; поэтому старосты св. Петра должны в течение всего года назначать досмотрщиков сукна, когда отсутствует староста двора. В этом деле старосты св. Петра должны остерегаться, как бы не нарушить право св. Петра. Если случится, что старосты св. Петра это допустят [не назначают досмотрщиков сукна], они должны платить 10 марок св. Петру. Эта грамота написана в 1332 г. в понедельник, следующий за днем прозрения св. Павла [27 января].

104

C. Пусть знают все те, которые видят и слышат эту грамоту, что староста двора и его помощники, объединенные немецкие купцы, которые находились в Новгороде, постановили, что они не желают, чтобы сюда в Новгород привозили впредь какие-нибудь сукна, которые произведены не по правилам, так как тут из-за этого часто было много неприятностей; дикусмёйденские сукна, ипрские сукна и длинные маркские сукна⁵⁰ может привозить сюда любой купец. Если же кто-нибудь привезет сюда другие сукна, которые произведены не по правилам, но упакованы и сложены по образцам вышеназванных сукон, то

maket weren, de lakene weren vorboret, unde darto X marc silvers to beternde to sante Peters behuf, des nicht to latende.

105

C. Vortmer cappelakene⁵¹, de to Aken ofte to Kolne gemaket sin, de mach men wol here bringen; so welich man here andere lakene bringel van cappelakenen, de sint vorboret, unde darto X marc silvers to sante Peters behuf, der mit nichte to latende. En juwelich man beware sich an dissen saken, dat he in nenen scaden kome sines gudes unde oc sines geldes. Dit is gescreven unde maket na der bort unses heren M jar CCC jar in deme XXVII jare, to paschen.

106

C. Weten scolten all de gene, de dissen breyf seyn unde horen, dat de olderlude unde ere wisesten unde de meyne dudesche copman, de do to Nougarden was, sin to rade worden in ener meynen stevene dor nut willen des meynen copmannes, dat neman scal den Russen want don to hus to bringende to besende up en behagent, noch lappen aftosniden, noch nerleyge gur also uttodonde, dar scade af komen mochte, Were dat sake, dat dissen wilkore jeman breke, de scal an sante Petere gebroken hebben X mark silvers. unde des nicht to latende.

C. Vortmer so ene scal neman pasul⁵² geven deme waswegere, gut ut eder in to weghene; were dat sake, dat dit jenich man breke, de scolde hebben gebroken an sante Petere X marc, des nicht to latende. Desse wilkore is gemaket na der bort unses he ren M CCC in deme XLII jare, des manendaghes vor mitvasten.

107

Witlich si it al den genen, de dissen breyf seyn unde horen, dat de olderlude unde ere wisesten unde de meyne dudesche copman, de do to Nougarden was, des to rade worden in ener menen stevene dor nut des meynen copmannes mit vulbort der meynen stede, dat neman kopen scal scevenissen⁵³ den bi dusenden unde bi halven dusenden unde bi verden-

такие сукна подлежат конфискации, а привезший их купец к тому же платит в пользу св. Петра штраф в 10 марок серебра, от чего освобождения нет.

105

C. Далее, каплакен⁵¹ из Ахена и Кельна можно привозить сюда; но если кто-нибудь привезет сюда сукна каплакен из других [городов], они конфискуются, а [привезший их купец] платит к тому же штраф в 10 марок серебра в пользу св. Петра, от чего освобождения нет. Пусть каждый остерегается таких дел, чтобы не потерпеть убытка в своем товаре и также в своих деньгах. Это записано и постановлено в 1327 году от Р. Х. в пасху [12 апреля].

106

C. Знать должны все те, которые видят и слышат эту грамоту, что старосты и их помощники, и объединенные немецкие купцы, которые тогда были в Новгороде, приняли решения на общем собрании на пользу объединенного купечества, что никто не должен приносить русским на дом сукна, чтобы они их осмотрили и определили для себя их пригодность, также [запрещается] отрезать куски [от сукон в качестве образцов] и не выдавать никакого товара [на предварительный осмотр], что может принести вред [немецкому купечеству]. Если случится, что кто-нибудь нарушит это постановление, тот должен уплатить штраф в 10 марок серебра в пользу св. Петра, от чего освобождения нет.

C. Далее, никто не должен давать весовщику воска посул⁵² при взвешивании покупаемого или продаваемого товара; если кто-нибудь нарушит это, тот должен уплатить св. Петру штраф в 10 марок, от чего освобождения нет. Это постановление вынесено в 1342 г. от Р. Х. в понедельник перед серединой поста [4 марта].

107

Пусть знают все, которые видят и слышат эту грамоту, что старосты и их помощники, и объединенные немецкие купцы, которые находились тогда в Новгороде, приняли решение на общем собрании с согласия объединенных городов на пользу объединенного купечества, чтобы никто не покупал шевниц⁵³ кроме как тысячами, полтысяча-

delen, unde troyenissen⁵³ dusent vor dusent, unde anders nicht to nemende, mer stücke vor stücke, unde des gelikes manch popelen⁵³; mer troyenissen mach men wol nemen mangh werke, na eren werde: noch to der Righe eder to Darbete, noch to Revele, noch to Plescowe eder to Ploscow, noch nergene, dar des dudeschen copmannes reght is, unde wil an des dudeschen copmannes reghte wesen. Were dat sake, dat jenich man dissen wilkore breke, de scal hebben gebroken an sante Petere X marc silvers, unde des nicht to latende.

108

Vortmer, dat men deme prestere scal geven en half stücke in dat lant⁵⁴ unde en half stücke ut dem lande, unde och jo nicht min. Desse wilkore unde vulbort is gedan na godes bort MCCC⁰ jar in deme XLIII jare, to paschen.

109

Vortmer, to weme de prester in de mascop kust, de scolene ene untfan unde dat beste don; der mascop scal sante Peter geven tor weken enen verdinc vor den prester.

110

C. Witlich si al den ghenen, de dissen breyf sen oder horen, dat de olderlude unde ere wisesten unde de meyne dudsche copman, de do to Nougarden was, des to rade worden in ener meynen stene dor nut willen des meynen copmannes, dat nen copman, de Nougarden soket, lengh den to winachten, de nu tokomende is, scal voren uppe de Russen ungheloyede lakene in nene stede to vorkopende, wente van dissen lakenen de meyne copman hevet gehat groten scaden. Were dat sake, dat jeman na der vorbenomeden tid sodane lakene uppe de Russen vorede unde darmede begrepen worde, de hedde alsodane lakene voreboret, darto sinen broke to beterende mit X marken nougardesch sante Petere. Dusse wilkore wort genaket na godes bort MCCC jar in deme XLVIII jare, in palmen avende.

ми и четвертьтысячами, а тройницы⁵³ только тысячами, и иначе не брать, как [проверяя] штуку за штукой, равным образом [поступать и при покупке] подпалей⁵³, но тройницы можно брать и среди других мехов по их стоимости. Тот, кто хочет пользоваться правами немецкого купчества, [не должен нарушать этого постановления] ни в Риге, ни в Дерпте, ни в Ревеле, ни в Пскове, или Полоцке, нигде, где действует право немецких купцов. Если случится, что кто-нибудь нарушит это постановление, тот должен уплатить 10 марок серебра св. Петру, от чего освобождения нет.

108

Далее, священнику нужно выплачивать полгривны [при приезде] в страну⁵⁴ и полгривны [при выезде] из страны и никоим образом не меньше. Это постановление одобрено и вынесено в 1343 г. от Р. Х. в пасху [13 апреля].

109

Далее, то товарищество [купцов], которое священник выберет себе [для совместного жилья], должно его принять и создать ему наилучшие условия; этому товариществу св. Петр должен давать за священника еженедельно по 1 фердингу.

110

C. Пусть знают все, которые видят и слышат эту грамоту, что старосты и их помощники, и объединенные немецкие купцы, которые тогда находились в Новгороде, приняли на общем собрании решение, на пользу объединенного купчества, что ни один купец, который приезжает в Новгород, не должен дольше, чем до предстоящего рождества, привозить для продажи русским ни в какие города неопломбированных сукон, так как от таких сукон объединенное купчество терпело большие убытки. Если случится, что кто-нибудь после вышеуказанного времени привезет русским такие сукна и будет в этом уличен, то он теряет эти сукна и к тому же платит штраф в 10 марок новгородских гривен св. Петру. Это постановление вынесено в 1348 г. от Р. Х. вечером в вербное воскресенье [12 апреля].

C. Wittlich si in al den genen, de dissen breyf seyn unde horen lesen, dat des hoves olderman unde sine wisesten unde de mene dudesche copman, de do to Nougarden weren, des overen quemen mit vullen berade unde endranght in ener menen stevene dor nut unde vromen des meynen dudeschen copmannes, dat neman, de in des copmannes reghte to Nougarden wesen wil, lengh den disse tidinge in Vlanderan comet, scal kopen overleyesche⁵⁵ lakene eder derbenterische⁵⁶ menghede, de gemaket sint uppe de comenschen⁵⁷ unde uppe de werवेशen⁵⁸ unde alsodane lakene, de men nicht vorcopen mach uppe der halle to Brugghe, noch to Gotlande, noch to Ryghe, noch to Revele, noch to Darbate, noch to Plescowe, noch to Nougarden, noch in jenighe andere stede uppe de Russen to vorende. Weret sake, dat jeman alsodane lakene, de na der vorbenomeden tid weren gecoft, uppe de Russen jerghene vorede unde darmede worde begrepen, de lakene scolden vorbort wesen, unde darto scolde he gebroken hebben X marc silvers to sante Peters behuf, des nicht to latende.

C. Vortmer, na der vorbenomeden tid scal nen copman, de Nougarden soket eder in deme reghte wesen wil, copen eder maken laten mit vorsate eder mit argelist lakene, welkerleyghe dat se sint, eder wo se sin genant, der de lakene moghen werden gheergert, de men uppe de Russen plecht to vorene; wente mit den vorbenomeden lakenen de markt dicke gesat is, des de mene copman hevet groten scaden ghehat unde och grot vorwit van den Russen umme der lakene snodicheit. Worde jeman mit sodanen lakenen bevunden, de scolde de lakene vorboret hebben unde darto X marc, des nicht to latende. Hir beware sich en juwelich an, uppe dat he in nenen scaden kome sines gudes unde sines geldes. Dusse wilkore maket wort unde screven na der bort unses heren MCCC jar deme LIIII jare, des midwekens na deme ersten sundaghe in der vasten.

C. Пусть знают все, которые видят эту грамоту и слышат ее чтение, что староста двора и его помощники, и объединенные немецкие купцы, которые были тогда в Новгороде, посовествовавшись на общем собрании, единодушно решили на пользу и благо объединенного немецкого купечества, что никто, кто хочет пользоваться правом купцов в Новгороде, не должен с того момента, когда эта весть дойдет до Фландрии, покупать там сукна, изготовленные по ту сторону реки Лис⁵⁵, или смешанные армантьерские⁵⁶, которые сделаны под вид комминских⁵⁷ и вервьеских⁵⁸ и им подобных сукон, которые нельзя продавать на крытом рынке в Брюгге, ни на Готланде, ни в Риге, ни в Ревеле, ни в Дерпте, ни в Пскове, ни в Новгороде и не привозить ни в какие другие города русским. Если случится, что кто-нибудь привезет такие сукна, которые были куплены после вышеназванного времени, куда-нибудь русским и будет в этом уличен, то сукна будут конфискованы и сверх того он должен будет уплатить штраф в 10 марок серебра в пользу св. Петра, от чего освобождения нет.

C. Далее, после вышеназванного времени ни один купец, который приезжает в Новгород или хочет пользоваться правами [объединенного немецкого купечества], не должен умышленно или с хитростью покупать или заказывать сукна, какими бы они ни были или как бы они ни назывались, если они могут нанести ущерб [доброму имени] сукон, которые обычно привозят русским; так как вышеназванными сукнами рынок переполнен, отчего объединенное купечество понесло большие убытки, а также было много упреков со стороны русских из-за плохого качества сукон. Если кто-нибудь будет обнаружен с такими сукнами, у того сукна должны быть конфискованы, [а он платит] к тому же штраф в 10 марок, от чего освобождения нет. Здесь должен остерегаться каждый, чтобы не лишиться своего товара и своих денег. Это постановление было вынесено и записано в 1354 году от Р. Х. в среду после первого воскресенья в пост [5 марта].

C. Vortmer hebben de stede unboden, dat nen man scal win vorcopen noch jenigherleye drenke, mer bi vullen tunnen, by L marken unde des hofes reghte.

Witlich si al den genen, de dissien breyf seyn unde horen lesen, dat de olderlude unde de wisesten unde de meyne copman, de do to Nougarden was, to rade worden mit er endracht in ener meyenen stevene, dat nene beyrlude, de beyr vorcopen, scolen stan uppe der Goten hofe, de wile de hof sunte Petere steyt, wante deme copmanne vele unghemakes is geschein darvan unde vele vorwites hevet gehat daraf van den Russen, Hirmumme so sint wi des ens worden, dat nene beyrlude, de beyr vorcopen, scolen daruppe stan; were dat sake, dat jene olderlude enthalden beyrlude uppe den vorbenomeden hof, de scolden beteren X marc sante Petere, unde des nicht to latende. Dit is geschein na der bort unses heren, do men scref MCCC^oLI, des manendaghes vor palmen.

C. Witlich si al den ghenen, de dyssen breyf sen oder horen lesen, dat des hofes olderman unde sine wisesten unde de meyne dudesche copman, de do to Nougarden weren, des overen quemen mit vullen berade unde endracht in ener meyenen stevene dor nut unde vromen des meynen dudeschen copmannes, dat nen man mer na disser tid, alse desse breyf vor dem meynen dudeschen copmanne to Brugghe gelesen is, kopen en scal, to Nougarden to vorende up de Russen, noch to Gotlande, to der Righe, to Darbete, to Revele, to der Pernowe eder nirgen her in dit lant, nenerhande gesnedene lakene, se sin war se gemaket sin, ane Engelsch want, dat mot en juwelich gut man wol voren; wante wi van dussen gesnedenen lakenen vele scaden unde vorwites van den Russen gehat hebben, als van gruweliker korte weghene unde van twigerleyghe wande unde varwe in eme lakene. Vortmer so hevet de mene dudesche copman overen gedreghen unde ghewilkoret, dat nemen na disser

C. Далее, города постановили, что никто не должен продавать вино или какие-нибудь напитки кроме как полными бочками [под угрозой] штрафа в 50 марок и лишения прав двора.

Пусть знают все, которые видят эту грамоту и слышат ее чтение, что старосты и их помощники, и объединенные купцы, которые тогда были в Новгороде, решили единодушно на общем собрании, что пивовары, которые продают пиво, не должны стоять на Готском дворе, пока существует двор св. Петра, так как из-за этого купцы имели много неприятностей и много упреков по этому поводу со стороны русских. Поэтому мы единогласно постановили, что никакие продавцы пива, которые продают пиво, не должны находиться на этом [дворе]; если [это] случится, то те старосты, [которые] примут на постой продавцов в вышеназванный двор, должны уплатить штраф в 10 марок серебра св. Петру, от чего не могут быть освобождены. Это было принято, когда писали 1351 год от Р. Х., в понедельник перед вербным воскресеньем [4 апреля].

C. Пусть знают все, которые эту грамоту видят или слышат ее чтение, что староста двора и его помощники, и объединенные немецкие купцы, которые тогда были в Новгороде, посоветовавшись на общем собрании, единодушно пришли к решению на пользу и благо объединенного немецкого купечества, что никто не должен после того времени, когда эта грамота будет прочитана перед объединенными немецкими купцами в Брюгге, покупать для того, чтобы везти в Новгород русским или на Готланд, в Ригу, в Дерпт, в Ревель, в Пернов, т. е. никуда сюда в эту страну, разрезанные на куски поставы независимо от того, где они произведены, кроме английских сукон, их может любой добрый купец беспрепятственно привозить [в разрезанном на куски виде]; так как мы по причине этих разрезанных на куски поставов потерпели много убытков и много упреков со стороны русских, как, например, из-за их ужасной короткости и из-за наличия

tid, also vor gescreven is, och uppe de Russen voren ene scal nenerleye scharlakene⁵⁹, gelistet eder ungelistet, se ene hebben ere vullen grenen. Hir beware sich en juwelich man vore, dat he in nenen scaden kome; unde we dissen wilkore breke, de scolde vorboret hebben also dane want to sante Peters behuf, alse hirvor gescreven is unde X marc silvers. Desse wilkore wort gemaket na godes bort MCCC jar in deme LV jare, des anderen sunnendaghes in der vasten.

116

C. Vortmer we to sante Peters oldermanne gekoren weyrt, deme scal men dat buc⁶⁰ vorlesen laten, er men eme de slotele antworde, uppe dat he wete, warna dat he righten moghe; och scolden sante Peters olderlude alle pryvyleya unde alle sendebreve, de deme copmanne to Nougarden ghesant werden, bewaren bi er wiscop, so se best mogen. Vortmer were dat sake, dat der vorbenomeden breve jenich vorwarlozet worde eder van jemede utghevoret worde sunder vulbort des meynen copmannes, de solde ghebroken hebben I. marc silvers unde des hoves reght. Disse wilkore is gemaket na godes bort MCCC jar in deme LV jare, des anderen sunnendaghes in der vasten.

117

Anno domini MCCCLXX^o circa Johannis baptiste hadde orleghe ghewesen tuschen den heren van dem lande unde den Russen, dat gadde twe jar unde lenk; do worden de heren van Lubeke des to raade myd dem rade van Gotlande, dat se senden to Tarbate erlike booden alse her Johan Scepenstede van Lubeke unde her Daniel van der Heyde van Gotlande. Do sulves was de kerke to Nougarden tosloten, unde de kopman was van denne varen unde nam myd sic sunte Peters smyde, syne missewede, boke, breve unde de olden scraa; des antwardede de kopman dyd ghud den boden to Tarbate. Do vunden se in der scraa, dat dar etlike blade weren udghesneden unde over etelke scrift was ghescreven. Ok vunden zee dar etelke stucke unde zake in ghescreven van

в одном поставе двух сортов сукна различного цвета. Далее, объединенное немецкое купечество договорилось и постановило, что никто после этого времени, которое выше записано, также не должен русским привозить поставы скорлата⁵⁹ с кромкой или без кромки, если они не имеют полагающейся им окраски. Пусть каждый уберет себя от этого, чтобы не потерпеть убытка; если кто нарушит это постановление, у того будет такое сукно конфисковано в пользу св. Петра, как было написано раньше, и он платит штраф в 10 марок серебра. Это постановление вынесено в 1355 году от Р. Х. во второе воскресенье во время поста [1 марта].

116

C. Далее, тому, кто будет избран старостой св. Петра, следует прочитать вслух эту книгу⁶⁰, прежде чем ему будут вручены ключи, чтобы он знал, чем он может руководствоваться; старосты св. Петра должны также хранить наилучшим образом, как только могут, все привилегии и все послания, которые присылаются купцам в Новгород. Далее, если какая-нибудь из вышеназванных грамот пропадет или будет кем-нибудь увезена без разрешения объединенного купечества, то [виновный в этом староста св. Петра] должен уплатить штраф в 50 марок серебра и лишиться права двора. Это постановление вынесено в 1355 году от Р. Х. во второе воскресенье во время поста [1 марта].

117

В 1370 году от Р. Х. около дня Иоанна Крестителя [24 июня] была война между властями [ливонской] земли и русскими, которая длилась больше двух лет; тогда господина Любека договорились с магистратом Готланда направить в Дерпт достойных послов как господина Иоганна Шепенстедте от Любека и господина Даниеля фан дер Хейде от Готланда. Тогда церковь в Новгороде была закрыта и купцы оттуда уехали, взяв с собой ценности св. Петра; его ризы, книги, грамоты и старую скру; купцы передали это имущество послам в Дерпте. Тут они [послы] обнаружили в скре, что там некоторые страницы вырезаны, а на некоторых записях был надписан [новый текст]. Также они обнаружили, что несведущими людьми были там вписаны некоторые статьи

unwetenden luden, de dar nicht en bord in to wesende, unde dar ok over ghescreven was. Des worden desse vorbenomen bode to rade unde duchte en nutte unde ghud wesen, dat ze dat buk der olden scraa vernygeden unde verscreven. Des beeden zee unde setten ernestachtighen to holdende, dat sik de olderlude darvor bewaren bi X marken sulvers, unde nicht to latende, dat men in desse scraa nicht scriven late, men dat redelk unde blivende zi. Wer dat zake, dat jemend also dumkune were, de hir en blad udsnede edder over jeneghe scrift scribe, des en scolde he nicht weten, ef he myd dem live edder myd dem ghude betern mochte; dat gherichte scal stan an dem kopmanne, wo se dat richten willen.

118

Anno domini MCCC^oLXXI circa pasca setten de bode van over zee, her Iohan Scepenstede unde her Daniel van der Heyde, myd vulbord des kopmanne dyd recht vastelken to holdende; waner de kopman to Nougarden besad is, dat neman scal vp se varen myd kopenscap, id si to lande efte to watere, edder jeneghen wech to, bi live efte bi ghude, wente id dicke groten scaden dan heft; hadde de toward ghedan, dyd to richtende to Nougarden van dem kopmanne bi eeden.

119

Item zo setten se unde beeden to holdende: we vorclaghede edder besproken werd myd jeneghen zaken, dat he ghebroken heft an sunte Peters recht, dat de olderlude unde de kopman to Nougarden des machtich zyn to latende, dat he kome in den hof to Nougarden bynnen VI wekene, is he bynnen landes, sic to vorantwardende; is he ok over zee, dat he kome bynnen jaar unde daghe to Nougarden, sic to unsculdeghende.

и положения, которым не подобало там быть, и там также был надписан [текст]. Поэтому вышеназванные послы, посоветовавшись, решили, что было бы полезно и хорошо обновить книгу старой скры и переписать ее. Это они приказали [сделать] и постановили, что к скре нужно относиться серьезно, что старосты под угрозой штрафа в 10 марок серебра, от которого освобождения нет, [следили бы], чтобы в эту [новую] скру ничего не вписывалось, кроме только того, что законно и имеет постоянное значение. Если кто-нибудь окажется настолько наглым, что вырежет из нее страницу или напишет [в ней] какой-нибудь текст, тот не должен знать, ответит ли он за это своей жизнью или товаром; суд должен будет решить, к чему присудить этого купца.

118

В 1371 году около пасхи [6 апреля] послы из заморья господин Иоганн Шепенстед и господин Даниель ван дер Хейде постановили с согласия купечества строго придерживаться следующего правового положения, когда купцы в Новгороде задержаны, то никто не должен ехать к ним с торговой целью, будь то горой или водой или каким-нибудь другим путем [под угрозой] смертной казни или конфискации товаров, так как это часто причиняло большой вред [купечеству]; если [кто-нибудь] все же придет, то этот [проступок] судить в Новгороде под присягой.

119

Далее, они [послы] постановили и приказали соблюдать [следующее]: если кто-нибудь будет обвинен или оговорен в каком-нибудь поступке, которым он нарушил право св. Петра, то старосты и купцы имеют право вызвать его, чтобы он явился во двор в Новгороде с целью оправдаться в течение 6 недель, если он находится в стране [в Ливонии]; если же он за морем, то чтобы явился в течение года и дня в Новгород для снятия обвинения.

¹ Печатается по изданию: Schlüter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII bis XVII. Jahrhundert. Dorpat, 1911. Перевод и примечания И. Э. Клейнберга. Статьи 86—92, составленные в 1346 г., являлись дополнением к третьей скре и обозначены Шлютером как самостоятельный раздел IIIб.

² Olderman, староста. Ганзейские термины, особенно названия должностных лиц в иноземных дворах, по-разному переводятся на русский язык в исторической литературе: см.: Андреевский И. Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 г. СПб., 1855; Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. СПб., 1893; Таль П. Третья Новгородская скра (ок. 1325 г.). М., 1905; Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Л., 1975. В настоящей работе предлагаются переводы указанных терминов, отражающие сущность той или иной должности.

³ Wissesten, букв. «мудрейшие»; здесь: советники, помощники.

⁴ Kumpane van gelde, букв. «компаньон по деньгам», «складник», т. е. купцы, ведущие общую торговлю.

⁵ Mesterman, здесь: самостоятельный купец, привозящий с собой товары и имеющий при себе деньги для ведения торговых дел.

⁶ Knecht, букв. «слуга»; здесь: подручный человек, которого привозил с собой самостоятельный купец, не имеющий собственных товаров и выполняющий различные поручения последнего.

⁷ Bi n marken, одна из формул, называющих размер штрафа. Другие формулы: dat were n marc, de breke n marc.

⁸ Vom, брус, деревянный засов, которым на ночь запирали изнутри церковь.

⁹ Староста, как каждый самостоятельный купец, имел при себе нескольких подручных (см. прим. 6).

¹⁰ iserne, цепи и кандалы, которыми приковывали провинившихся.

¹¹ См. прим. 13 в главе IV.

¹² Swichbogen, букв. «подпорная арка». Очевидно, церковь св. Петра имела вдоль стен нечто вроде галереи, под своды которой помещались различные товары.

¹³ Bret, здесь: доска, на которой велось взвешивание.

¹⁴ De klyen und de doke, не совсем ясно. Шлютер считает, ссылаясь на Грутоффа, что эти предметы (тряпки, отруби) служили для мытья и вытирания серебра (Schlüter W. Op. cit. Register, s. 33).

¹⁵ Воском, очевидно, заливали бочки, чтобы сделать их герметичными. Следует обратить внимание, что в этой статье, как и в аналогичной статье V скры, запятая поставлена неправильно после союза was, вместо после Peters. Правильно поставлена запятая в соответствующей статье VI скры.

¹⁶ Gaffeln, вилка для вынимания гирь из ящика, где они хранились.

¹⁷ Verdinghe, фердинг, монета равная 1/4 марки. Марка серебра составляла примерно 200 г.

¹⁸ Держать церковь открытой, т. е. иметь право хранить в ней товары.

¹⁹ Юрьев монастырь под Новгородом, архимандрит которого был главой черного духовенства.

²⁰ Быть первым во дворе (см. также ст. 27) означало право выбрать себе помещение во дворе.

²¹ В данном случае имеется в виду не только церковь св. Петра, но в целом вся ганзейская контора в Новгороде.

²² Cleten, русск. клеть; здесь: жилое помещение, используемое в отдельных случаях для хранения небольшого количества товаров (ст. 29) и для продажи мелких предметов (ст. 33).

²³ Rapaten, не совсем ясный термин; здесь: очевидно, полаты, т. е. места для сна, устроенные наверху.

²⁴ Ruwage, мех, пушнина; здесь: шкуры крупных животных: оленя, козы, косули.

²⁵ Watmel, ватмал, грубое домотканое сукно (см.: Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М., 1963, с. 193).

²⁶ Repen, веревка, означающая меру длины в 10 локтей, т. е. около 5 м.

²⁷ Kunen, куна; здесь: мера продаваемых кож, равная 5 козам.

²⁸ Vogel, форт — староста отдельной общей спальни.

²⁹ Knäpen. См. прим. 6.

³⁰ Potklet, русск. подклет; здесь: нижний этаж клетки.

³¹ Gridenissen, русск. гридница (см. с. 107).

³² Kloppe, букв. «колотить», в данном случае не совсем ясно.

³³ Der, dir, зверь, животное. Очевидно, имеются в виду лошади, на которых иноземные купцы приезжали в Новгород по суше. В ст. 26 II и III редакций скры прямо названы лошади; за вред, нанесенный ими, также отвечал хозяин лошади.

³⁴ Bi des hofes rechte, лишение прав двора, т. е. запрещение приезжать в Новгород с торговыми целями и останавливаться во дворах ганзейцев.

³⁵ Binnen landes. Здесь: в пределах Новгородской земли.

³⁶ Soltingh, русск. золотник, составляющий 1/46 гривны, равнялся 4 з серебра.

³⁷ An hals unde an hant, правовой термин, определяющий смертную казнь или лишение руки.

³⁸ Jar unde dach, правовой термин, обозначающий полный год плюс один или несколько дней.

³⁹ Osele, Эзель, совр. о. Сааремаа.

⁴⁰ Wakeware, езда по замерзшему льду с одновременным использованием саней и лодок для преодоления полыней, такая езда была распространена в средневековье по Балтийскому морю.

⁴¹ Harwerk, беличий мех, снятый чулком и продаваемый мехом наружу (см.: Хорошкевич А. Л. Указ. соч., с. 75).

⁴² Doyenissen, дойницы, очевидно, некачественные беличьи шкурки, сшитые из обрезков (см.: Хорошкевич А. Л. Указ. соч., с. 70, прим. 102).

⁴³ Velin, совр. г. Вильянди в Эстонии.

⁴⁴ Swin, свин, нестандартный, низкопробный сорт воска (см.: Хорошкевич А. Л. Указ. соч., с. 136—154).

⁴⁵ Перевод этой статьи дается по ее переводу в ГВНП, № 41, с. 73—74.

⁴⁶ Lude, здесь: немецкие купцы.

⁴⁷ Stolpen, нестандартный сорт воска. См. прим. 44.

⁴⁸ Сукна ганзейцы продавали только оптом: кипами и поставами, которые были обернуты куском того же сукна, служившего одновременно и образцом содержимого упаковки, которая была запломбирована.

⁴⁹ Dat valsch is. Это выражение можно отнести также и к сукну, которое фальсифицировано, т. е. не соответствовало сорту и качеству.

⁵⁰ Наименование сукон по названиям городов: Диксмёйде и Ипр — города в Западной Фландрии; маркские сукна производились или в г. Маркем близ Диксмёйде, или в г. Марк (Maarq) в бельгийской провинции Энс.

⁵¹ Cappelakene, каплакен — сукна для верхней теплой одежды.

⁵² Passul, русск. посул, гостинец, побор, взятка (см.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956, т. III, с. 349).

⁵³ Сорта беличьих шкурок (см.: Хорошкевич А. Л. Указ. соч., с. 81—86).

⁵⁴ Здесь: в Новгород.

⁵⁵ Overleyesche, от названия реки Ley (фландр.) или Lys (франц.), левый приток Шельды.

⁵⁶ Derbenterische, от фламандского названия французского г. Армантье.

⁵⁷ Comensche, от названия г. Commines.

⁵⁸ Wervesche, от названия г. Vervies.

Все города, упомянутые в прим. 56—58, находились на территории Северо-Западной Фландрии и имели развитое ткачество.

⁵⁹ Scharlakene, русск. скорлат, самый дорогой сорт сукна ярко-красного цвета.

⁶⁰ Вис, книга; здесь: скра.

Арендный договор на Готский двор 1425 г. (неподлинный)*

Пусть ведомо всем людям, которые это открытое письмо видят, слышат и читают, что мы, бургомистр и рат Ревеля, договорились от имени немецкого купечества на Готланде и за всю страну насчет Готского двора в Новгороде с домерами Готланда. Мы согласились и этим нашим открытым письмом подтверждаем свое согласие платить вышеназванным домерам на Готланде небольшую ренту за вышеназванный двор, а именно 5 рейнских гульденов за каждый год, и выплачивать каждые 5 лет постоянно безо всякой хитрости.

Таким образом вышеназванный двор должен быть в распоряжении купечества ганзейских городов все время за вышеупомянутую плату и никакого другого на вечные времена. Для внящего подтверждения того, что эти вышеназванные статьи и пункты должны постоянно и неизменно соблюдаться, то мы, бургомистр и рат города Ревеля, подвесили печать нашего города к этому нашему открытому письму, которое дано и написано в нашем городе Ревеле в 1425 году от Р. Х. в ближайшую среду после дня св. апостола Якова.

Повесть о посаднике Добрыне. Синодская редакция**

Чудо Крестителя Господня Иоанна о новгородском посаднике.

При державе благочестивых великих князей Руския земли Великого Новгорода народи живяху свободственно и с прочими окрест сущими иноплемениными странами в мире и совокуплении. Тогда оубо ближаиши тамо сожителie, иностранницы латинския веры прислаша в Великий Новгород от седмидесят градов своих, моляху архиепископа Великого Новгорода, посадников же и тысящников и всех града того народников, глаголюще им с прилежанием и со обычным прошением: «О, приятнии и ближайшии соседи наши, дадите нам место посреде града вашего, идеже созиждем божицу по обычаю и вере нашей». Великаго же Новгорода, людие, слышавше сия и совет сотворше, отрekoша им, глаголюще: «Милостию Творца нашего Бога и Пречистыя Его Матере, благословением же и молитвами владыки и пастыря нашего архиепископа града сего, во отечестве государей наших великих князей русских, в Велицем сем нашем Новеграде, водрузишася и есть вся церкви православия наша веры, то оубо ныне кое причастие тме к свету. Тако и вашей божице, по вере и обычаю вашему, како возможно быти во граде нашем?» Слышавше же сия, латыни в печали быша о сем. Паки же оубо врагоу и супостату подстрескающе я оумышляют окаяннии отступницы правая веры нашей и подходят ласканьем и дары многими некоего от посадник, Добрыню прозванием. Он же общася им крепче о сем побарати и наоусти я, да глаголют в народе, сие рекуше: «Аще вы, друзи наши, дадите нам место во граде своем на здание божицы нашей, сие и мы сотворити восхошем, да не будут церкви ваша во градах наших». Сия оубо слышав окаяннии латыни радости быша. Время ж обретше, паки внидоша в сонм народа, глаголют им, паущенная посадника словеса. Народи же, слышав сия их речения, недомышляхуся, но обаче размысли, начаша молити архиепископа, да благословит их дати место во граде, идеже ти изберут, на поставление божицы их. Помощь же подающе им многу, мздоимныи народник Добрыня глаголя сие: «Аще не дадимы мы места божице латынстем во граде нашем, то оубо и в латынских градах разоритися имут церкви наша, и от сего зела нужда имать нам быти». Архиепископ же, не могши презрети людскаго прошения и посадника споможения, преклонися воли их, и повеле: «Да дадут место во граде на поставле-

* LUB, VII, № 329.

** Перепечатано по: Никольский А. Н. Сказание о двух новгородских чудесах из жития святого Иоанна Предтечи и Крестителя Господня. — ИОРЯС, т. 12, кн. 3. СПб., 1907, с. 98 — 116.

поставление ропате латынстей, идеже избрав власт им посадник Добрыня к потребе их». Тогда оубо латинское соборище возрадовашеся радостию великою зело, яко оулучиша хотение свое. По времени же исхождаху, смотряще места к потребствованию своему, но обаче оубо паче многих мест избраша едино место нарочито, близ суща торга, идеже бе церковь древняя великого Пророка и Предтечи, Крестителя Господня Иоанна, и возвестиша посаднику оному, яко угодно есть к потребе их. Той же оумовредный издопрятель ослепи очи свои и сердце омрачи златоприятием, и забыв день судный, не имея страха Божия, оуготовляше им дати место оно по злому их изволению, и тако повелевает церковь святого предтечи Иоанна с места оного пренести, а оно святое место отдати поганым латином под скверную божницу. О, прелести человечестей скудооумне, кто оубо не дивится или не оужаснется таковому злодерзю скверноприятного посадника оного, како оубо испоруга православную свою веру и в посмеях влады латином злата ради, церковь Христову изгна, а еретическое капище вместо оной прият. О, суетоумне народниче, како оболстися злата деля вместо поборателя противник зол явися Христове церкви. О, злато многопогубительное, худшее персти и праха, изгубльшее сего суетмудренного, и со Иудею причетшее, тои оубо Христа преда, сей же церковь его, тои оубо со иудеи совещаша, а сей с латыни, той оубо шед оудавися, а сей водою истопися, той оубо от апостол отлучися, а сей, христианския кончины не оулучив, скончаша, той оубо от всех проклинаем есть, а сей от всех правоверных непоминаем бысть, оувы, яко христиан сии измени божественный храм на еретичю ропату. Но о сих изрекше, прежде реченная совершаем. Тогда оубо великий пророк высочайшии и честнейшии всех Предтеча и Креститель Господень Иоанн зрит свыше божественный свой храм злым издоимцем испоруган и со святого оного места пренесен, изволи отмстити златолюбцу оному. И в нощи тои явися богоснабдимого храма своего пономарю, глаголя сие: «Заутра дне сего, яко при часе третьем, иди к великому мосту, повелевая народом собратися на великий мост, зрети хотящее быти чюдо». Минувши же нощи изыде пономарь, по гласу божественного Предтечи, вещая реченная людям. Тогда множество людий стекошася на нарекованный мост, чающе зрети неведомое видение. Якоже бысть время, прежде реченный посадник, злоименитый сребропрятель, латынский поборник, Предтечеве церкви испоругатель, христианский посрамитель, лихоименителный Добрыня собрався с погубительною си честью, по обычаю своему с рабы его, вседе в насад, хотя реку плыти и ити к дому своему. И бысть егда плывущим им абие воста буря зела и ветер противен и дотолика, яко оубо под-емшуся на-саду оному выпры вышеше двое сажени и оттуда низ падшуся в воде и, пребывшу дондеже погрязе в истопе многоплачевное тело посадниче. Тогда оубо совершися давидское проречение, яко изыде дух его и возвратится в землю свою, в той день погibe все помышление его и яко овца во аде положен сущ, и смерть оупасе и, егда оумре, не оставили вся, но ниже сниде с ним слава его. Народи же, видевшеи сия, оужасни быша, зряше Божие грешным наказание и помышляше книждо их о своих согрешениях и к покаянию тшашеся, и моляше милостиваго Творца своего, да ущедрит милосердие свое на них и подаст им время исповедания и грехов прощения. Тогда оубо сплавлющи с посадником онем оуопати в реце хотяше и абие превозники изяти быша от воды, дондеже здравие получив, благодаряше Бога, отхожаху в дома своя. Тело же посадниче, многи мрежи ввергше, едва извлекоша от воды, его же и погребению христианскому не сподобиша. Сия же слышавше возлюблении накажитися добро творити, а не зло творити, душу спасти, а не погубити, бывающе не издоимцы, ни лихоиматели, но правде и целомудрию любители, наказующе себе самех от божественных писани и от чудес Христовех и Его оугодников. Паче же и от сего предтечева чюдесе, прочитаемаго днес на всечестный его и святый праздник во ушеса всем вам, елико слышахом и разумехом, и отцы наши поведаша нам, не оутаися от нас, чад их в роды сия возведем во хвалы Господня и силы Его, и чюдеса Его ныне и присно и во веки веком. Аминь.

Чюдо о Спасове образе воображеннем на латынстей ропате, поставленной на месте, идеже бе стояла церковь Иоанна Крестителя в Великом Новеграде.

Господь Бог наш Исус Христос во дни древняя сотвори в людех своих знамение предивно и всякаго оужаса исполнено в наказание правоверным; еже бы не смешатися им, ни очесом приблизитися к скверным латином. О сем бо бысть чюдо преславно в Рустей земли в Великом Новеграде, содевшееся сие, егда убо

святаго пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна божественную церковь Великого Новаграда посадник зломенитый Добрыня, мздою от латын ослепленный, повеле на ино место пренести и место тоя святых церкви отда скверным латином на поставление поганей их ропате. Тогда оубо сии окаяннии по злomu своему изволению ропату си оустроиша по вере и по обычаю своему. И еще они сквернии недовольни быша обруганием святаго храма божественнаго Предтечи, еже с места его пренесением и своей ропати на том месте поставлением, но яко змии распыхахуся сердцы своими, еже бы ино что им сотворити поношение православным. И издавше сквернии свой смысл яве, оумышлением сицевым, повелевают оубо наимше иконных изуграфов вообразити их шаровным художеством и вапным надписанием образ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на ропатнем своем оугле с полуденныя страны, яко бы тому поклонятися христианом. Сему же тако бывшу, писарие оубо наимшесе живописаша образ Иисусов, но бес повеления епископя. И яко совершиша образ писменем, отъisha же и закрыв, имже бе задено оно живописательство. Тогда оубо от чюдеси преславу и многому оужасу исполнену, напрасно абие внезапно от воздуха сниде дождь велии и град крепкии и изби все живописательство образа Спасова и измовено сотвори, якоже дотолика поне ни левканию остати на месте оном. И сеже слышавше града оного народи в страхе и в радости бывше хвалу Богу и благодарение возсылаху, яко того божественным смотрением и молитв ради великаго Предтечи снесение церкви его с места мсти окаянному злохищнику оному истоплением в воде, а сие чюдо во обличение безбожным латином сотвори, правоверным же в большее наказание и в крепкое оутверждение сия обоя оустрои. Вонмите оубо опасно о сем православия соблюдателие слышавши сия, иже не приобщатися нам ничимже к скверным и безбожным противникам закона Христова латином, яко оубо и Творца нашего образ на скверней их ропате аще вообразися и сие неугодно Богови быти вменися, Емоу же слава со Отцем и со Святым Духом ныне и присно и во веки веком. Аминь.

*Волоколамская редакция**

Повесть древних лет, яже содеяшась в Великом Новеграде. О посадники Добрыне.

В лета благочестивых великих князей наших Руских, живущим Новгородцем в своей свободе и со всеми землями в мире и совокуплении, прислаша Немци от всех семидесяти городов посла своего. Биша челом архиепископу Новгородскому, и посадником, и тысяцким, и всему Великому Новугороду, глаголюще: Милые наши соседы! дайте нам место у себя посреди Великаго Новагорода, где поставити божница по нашей вере и обычаю. И новгородци отмоливши им, рекуще: «Милостию Божиею и его пречистыя Богоматери и отца нашего господина архиепископа благословением и молитвою, у нас в вотчине господы нашей великих князей Руских, в Великом Новеграде, стоят все церкви православные нашиа веры христианския, ино кое причастье свету ко тьме, також и вашей божницы быть как в нашем граде?» Бе же тогда посадник степенный Добрыня именем, и немци слышавше жестокий ответ от архиепископа и от всего народа, и своим лукавством биша челом посаднику Добрыне и даша ему посул велик. О сем бо и Соломон рече: все послушают злата. Посадник же Добрыня и с злыми своими советники повеле немцом говорити старостам купецким и купцем новгородским: толко нашей божнице храму святых верховных апостол Петра и Павла не быти у вас в Великом Новеграде, и то вашим церквам у нас по нашим городам не быти ж. И то слышавше старосты купецкие и все гости новгородские, начаша бити челом господину своему, отцу архиепископу имя рек и всему Великому Новуграду, рекуще: пожалуйте поволите немцом поставити ропату по их обычаю и вере, и место им дайте, где полюбят, зане же не будет их божницы zde, ино нашим церквам у них

* Перепечатано по: Памятники старинной русской литературы. Вып. I. Спб., 1860, с. 252.

не быти. Та ж и посадник Добрыня за старост и за гости начал говорити: только не будет наших церквей по немецким городам, ино нашим гостем новгородским велми будет нужно; и архиепископ и новгородци послушана посаднича совета и гостей своих челобитья, поволиша немцом поставити ропату, а место им укажет посадник, где будет прилично. И немцы избраша себе место посреди града в торгу, где стоит церковь древяна святого Иоанна Предтечи. Посадник же Добрыня ослеплен мздою и научен дьяволом, повелел церковь святого Предтечи снести на ино место, а то место отвел немцом. Предтеча же Господень не терпя вражия навета и его злаго советника, что испугал святой его храм мзды ради. В ноши убо той услыша пономарь тоя церкви Предтечевы глас, глаголющ ему: завтра на третьем часу дневном иди на великий мост и повели новгородцем смотрити добрынина посадничья чюда. И пономарь завтра возвести новгородцем яко же слыша. И абие стеконашь множество народа на великий мост видети, что хошет быти. И какоже поеха посадник Добрыня с вече к своей улице чрез Волхов в насаде с людьми своими, и внезапно прииде вихрь, и взем насад, възнесе на высоту, яко боле дву сажени и удари о воду, и ту потопе посадник Добрыня ко дну, а прочих всех переимаша в судех въ малых перевозники, и тако неводы, мрежами и ужи едва възмогаша вывдести тело его из реки. За свое же лукавство не получи и погребения, яже есть обычай православным.

Сия ми поведа игумен Сергий Островского монастыря от святого Николы, отец Заикиев, ныншняго игумена Хутынского.

О той же ропате.

И якоже съвръшиша немцы ропату свою и паяша иконоников новгородских, и повелеша им написати образ Спасов на ропатнем углу, на полуденной стране в верху, на пресельи христианом и на соблази. И якоже написаша иконописцы образ Спасов на ропате, а архиепископа не доложи, и открыша покров, и абие вскоре том часе прииде туча с дождем и с градом, и выбило градом и место то, идеже был написан образ Спасов, и левкас смыло дождем, яко же не явиться ни знамиению. Писания сия же до зде.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	—	Акты археографической экспедиции
ГВНП	—	Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения
ИОРЯС	—	Известия отделения русского языка и словесности имп. Академии наук
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
НПЛ	—	Новгородская первая летопись
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РИБ	—	Русская историческая библиотека
РШЭО	—	Русско-шведские экономические отношения
ЦГАДА	—	Центральный архив древних актов
LUB	—	Liv -, Est -, und Curländisches Urkundenbuch
HR	—	Hanserecesse
HUB	—	Hansisches Urkundenbuch
HGBH	—	Hansische Geschichtsbilder



ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

I. ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

8

II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ ГОТСКОГО И НЕМЕЦКОГО ДВОРОВ

15

III. ИСТОРИЯ ГАНЗЕЙСКОЙ КОНТОРЫ В НОВГОРОДЕ

24

Этап I (XII в.)

26

Этап II (XIII в.)

31

Этап III (первая половина XIV в.)

41

Этап IV (вторая половина XIV в.)

46

Этап V (1392—1494 гг.)

56

Этап VI (1494—1514 гг.)

76

Этап VII (XVI в.)

79

Этап VIII (XVII в.)

84

ИСТОРИЯ АРЕНДЫ ГОТСКОГО ДВОРА

89

**IV. УСТРОЙСТВО ГАНЗЕЙСКОЙ КОНТОРЫ
В НОВГОРОДЕ**

101

**V. ИНОЗЕМНЫЕ ДВОРЫ
В НОВГОРОДЕ В XVI—XVII вв.**

124

ПРИЛОЖЕНИЯ

IV скра. Пер. И. Э. Клейненберга

141

Примечания к текстам IV скры

169

Арендный договор на Готский двор 1425 г. (неподлинный)

171

Повесть о посаднике Добрыне

171

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

174